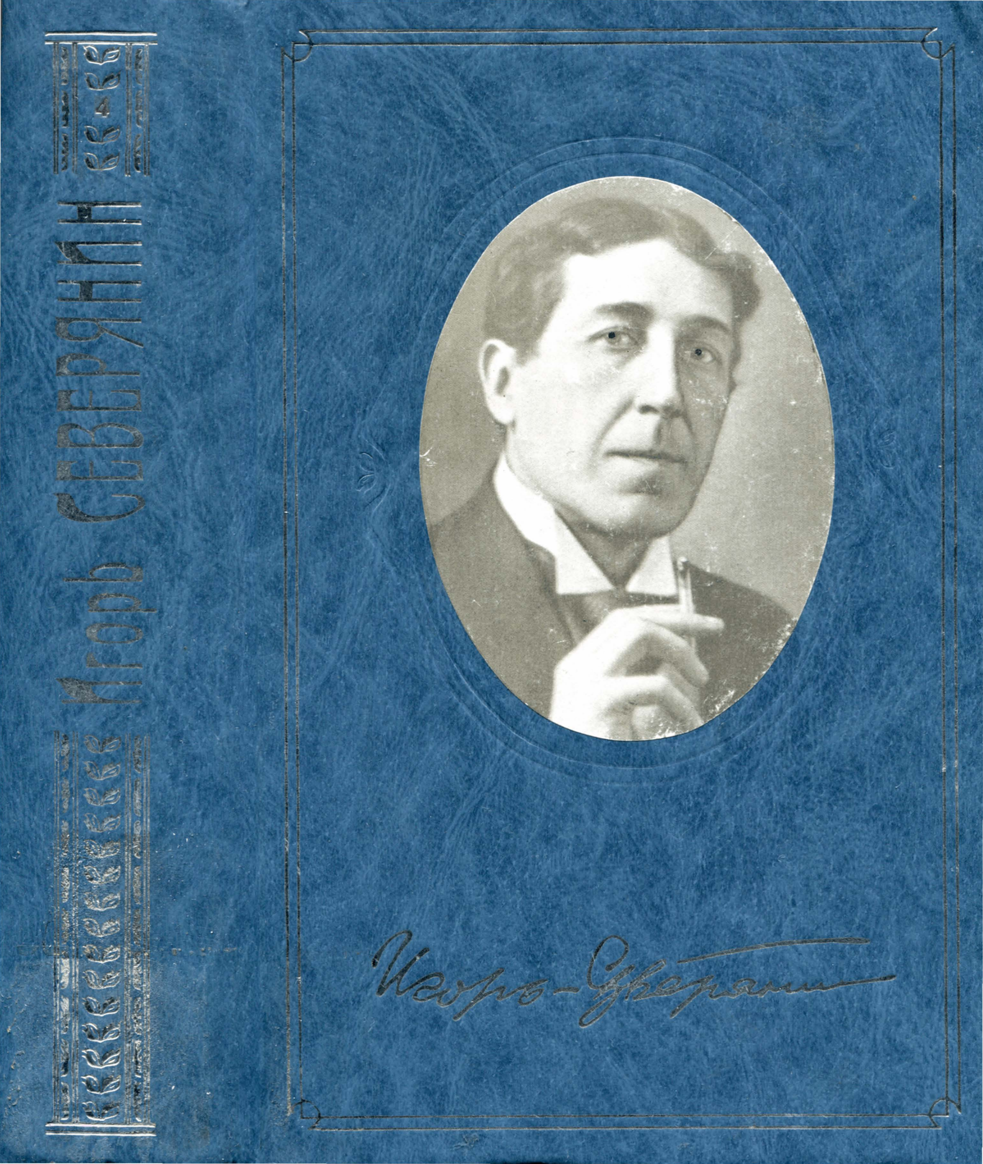
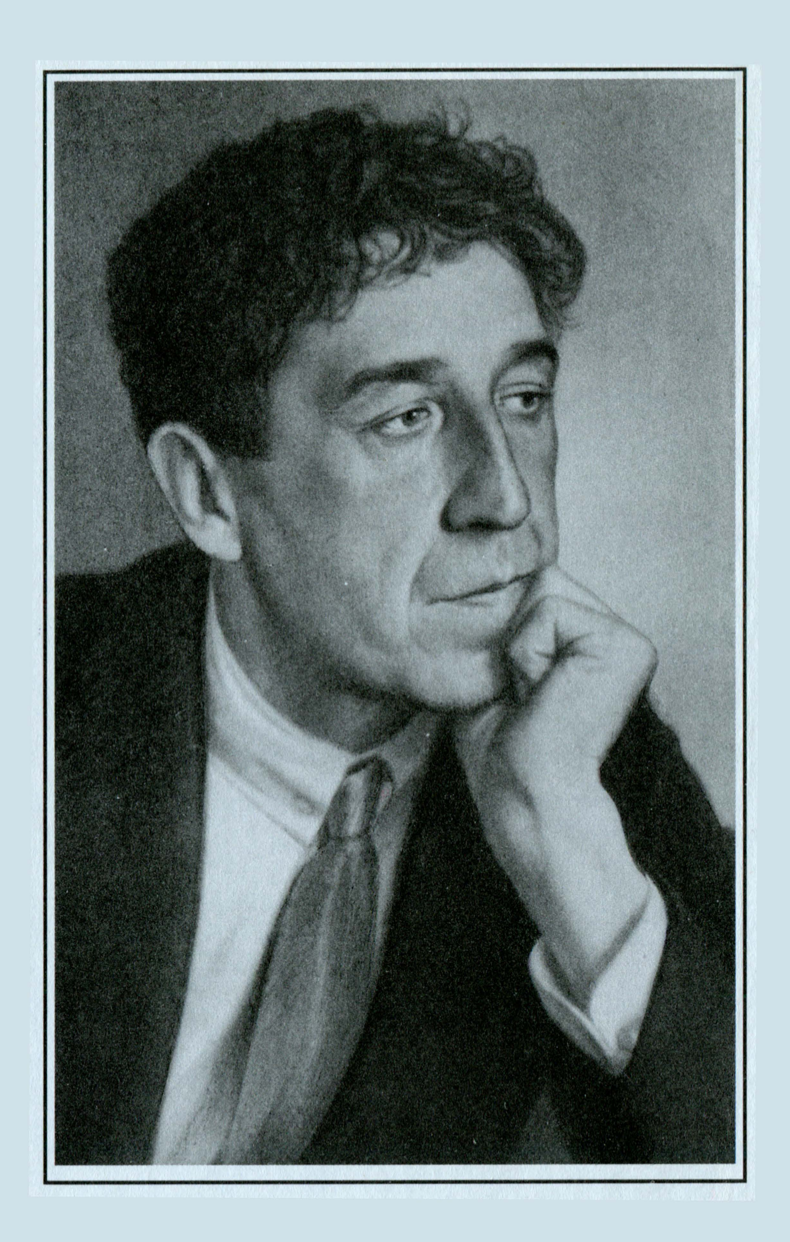

Игорь Северянин
4

СОЧИНЕНИЯ
в пяти томах

Том четвертый

Санкт-Петербург
Издательство
«LOGOS»
1996

ББК 84.Р1
С28

Составление, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии
В. А. КОШЕЛЕВА и В. А. САПОГОВА

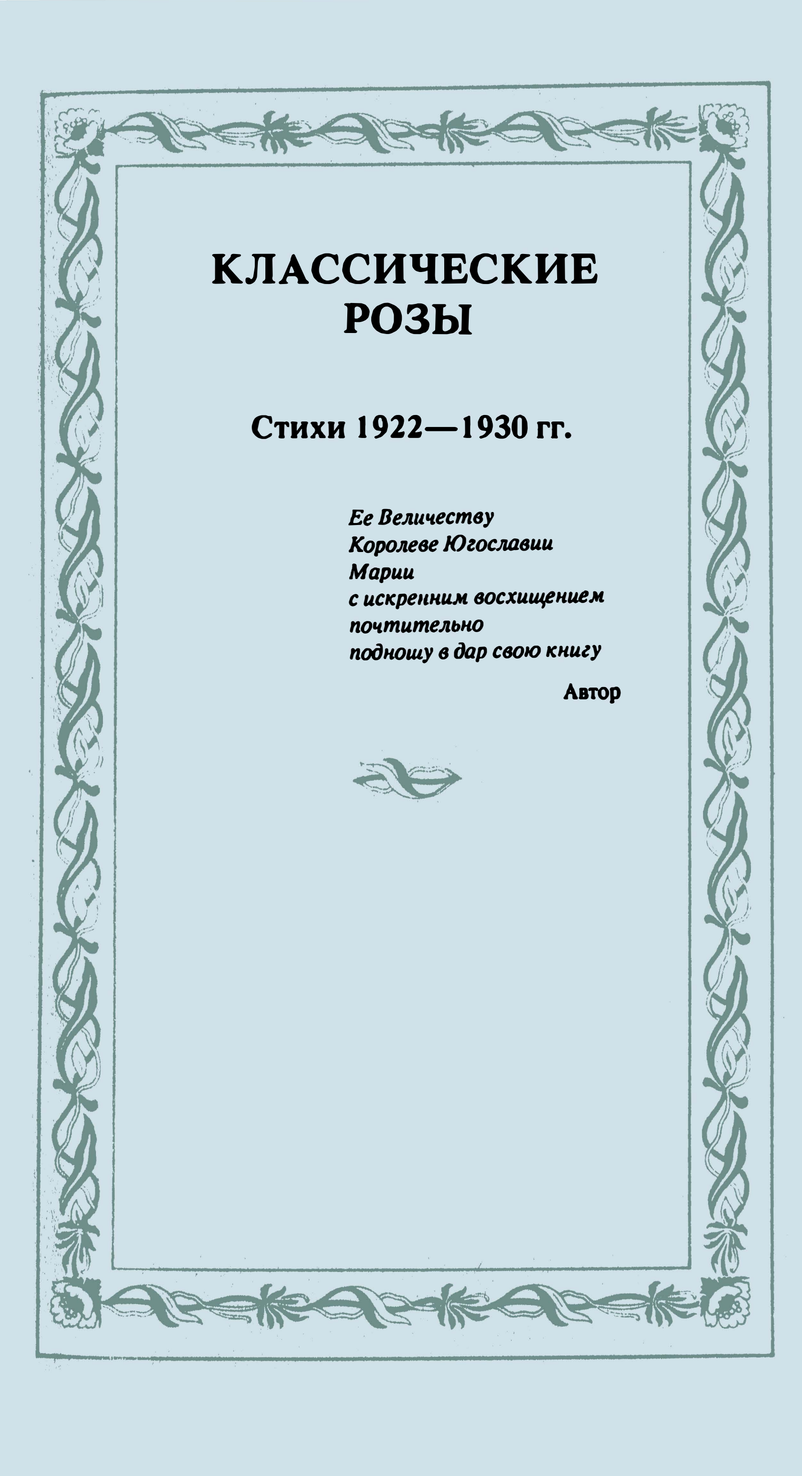
Фотографии для публикации предоставлены
Череповецким музейным объединением

Подбор фотографий Н. Т. ДОКУМЕНТОВОЙ

Художник В. КОРНИЛОВ

С $\frac{4702010102}{Г73(03)-96}$ Подписное

ISBN 5-87288-084-7 (т.4)
ISBN 5-87288-080-4

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Стихи 1922—1930 гг.

Ее Величеству
Королеве Югославии
Марии
с искренним восхищением
почтительно
подношу в дар свою книгу

Автор

КОРОЛЕВЕ МАРИИ

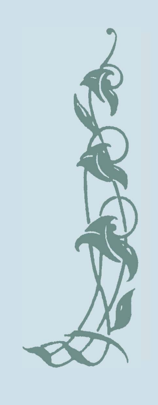
Однажды в нашей северной газете
Я Вас увидел с удочкой в руках,—
И вспыхнуло сочувствие в поэте
К Жене Монарха в солнечных краях.

И вот с тех пор, исполнена напева,
Меня чарует все одна мечта.
Стоит в дворцовом парке Королева,
Забрасывая удочку с моста.

Я этот снимок вырезал тогда же,
И он с тех пор со мной уже всегда.
Я не могу себе представить даже,
Как без него в былые жил года.

Мне никогда уж не разубедиться
В мечте, над финской созданной волной,
Что южная прекрасная царица
Владеет поэтической душой!

Белград
18-XII-1930

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Мятлев. 1843

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

1925

ЧАЕМЫЙ ПРАЗДНИК

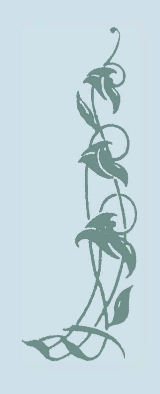
ЗАПЕВКА

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

1925

КТО ЖЕ ТЫ?

Гой ты, царство балагана!
Ты, сплошная карусель!
Злою волей хулигана
Кровь хлебаешь, как кисель...

Целый мир тебе дивится,
Все не может разгадать:
Ты — гулящая девица
Или Божья благодать?

1925

ПРЕДВОСКРЕСЕНЬЕ

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось, умирала,
Как любовь, как солнце, как весна.

И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова,—
Как весна, как солнце, как Христос!

1925

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет? Так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить —
Россию нужно заслужить!

1925

И БУДЕТ ВСКОРЕ...

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя!

1925

ИЛИ ЭТО ЧУДИТСЯ?

Или это чудится?
Или это так?
Тихо шепчет: «Сбудется:
К свету этот мрак.
Только не растаскивай
Скопленных лучей».
Чей ты, голос ласковый?
Чьих ты блеск очей?

Возникает гридница.
Смотришь,— ничего.
Слышится,— не видится.
Что за колдовство!
Проплывает утица
На призывный кряк.
Или это чудится?
Или это так?

1929

В ТОТ МАЙ

Был май. На подстриженной Стрелке
Уже продавали фиалки.
Детишки играли в горелки,
И нежились горизонталки.

И шины колясок хрустели,
Прижатый тревожили гравий.
Был май, и на майской пастэли
Все было в Островской оправе.

Белесо ночела столица
За Невками и за Невою.
И были обвеяны лица
Сиренью в тот май неживою...

Болотной, чахоточной, белой
Обвеяны были сиренью.
Дышали уста Изабеллой —
Чуть терпкой, чуть тленною ленью...

Была обреченность и гибель
В глазах, в Островах, в белой жути.
И в каждой-то каменной глыбе
Был сказ о последней минуте.

Угаслыми были горелки
И зяблыми горизонталки
В тот май полумертвый на Стрелке,
Где мертвыми стали фиалки...

1929

ПРЕДГНЕВЬЕ

Москва вчера не понимала,
Но завтра, верь, поймет Москва:
Родиться русским — слишком мало,
Чтоб русские иметь права...

И вспомнив душу предков, встанет,
От слова к делу перейдя,
И гнев в народных душах грянет,
Как гром живящего дождя.

И сломит гнет, как гнет ломала
Уже не раз повстанцев рать...
Родиться Русским — слишком мало:
Им надо *быть*, им надо *стать*!

1925

РУССКИЕ ВИЛЫ

Когда Бонапарт приближался к Москве
И щедро бесплодные сеял могилы,
Победный в кровавом своем торжестве,—
В овинах дремали забытые вилы.

Когда ж он бежал из сожженной Москвы
И армия мерзла без хлеба, без силы,—
В руках русской бабы вдруг ожили вы,
Орудием смерти забытые вилы!

...Век минул. Дракон налетел на Москву,
Сжигая святыни, и, душами хилы,
Пред ним москвичи преклонили главу...
В овинах дремали забытые вилы.

Но кровью людскою упившись, дракон
Готовится лопнуть: надулись все жилы.
Что ж, русский народ! Враг почти побежден:
— Хватайся за вилы!

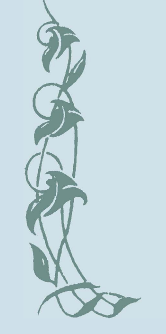
1925

ОТЕЧЕСТВА ЛИШЕННЫЙ

Была у тебя страна,
И был у тебя свой дом,
Где ты со своей семьей
Лелеял побеги роз...
Но родины не ценя,
Свой дом не сумев сберечь,
И мало любя семью,
Ты все потерял — был день,
Зачем же теперь видна
Во взоре тоска твоем,
И в чуждом краю зимой
Ты бродишь и наг, и бос?
И ждешь — не дождешься дня
Услышать родную речь
И, сев на свою скамью,
Смотреть на сгоревший пень?..
И снова сажать ростки,
И снова стругать бревно,
И, свадьбу опять сыграв,
У Неба молить детей,—
Чтоб снова в несчастный час,
Упорной страшась борьбы,
Презренным отдать врагам
И розы, и честь, и дом...
Глупец! от твоей тоски
Заморским краям смешно,
И сетовать ты не прав,
Посмешище для людей...
Живи же, у них учась
Царем быть своей судьбы!..
— Стихи посвящаю вам,
Всем вам, воплощенным в «нем»!

1925

Я МЕЧТАЮ...

Я мечтаю о том, чего нет
И чего я, быть может, не знаю...
Я мечтаю, как истый поэт,—
Да, как истый поэт, я мечтаю.

Я мечтаю, что в зареве лет
Ад земной уподобится раю.
Я мечтаю, вселенский поэт,—
Как вселенский поэт, я мечтаю.

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я — русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю!

1922

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

— Что такое Россия, мамочка?
— Это... впавшая в сон княжна...
— Мы разбудим ее, любимая?
— Нет, не надо: она — больна...

— Надо ехать за ней ухаживать...
— С нею няня ее... была...
Съели волки старушку бедную...
— А Россия что ж?
                    — Умерла...

— Как мне больно, моя голубушка!..
Сердце плачет, и в сердце страх...
— О, дитя! Ведь она бессмертная,
И воскреснет она... на днях!

1925

КОЛЫБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ НОВОЙ

Вот подождите — Россия воспрянет,
Снова воспрянет и на ноги встанет.
Впредь ее Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...

Встанет Россия, да, встанет Россия,
Очи раскроет свои голубые,
Речи начнет говорить огневые,—
Мир преклонится тогда перед ней!

Встанет Россия — все споры рассудит...
Встанет Россия — народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.

А вдохновенно и религиозно,
Пламенно веря и мысля серьезно,
В недрах своих непреложностью грозный
Станет выращивать новый цветок...

Время настанет — Россия воспрянет,
Правда воспрянет, неправда отстанет,
Мир ей восторженно славу возгрянет,—
Родина Солнца — Восток!

1923

СТИХИ МОСКВЕ

Мой взор мечтанья оросили:
Вновь — там, за башнями Кремля
Неподражаемой России
Незаменимая земля.

В ней и убогое богато,
Полны значенья пустячки:
Княгиня старая с Арбата
Читает Фета сквозь очки...

А вот к уютной церковушке
Подъехав в щегольском «купэ»,
Кокотка оделяет кружки,
Своя в тоскующей толпе...

И ты, вечерняя прогулка
На тройке вдоль Москвы-реки!
Гранитного ли переулка
Радушные особняки...

И там, в одном из них, где стайка
Мечтаний замедляет лёт,
Московским солнышком хозяйка
Растапливает «невский лед»...

Мечты! вы — странницы босые,
Идущие через поля,—
Неповергаемой России
Незаменимая земля!

1925

СТРАНИЧКА ДЕТСТВА

В ту пору я жил в новгородских дебрях.
Мне было около десяти.
Я ловил рыбу, учился гребле,
Мечтал Америку посетить.

И часто, плавая в душегубке
И ловко вылавливая тарабар,
Размышлял о каком-нибудь там поступке,
Который прославила бы труба...

Я писал стихи, читал Майн Рида,
При встречах с девочками краснел,
И одна из сверстниц была мой идол,
Хотя я и не знал, что мне делать с ней...

Дружил с рабочими нашего завода,
Но любил все-таки — больше людей —
В преддверьи своего одиннадцатого года,
Всех наших четырнадцать лошадей!

В катанье на масленице, в день третий
Когда доставляла тройка меня
В город, в котором учились дети,
По главной улице ее гонял.

И разогревшись, дав Тимофею
На чай прикопленных три рубля,
Говорил: «Понимаешь? Чтобы всех быстрее!»
И кучер гиком ее распалял.

Десятки саней оставались сзади,
Саней уважаемых горожан,
И, к общей зависти и досаде,
Мальчишка взрослых опережал!

А кончилось тем, что и сам стал взрослым
И даже довольно известным стал,
И этого достичь было очень просто,
Потому что истина всегда проста...

1929

ПАСХА В ПЕТЕРБУРГЕ

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вешнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.

Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселою Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела.

И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленною пахло доскою.

Из-за вымытых к Празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.

Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы приколовши.
А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши...

Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность...

Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

1926

НОЧЬ НА АЛТАЕ

На горах Алтая,
Под сплошной галдеж,
Собралась, болтая,
Летом молодежь.

Юношество это
Было из Москвы,
И стихи поэта
Им читали Вы.

Им, кто даже имя
Вряд ли знал мое,
Им, кто сплел с другими
Все свое житье...

Ночь на бивуаке.
Ужин из ухи.
И костры во мраке,
И стихи, стихи!

Кедры. Водопады.
Снег. Луна. Цветы.
Словом, все, что надо
Торжеству мечты.

Ново поколенье,
А слова ветхи.
Отчего ж волненье
Вызвали стихи?

Отчего ж читали
Вы им до утра
В зауральской дали,
В отблесках костра?

Молодежь просила
Песен без конца:
Лишь для русских — сила
Русского певца!

Я горжусь, читая
Ваше письмецо,
Как в горах Алтая
Выявил лицо...

1929

НАРОДНЫЙ СУД

Я чувствую, близится судное время:
Бездушье мы духом своим победим,
И в сердце России пред странами всеми
Народом народ будет грозно судим.

И спросят избранники — русские люди —
У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркий культуры отчизны своей.

Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя...
И скажут они: «Мы обмануты были,
Мы верили в то, во что верить нельзя...»

И судьи умолкнут с печалью любовной,
Поверив себя в неизбежный черед,
И спросят: «Но кто же зачинщик виновный?»
И будет ответ: «Виноват весь народ.

Он думал о счастье отчизны родимой,
Он шел на жестокость во имя Любви...»
И судьи воскликнут: «Народ подсудимый!
Ты нам не подсуден: мы — братья твои!

Мы — часть твоя, плоть твоя, кровь твоя, грешный,
Наивный, стремящийся вечно вперед,
Взыскующий Бога в Европе кромешной,
Счастливый в несчастье, великий народ!»

1925

СЛОВА СОЛНЦА

Много видел я стран и не хуже ее —
Вся земля мною нежно любима.
Но с Россией сравнить?.. С нею — сердце мое,
И она для меня несравнима!

Чья космична душа, тот плохой патриот:
Целый мир для меня одинаков...
Знаю я, чем могуч и чем слаб мой народ,
Знаю смысл незначительных знаков...

Осуждая войну, осуждая погром,
Над народностью каждой насилье,
Я Россию люблю — свой родительский дом —
Даже с грязью со всею и пылью...

Мне немыслима мысль, что над мертвою — тьма...
Верю, верю в ее воскресенье
Всею силой души, всем воскрыльем ума,
Всем огнем своего вдохновенья!

Знайте, верьте: он близок, наш праздничный день,
И не так он уже за горами —
Огласится простор нам родных деревень
Православными колоколами!

И раскается темный, но вещий народ
В прегрешеньях своих перед Богом.
Остановится прежде, чем в церковь войдет,
Нерешительно перед порогом...

И в восторге метнув в воздух луч, как копье
Золотое, слова всеблагие,
Скажет солнце с небес: «В воскресенье свое
Всех виновных прощает Россия!»

1925, март

БЫВАЮТ ДНИ...

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою.

Все, все в ней противоречиво,
Двулико, двуедино в ней,
И дева, верящая в диво
Надземное,— всего земней.

Как снег — миндаль. Миндальны зимы.
Гармошка — и колокола.
Дни дымчаты. Прозрачны дымы.
И воронь — и сокола.

Слом Иверской часовни. Китеж.
И ругань-мать, и ласка-мать...
А вы-то тщитесь, вы хотите
Ширококрайнюю объять!

Я — русский сам и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!

Ночь под 1930-й год

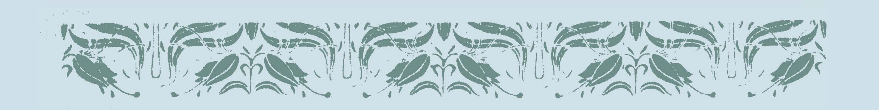

МОЯ РОССИЯ

> И вязнут спицы расписные
> В расхлябанные колеи...
>
> *Ал. Блок*

Моя безбожная Россия,
Священная моя страна!
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые,—
Ах, им ли радость не дана?
Ее порывы огневые,
Ее мечты передовые,
Ее писатели живые,
Постигшие ее до дна!
Ее разбойники святые,
Ее полеты голубые,
И наше солнце, и луна!
И эти земли неземные,
И эти бунты удалые,
И вся их, вся их глубина!
И соловьи ее ночные,
И ночи пламно-ледяные,
И браги древние хмельные,
И кубки, полные вина!
И тройки бешено-степные,
И эти спицы расписные,
И эти сбруи золотые,
И крыльчатые пристяжные,
Их шей лебяжья крутизна!
И наши бабы избяные,
И сарафаны их цветные,
И голоса девиц грудные
Такие русские, родные,
И молодые, как весна,
И разливные, как волна,
И песни, песни разрывные,
Какими наша грудь полна,
И вся она, и вся она —
Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна!

1924

БЕССМЕРТНЫМ

БЕССМЕРТНЫМ

Любовь! Россия! Солнце! Пушкин! —
Могущественные слова!..
И не от них ли на опушке
Нам распускается листва?

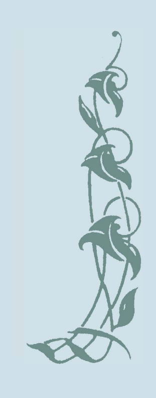
И молодеет не от них ли
Стареющая молодежь?..
И не при них ли в душах стихли
Зло, низость, ненависть и ложь!

Да, светозарны и лазорны,
Как ты, весенняя листва,
Слова, чьи звуки чудотворны,
Величественные слова!

При звуках тех теряет даже
Свой смертоносный смысл в дали
Веков дрожащая в предаже
Посредственная Natalie...

При них, как перед вешним лесом,
Оправдываешь, не кляня,
И богохульный флёрт с Дантесом —
Змею Олегова коня...

1924

БАЛЬМОНТУ

Мы обокрадены своей эпохой,
Искусство променявшей на фокстротт.
Но как бы ни было с тобой нам плохо,
В нас то, чего другим недостает.

Талантов наших время не украло.
Не смело. Не сумело. Не смогло.
Мы — голоса надземного хорала.
Нам радостно. Нам гордо. Нам светло.

С презреньем благодушным на двуногих
Взираем, справедливо свысока,
Довольствуясь сочувствием немногих,
Кто золото отсеял от песка.

Поэт и брат! Мы двое многих стоим
И вправе каждому сказать в лицо:
— Во всей стране нас только двое-трое
Последних Божьей милостью певцов!

1927

НЕЗРЯЧЕЙ

Любовь явила зренье Иоланте,
Когда судьбой ей послан был Бертран.
...Я размышляю об одном таланте,
Незрячем в безлюбовии пера...

Его-то кто же вызрит? Что за рыцарь?
Не поздно ли на старости-то лет?
О, злая и сварливая царица,
Яд у тебя на письменном столе!

Взамен чернил ты пишешь им и жалишь
Всех и подчас — подумай — и меня...
Но ты сама почти уже в опале,—
О, пусть тебя все рифмы сохранят.

Остерегись, прославленная! Рано
Иль поздно ты познаешь суд судьбы.
Моли у неба своего Бертрана:
Еще прозреть есть время, может быть!..

1927

ЛИДИИ ЛИПКОВСКОЙ

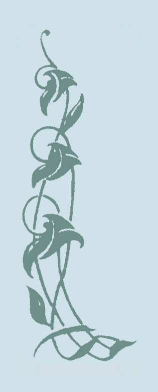
Вы так жалеете, что том моих стихов
Забыт в Америке перед отъездом Вами.
Греха подобного не наказать словами,
И я даю вам... отпущение грехов!

Вы говорите, что среди сонетных строф
Вы не нашли Вам посвященных мной. Как даме,
Я Вам, польщенный, отвечаю: Вас стихами
Я пел четырежды, и впредь всегда готов...

Сирень весны моей! Вот я на Вас гляжу,
Переносясь мечтой к совсем иному мигу,
Когда я молод был и мир готовил к сдвигу,

И Вы, мой соловей, мне пели на межу.
И пусть Вы за морем мою забыли книгу,
Я голос Ваш всегда в душе своей вожу.

Варшава
17 сент. 1924

ДЕВЯТОЕ ОКТЯБРЯ

ДЕВЯТОЕ ОКТЯБРЯ

Девятого октября
Оранжевая заря
Свела нас у струй реки.
Молила рука руки.

Девятого октября
Пришел я к реке, горя
Любовью к тебе большой,
Постигнув тебя душой.

Девятого октября
Ты встретилась мне, даря
Святое свое святых
И свой непорочный стих.

С тех пор я, ничей, стал твой,
И ты над моей листвой —
Оранжевая заря
С девятого октября.

Юрьев
1923

ДОРОЖЕ ВСЕХ...

Моя жена всех женщин мне дороже
Величественною своей душой.
Всю мощь, всю власть изведать ей дай Боже
Моей любви воистину большой!

Дороже всех — и чувства вновь крылаты,
И на устах опять счастливый смех...
Дороже всех: дороже первой Хлаты!
Моя жена душе дороже всех!

Моя жена мудрей всех философий,—
Завидная ей участь суждена,
И облегчить мне муки на Голгофе
Придет в тоске одна моя жена!

1923

ЕЕ ПИТОМЦЫ

Она кормила зимних птичек,
Бросая крошки из окна.
От их веселых перекличек
Смеялась радостно она.

Когда ж она бежала в школу,
Питомцы, слыша снега хруст,
Ватагой шумной и веселой
Неслись за ней с куста на куст!

Озеро Uljaste
1923

«МОРЯНА»

Есть женщина на берегу залива.
Ее душа открыта для стиха.
Она ко всем знакомым справедлива
И оттого со многими суха.

В ее глазах свинцовость штормовая
И аметистовый закатный штиль.
Она глядит, глазами омывая
Порок в тебе,— и ты пред ней ковыль.

Разочарованная в человеке,
Полна очарованием волной.
Целую иронические веки,
Печально осиянные луной.

И твердо знаю вместе с нею: грубы
И нежные, и грубые нежны.
Ее сомнамбулические губы
Мне дрогнули об этом в час луны...

Озеро Uljaste
1924

ФИОЛЕТОВОЕ ОЗЕРКО

Далеко, далеко, далеко
Есть сиреневое озерко,
Где на суше и даже в воде —
Ах, везде! ах, везде! ах, везде! —
Льют цветы благодатную лень,
И названье цветам тем — Сирень.

В фиолетовом том озерке —
Вдалеке! вдалеке! вдалеке! —
Много нимф, нереид, и сирен,
И русалок, поющих рефрен
Про сиренево-белую кровь,
И названье тем песням — Любовь.

В той дали, в той дали, в той дали,—
Где вы быть никогда не могли,—
На сиреневом том озерке,—
От земли и небес вдалеке,—
Проживает бесполая та —
Ах, не истинная ли Мечта? —
Кто для страсти бесстрастна, как лед...

И полет, мой полет, мой полет —
К неизведанному уголку,
К фиолетовому озерку,
В ту страну, где сирени сплелись,
И названье стране той — Фелисс!

1923

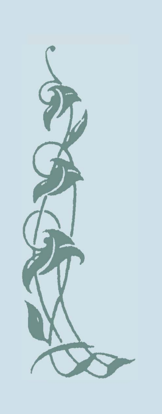
ЗАКАТЫ ОДИНОЧЕСТВА

Если с нею — как храм, природа.
Без любимой — она тюрьма.
Я за марку улов свой отдал:
Без обеда — не без письма.

Я пишу ей, что трижды встретил
Без нее — и я жив? — закат,
Что не надо рождаться детям,
Если ждет их, как нас, тоска.

Что для счастья большой и белой
И единственной, как земля,
Я не знаю, чего не сделал,
Но я знаю, что сделал я!

Озеро Uljaste
1925

И ТОГДА —

В альбом Б. В. Правдину

Я грущу по лесному уюту,
Взятый городом в плен на два дня.
Что ты делаешь в эту минуту
Там, у моря теперь, без меня?

В неоглядное вышла ли поле
В золотистых сентябрьских тонах?
И тогда — сколько радости воли
В ненаглядных любимых глазах!

Или, может быть, легкой походкой
Ты проходишь по пляжу сейчас?
И тогда — море с дальнею лодкой
В зеркалах обожаемых глаз...

Или в парк по любимой тропинке
Мчишься с грацией дикой козы?
И тогда — ветрятся паутинки
Женской — демонстративной — косы...

Не раскрыт ли тобою Шпильгаген?
Книга! — вот где призванье твое!
И тогда — моя ревность к бумаге:
Ты руками коснулась ее...

Неизвестность таит в себе смуту...
Знаю только — и это не ложь! —
Что вот в самую эту минуту
Ты такой же вопрос задаешь...

Юрьев,
17 сент. 1926

ЗЕЛЕНОЕ ОЧАРОВАНЬЕ

Распустилась зеленая и золотая,
Напоенная солнечным соком листва.
Грез весенних вспорхнула лукавая стая,
И опять — одряхлевшие юны слова.

Снова — необъяснимо и непостижимо,
Обнадеженно, опыту наперекор —
Все разлюбленное стало нежно-любимо,
Очаровывая разуверенный взор.

И недаром ты в парке вчера щебетала
О давно не затрачиваемой любви:
Ведь на то и весна, чтобы все, что устало,
Зазвучало, как тихие губы твои...

1928

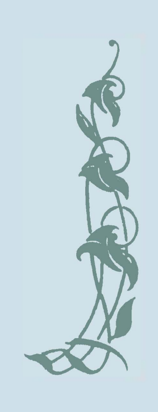

В СНЕГАХ

Глубокий снег лежит у нас в горах.
Река в долине бег остановила.
Вся белая, слилась со снегом вилла.
И мы одни идем в своих снегах.
В устах медлительное: «Разлюбила...»
«Всегда люблю!» — поспешное в глазах.

Ну да, всегда... Я знаю, снег растает,
Под звон литавр взломает лед река.
В ней снова отразятся облака,
И в рощах жемчуг трелей заблистает.
Ну да — всегда! Об этом сердце знает!
Иначе снег лежал бы здесь — века!

1927

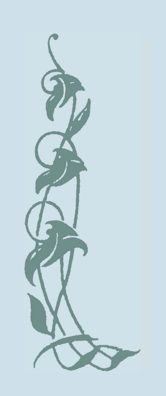
СЕРЕБРЯНАЯ СОНАТА

Я стою у окна в серебреющее повечерье
И смотрю из него на использованные поля,
Где солома от убранной ржи ощетинила перья
И настрóжилась заморозками пустая земля.

Ничего! — ни от вас, лепестки белых яблонек детства,
Ни от вас, кружевные гондолы утонченных чувств...
Я растратил свой дар — мне врученное богом
наследство,—
Обнищал, приутих и душою расхищенной пуст...

И весь вечер — без слов, без надежд, без мечты,
без желаний,
Машинально смотря, как выходит из моря луна
И блуждает мой друг по октябрьской мерзлой поляне,
Тщетно силясь в тоске мне помочь,— я стою у окна.

1925

НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ СОН

Мне удивительный вчера приснился сон:
Я ехал с девушкой, стихи читавшей Блока.
Лошадка тихо шла. Шуршало колесо.
И слезы капали. И вился русый локон...

И больше ничего мой сон не содержал...
Но, потрясенный им, взволнованный глубоко,
Весь день я думаю, встревоженно дрожа,
О странной девушке, не позабывшей Блока...

1927

ПОЮЩИЕ ГЛАЗА

Над калиткой арка из рябины.
Барбарис разросся по бокам.
За оградой домик голубиный.
Дым из труб, подобный облакам.

Домик весь из комнаты и кухни.
Чистота, опрятность и уют.
Подойди к окну и тихо стукни:
За стеклом два глаза запоют.

Женщина с певучими глазами
Спросит, кто любимый твой поэт,
И, с улыбкой прислонившись к раме,
Терпеливо будет ждать ответ.

Назови какое хочешь имя:
Будь то Надсон или Малларме,
В дом, где облака таятся в дыме,
Будешь вхож, назвать себя сумев.

Если же ты скажешь: «Что мне в этом
Знать стихов я вовсе не хочу»,—
Женщина, рожденная поэтом,
Вдруг погасит взоры, как свечу.

И хотя бы кудри поседели
Пред стеклом, скрывающим уют,
О твоем тебя не спросят деле
Те глаза, которые поют...

1927

НА ЗАКАТЕ

...отдыхала глазами на густевшем закате...

Н. Лесков

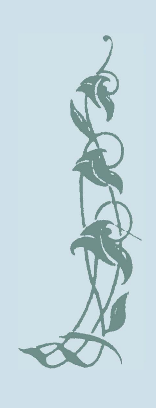
Отдыхала глазами на густевшем закате,
Опустив на колени том глубинных листков,
Вопрошая в раздумьи, есть ли кто деликатней,
Чем любовным вниманьем воскрешенный Лесков?

Это он восхищался деликатностью нищих,
Независимый, гневный, надпартийный, прямой.
Потому-то любое разукрасят жилище
Эти книги премудрости вечной самой.

А какие в них ритмы! А какая в них залежь
Слов ядреных и точных русского языка!
Никаким модернистом ты Лескова не свалишь
И к нему не посмеешь подойти свысока.

Достоевскому равный, он — прозеванный гений.
Очарованный странник катакомб языка!
Так она размышляла, опустив на колени
Воскрешенную книгу, созерцая закат.

1928

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ

В твою мечтальню солнце впрыгнуло
С энергиею огневой,
И, разогревшись, кошка выгнула
Полоски шубки меховой.

И расплескался луч в хрусталиках
Цветочной вазы от Фраже,
С улыбкой на диванных валиках
Заметив томики Бурже...

Луч попытается камелии
Понюхать, в тщетном рвеньи рьян.
Разглядывая рукоделия,
Тебе покажет на изъян.

Потом (пойми, ведь солнце молодо
И пустовато, как серсо!)
Чуть-чуть придать захочет золота
Недопитому кюрасо...

О, солнце марта любознательно,
В нем шутка и предвешний хмель!
Смотри, сосет оно признательно
Развернутую карамель...

И все стремится в сердце девичье
Бесцеремонно заглянуть:
Вместилась в грудь строфа ль Мицкевича
Строфа ль Мюссе вместилась в грудь?

И напроказничав в мечталенке,
Взглянув кокетливо в трюмо,
Запрячется в конвертик маленький,
В котором ты пошлешь письмо...

1926

УЗОР ПО КАНВЕ

По отвесному берегу моря маленькой Эстии,
Вдоль рябины, нагроздившей горьковатый коралл,
Где поющие девушки нежно взор заневестили,
Чья душа целомудренней, чем березья кора,

По аллее, раскинутой над черной смородиной,
Чем подгорье окустено вплоть до самой воды,
Мы проходим дорогою, что не раз нами пройдена,
И все ищем висячие кружевные сады...

И все строим воздушные невозможные замки,
И за синими птицами неустанно бежим,
Между тем как поблизости — ласточки те же самые,
Что и прошлый раз реяли, пеночки и стрижи.

Нет, на птицу на синюю не похожа ты, ласточка,
На палаццо надземное не похожа изба.
Дай рябины мне кисточку, ненаглядная Эсточка,
Ту, что ветер проказливо и шутя колебал...

Toila — Valaste
1923

ОТЛИЧНОЙ ОТ ДРУГИХ

Ты совсем не похожа на женщин других:
У тебя в меру длинные платья,
У тебя выразительный, сдержанный смех
И выскальзыванье из объятья.

Ты не красишь лица, не сгущаешь бровей
И волос не стрижешь в жертву моде.
Для тебя есть Смирнов, но и есть соловей,
Кто его заменяет в природе.

Ты способна и в сахаре выискать «соль»,
Фразу — в только намекнутом слове...
Ты в Ахматовой ценишь бессменную боль,
Стилистический шарм в Гумилеве.

Для тебя, для гурманки стиха, острота
Сологубовского триолета,
И, что Блока не поцеловала в уста,
Ты шестое печалишься лето.

А в глазах оздоравливающих твоих —
Ветер с моря и поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне и стала женою.

1927

ЛЮБОВЬ КОРОННАЯ

Посв. Ф. М. Л.

Она, никем не заменимая,
Она, никем не превзойденная,
Так неразлюбчиво-любимая,
Так неразборчиво влюбленная,

Она, вся свежесть призаливная,
Она, моряна с далей севера,
Как диво истинное, дивная,
Меня избрав, в меня поверила.

И обязала необязанно
Своею верою восторженной,
Чтоб все душой ей было сказано,
Отторгнувшею и отторженной.

И оттого лишь к ней коронная
Во мне любовь неопалимая,
К ней, кто никем не превзойденная,
К ней, кто никем не заменимая!

1929

ТВОЯ ДОРОЖКА

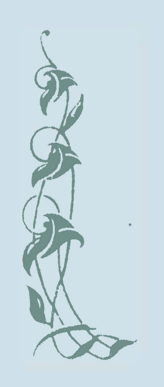
Свежей душистого горошка,
И значит — свежести свежей,
Немножко больше, чем немножко,
Ты захотела стать моей...

И к свежим я влекусь озерам
В незаменимости лесной,
Твоим сопровождаем взором,
Сопутствуем твоей весной.

Он сник, услад столичных демон,
Боль причинивший не одну...
Я платье свежее надену!
Я свежим воздухом вздохну!

Я — твой! Веди меня! Дорожка,
Мне выисканная тобой,—
Свежей душистого горошка:
Свежее свежести самой!

1929

ВЕДЬ ТОЛЬКО ТЫ ОДНА!

Ни одного цветка, ни одного листка.
Закостенел мой сад. В моем саду тоска.

Взад и вперед хожу, по сторонам гляжу.
О чем подумаю, тебе сейчас скажу.

Ведь только ты одна всегда, всегда нежна,
В печальной осени душе всегда нужна.

И только стоит мне взглянуть в глаза твои —
Опять весна пришла и трелят соловьи.

И на устах моих затеплен юный стих
От прикасания живящих уст твоих.

И пусть в саду пустом ни одного цветка,
И пусть в бокале нет ни одного глотка,

И пусть в столе моем нет ни одной строки,—
Жду мановения твоей благой руки!

1929

ЛЮБОВНИЦА

1

«Любовница» пошло звучит, вульгарно,
Как все позахватанное толпой,
Прочти ли сам Пушкин свой стих янтарный
Сама ли Патти тебе пропой.

Любовница — плоть и кровь романа,
Живая вода мировых поэм.
Вообразить себе Мопассана
Без этого слова нельзя совсем...

Любовница — дивное русское слово,
И как бы ты смел на него напасть,
Когда оно — жизни основа
И в нем сочетались любовь и страсть?!

2

В этом слове есть что-то неверное,
Драматическое что-то есть,
Что-то трогательное и нервное,—
Есть оправдываемая месть.

В этом слове есть томик шагреневый,
На бумаге веленевой станс.
В этом слове есть тайна Тургенева
И сиреневый вешний романс.

Благодатно до гроба запомнится
Озаряющее бытие
Грустно-нежное слово «любовница»,
Обласкавшее сердце твое.

3

Если же слово это
Может быть применимо
К собственной — не другого
И не к чужой — жене,

Счастье тебе готово,
Равное власти Рима
В эру его расцвета,
Можешь поверить мне!

1929

СТИХИ ОКТЯБРЬСКОГО ЗАКАТА

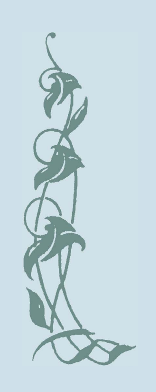
Ты чутко читала Сергея Волконского
На синей тахте у стены голубой.
Я только что кончил работу с эстонского,
И мы говорили о книге с тобой.

— Ведь это не часто, чтоб книга претолстая
Была целиком и умна, и тонка,—
Сказала так славно, и хлынули волосы
Каштановым ливнем на край дневника.

Луч солнца упал на склоненную талию,
На женственный шелк старомодных волос.
И нас, северян, потянуло в Италию,
И южное в северном сердце зажглось!

Ты вспомнила строфы священные Блоковы,
Шепнула: «И нашим бы музам на юг...»
А луч западающий двигался около,
Как будто обрадовался: «узнаю!»

1929

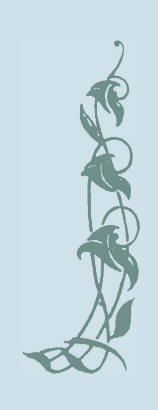

КАК ХОРОШО...

Как хорошо, что вспыхнут снова эти
Цветы в полях под небом голубым!
Как хорошо, что ты живешь на свете
И красишь мир присутствием своим!

Как хорошо, что в общем внешнем шуме
Милей всего твой голос голубой,
Что, умирая, я еще не умер
И перед смертью встретился с тобой!

1928

НА КОЛОКОЛА

НА КОЛОКОЛА

Ко всенощной зовут колокола,
Когда, в путь вышедшие на рассвете,
Мы различаем в далях монастырь.

Окончен лес, и пыльная бела
В полях дорога к церкви, где на третьей
Версте гора, вокруг которой ширь.

Там, за полями, на горе собор
В лучах печалящегося заката,
И не печальные ли купола?

Нам, проозеренный оставив бор,
Где встретилась с утра одна лишь хата,
Идти на нежные колокола.

У башенки зубчатого кремля,
Воздвигнутой над позаросшим скатом,
Свернув с пути, через калитку мы

Вступаем в монастырь. Его земля
Озарена печалящим закатом,
И в воздухе сгущенье белой тьмы.

Монашенки бесшумны и черны.
Прозрачны взоры. Восковые лики.
Куда земные дели вы сердца?

Обету — в скорби данному — верны,
Как вы в крови своей смирили клики?
Куда соблазн убрали из лица?

Иль, может быть, покойницы на вид,
Иных живых вы, девушки, живее,
И молодость повсюду молода?

И в ночь, когда сирень зашевелит
Свой аромат и вас весной овеет,
Не ищете ли повод для стыда?..

1927

МОЛИТВА

Достоевскому

Благочестивого монастыря
Гостеприимство радостно вкушая,
Я говорю: жизнь прожита большая,
Неповторяемая на земле!
Все находимое порастерял
И вот, слезами взоры орошая,
Я говорю: жизнь прожита большая...
Проговорил — и сердцем обомлел:

Большая жизнь, но сколького не знал!
Мелькают страны, возникают лица
Тех, о которых некому молиться,
Кто без молитвы жил и постарел...
Чем дольше жизнь, тем явственней сигнал...
С кем из безвестных суждено мне слиться?
О всех, о ком здесь некому молиться,
Я помолюсь теперь в монастыре...

Ночь под 1927 г.

ЗЕМНОЕ НЕБО

Как царство средь царства, стоит монастырь.
Мирские соблазны вдали за оградой.
Но как же в ограде — сирени кусты,
Что дышат по веснам мирскою отрадой?

И как же от взоров не скрыли небес,—
Надземных и, значит, земнее земного,—
В которые стоит всмотреться тебе,
И все человеческим выглядит снова!

1927

НА МОНАСТЫРСКОМ ЗАКАТЕ

Если закат в позолоте,
Душно в святом терему.
Где умерщвленье для плоти
В плоти своей же возьму?

Дух воскрыляю свой в небо...
Слабые тщетны мольбы:
Все, кто вкусили от хлеба,
Плоти навеки рабы.

Эти цветы, эти птицы,
Запахи, неба кайма,
Что теплотой золотится,
Попросту сводят с ума...

Мы и в трудах своих праздны,—
Смилуйся и пожалей!
Сам ты рассыпал соблазны
В дивной природе своей...

Где ж умерщвленье для плоти
В духе несильном найду?
Если закат в позолоте —
Невыносимо в саду...

1927

ЧЕРНЫЕ, НО БЕЛЫЕ

Белоликие монахини в покрывалах скорбно-черных,
Что в телах таите, девушки, духу сильному покорных?

И когда порханье запахов в разметавшемся жасмине,
Не теряете ли истины в ограждающем Амине?

Девушки богоугодные, да святятся ваши жертвы:
Вы мечтательны воистину, вы воистину усердны!

Но ведь плотью вы оплотены, и накровлены вы
кровью,—
Как же совладать вы можете и со страстью,
и с любовью?

Соловьи поют разливные о земном — не о небесном,
И о чувстве ночи белые шепчут грешном и прелестном...

И холодная черемуха так тепло благоухает,
И луна, луна небесная, по-земному так сияет...

Как же там, где даже женщины, даже женщины —
вновь девы,
Безнаказанно вдыхаете ароматы и напевы?

Не живые ль вы покойницы? Иль воистину святые? —
Черные, благочестивые, белые и молодые!

1927

ВСЕ ОНИ ГОВОРЯТ ОБ ОДНОМ

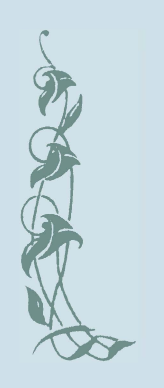
С. В. Рахманинову

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

И цветы монастырского луга
С лаской, свойственной только цветам,
Говорят, что одна есть заслуга:
Прикоснуться к любимым устам...

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят: нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...

1927

У МОРЯ И ОЗЕР

У МОРЯ И ОЗЕР

У моря и озер, в лесах моих сосновых,
Мне жить и радостно, и бодро, и легко,
Не знать политики, не видеть танцев новых
И пить, взамен вина, парное молоко.

В особенности люб мне воздух деревенский
Под осень позднюю и длительной зимой,
Когда я становлюсь мечтательным, как Ленский,
Затем, что дачники разъехались домой.

С отъездом горожан из нашей деревеньки
Уходит до весны (как это хорошо!)
Все то ходульное и то «на четвереньках»,
Из-за чего я сам из города ушел...

Единственно, о чем взгрустнется иногда мне:
Ни звука музыки и ни одной души,
Сумевшей бы стиха размер расслышать давний
Иль новый — все равно, кто б о стихе тужил.

Здесь нет таких людей, и вот без них мне пусто:
Тот отрыбачил день, тот в поле отпахал...
Как трудно без души, взыскующей искусства,
Влюбленной в музыку тончайшего стиха!

Доступность с простотой лежат в моих основах,
Но гордость с каждым днем все боле мне сродни:
У моря и озер в лесах моих сосновых
Мы с Музой радостны, но в радости — одни.

1927

НА ЗЕМЛЕ В КРАСОТЕ

Восемь лет я живу в красоте
На величественной высоте.
Из окна виден синий залив.
В нем — луны золотой перелив.

И — цветущей волной деревень —
Заливает нас в мае сирень,
И тогда дачки все и дома —
Сплошь сиреневая кутерьма!

Оттого так душисты мечты —
Не сиреневые ли цветы?
Оттого в упоенье душа,
Постоянно сиренью дыша...

А зимой — на полгода — снега,
Лыжи, валенки, санки, пурга.
Жарко топлена русская печь.
Книг классических четкая речь.

Нет здесь скуки, сводящей с ума:
Ведь со мною природа сама.
А сумевшие сблизиться с ней
Глубже делаются и ясней.

Нет, не тянет меня в города,
Где царит «золотая орда».
Ум бездушный, безумье души
Мне виднее из Божьей глуши.

Я со всеми в деревне знаком:
И с сапожником, и с рыбаком.
И кого не влекут кабаки,
Те к поэту идут рыбаки.

Скучно жить без газет мужичку...
Покурить мне дадут табачку,
Если нет у меня самого.
Если есть — я даю своего.

Без коня, да и без колеса
Мы идем на озера в леса
Рыболовить, взяв хлеба в суму,
Возвращаясь в глубокую тьму.

И со мной постоянно она,
Кто ко мне, как природа, нежна,
Чей единственный истинный ум
Шуму дрязг предпочел синий шум.

Я природой живу и дышу,
Вдохновенно и просто пишу.
Растворяясь душой в простоте,
Я живу на земле в красоте!

1925

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Десять лет — грустных лет! — как заброшен
в приморскую глушь я.
Труп за трупом духовно родных. Да и сам полутруп.
Десять лет — страшных лет! — удушающего
равнодушья
Белой, красной — и розовой! — русских общественных
групп.

Десять лет! — тяжких лет! — обескрыливающих
лишений,
Унижений щемящей и мозг шеломящей нужды.
Десять лет — грозных лет! — сатирических строф
по мишени
Человеческой бесчеловечной и вечной вражды.

Десять лет — странных лет! — отреченья от многих
привычек,
На теперешний взгляд — мудро-трезвый — ненужно-
дурных...
Но зато столько ж лет рыб, озер, перелесков, и птичек,
И встречанья у моря ни с чем не сравнимой весны!

Но зато столько ж лет, лет невинных, как яблоней
белых
Неземные цветы, вырастающие на земле,
И стихов из души, как природа, свободных и смелых,
И прощенья в глазах, что в слезах, и — любви на челе!

1927

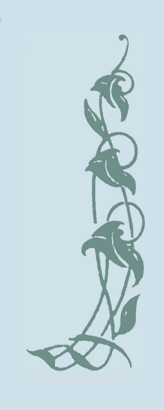
НЕ УСТЫДИСЬ...

Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь еще один расцвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса.

Земля цветет, вчера еще нагая,
Цветет душа, ее цветам внемля.
Нисходит в сердце радость всеблагая.
Ценней бессмертья — смертная земля!

Один лишь раз живя на этом свете
И ощущая землю только раз,
Забудь о судьбах будущих столетий:
Вся жизнь твоя — в лучах раскрытых глаз!

1926

В ДЕРЕВУШКЕ У МОРЯ

В деревушке у моря, где фокстротта не танцуют,
Где политику гонят из домов своих метлой,
Где целуют не часто, но зато, когда целуют,
В поцелуях бывают всей нетронутой душой;

В деревушке у моря, где избушка небольшая
Столько чувства вмещает, где — прекрасному сродни —
В город с тайной опаской и презреньем наезжая
По делам неотложным, проклинаешь эти дни;

В деревушке у моря, где на выписку журнала
Отдают сбереженья грамотные рыбаки
И которая гневно кабаки свои изгнала,
Потому что с природой не соседят кабаки;

В деревушке у моря, утопающей весною
В незабвенной сирени, аромат чей несравним,—
Вот в такой деревушке, над отвесной крутизною,
Я живу, радый морю, гордый выбором своим!

1927

СОБЛАЗНЫ ВЛАГИ

В однообразии своем разнообразны,
Они разбросаны, как влажные соблазны,
Глазами женскими, и женственны они,
Как дальней юности растраченные дни.
Я часто к ним иду, покорный власти зова.
Один прохладный глаз лучится васильково.
Другой — коричневый — лукавой глубиной
Коварно ворожит, веселый, надо мной.
И серый — третий — глаз, суровый, тайно-нежный,
Напоминает мне о девушке элежной,
Давно утраченной в те щедрые лета,
Когда вот эта жизнь была совсем не та...
И глядя на друзей, взволнованных и влажных,
Я вспомнил девушек в домах многоэтажных
И женщин с этою озерностью в глазах,
Всех женщин, взрощенных и вскормленных в лесах
Отчизны, взвившейся на мир змеей стожалой,
Крылатой родины, божественной, но шалой...

Их было у меня не меньше, чем озер
В лесу, где я иду к обители сестер:
Не меньше ста озер и женских душ не меньше,
Причем три четверти приходится на женщин.
И, углубляясь в приозерные леса,
Я вижу их глаза, я слышу голоса
И слезы вижу я, и смех припоминаю...
Я ими обладал,— я их теперь не знаю.
Я смутно помню их, когда-то близких мне,
Мне отдававших все со мной наедине —
И души, и тела... И что боготворимо
Когда-то было мной, теперь не больше дыма...
В разнообразии своем однообразны
Вдруг стали все они, и влажные соблазны
Их некогда живых и мертвых ныне глаз
Не будят нежности, не вовлекут в экстаз.
Настолько радостны нагаданные встречи,
Настолько тягостны разлуки. Вы — далече,
Непредназначенные женщины мои!..

И видя хлесткие движения змеи,
Ползущей к озеру, и вспомнив о России,

Глаза усталые, глаза немолодые
Закрыв в отчаяньи, я знаю, что слеза
Мне зацелованные женщиной глаза
Кольнет нещедрая — последняя, быть может:
Утеря каждая до сей поры тревожит...
О, эти призраки! Мучительны они...
Я силюсь позабыть растерзанные дни,
Смотрюсь в озера я, но — влажные соблазны
В однообразии уже однообразны...

14-го окт. 1928

В ПУТИ

Иду, и с каждым шагом рьяней
Верста к версте — к звену звено.
Кто я? Я — Игорь Северянин,
Чье имя смело, как вино!

И в горле спазмы упоенья.
И волоса на голове
Приходят в дивное движенье,
Как было некогда в Москве...

Там были церкви златоглавы
И души хрупотней стекла.
Там жизнь моя в расцвете славы,
В расцвете славы жизнь текла.

Вспененная и золотая!
Он горек, мутный твой отстой.
И сам себе себя читая,
Версту глотаю за верстой!

4 октября 1928

В ПУСТЫЕ ДНИ

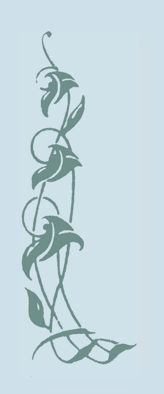
Бывает: сразу станут дни пусты.
Рьянь стихнет в них. Я складываю книжки
И тридцать верст иду без передышки
В свой девичий озерный монастырь.

Идти лесными тропами легко,
Бесчисленные обходить озера,
Идти не очень тихо и не скоро,
Дышать сосной и влагой глубоко.

Со мною только удочка моя —
Дороже всех услад земных тростинка.
Об Аглавене грежу Метэрлинка
И мучаюсь о Селизете я...

К закату возникает монастырь.
Мне шлют привет колокола вечерни.
Все безнадежнее и все безмерней
Я чувствую, как дни мои пусты...

1928

ВОДА ПРИМИРЯЮЩАЯ

Сам от себя — в былые дни позера,
Любившего услад душевных хмель —
Я ухожу раз в месяц на озера,
Туда, туда — за тридевять земель...

Почти непроходимое болото.
Гнилая гать. И вдруг — гористый бор,
Где сосны — мачты будущего флота —
Одеты в несменяемый убор.

А впереди, направо, влево, сзади,
Куда ни взглянешь, ни шагнешь куда,
Трав водяных взлохмаченные пряди
И все вода, вода, вода, вода...

Как я люблю ее, всегда сырую,
И нежную, и емкую, как сон...
Хрустальные благословляю струи:
Я, ими углубленный, вознесен.

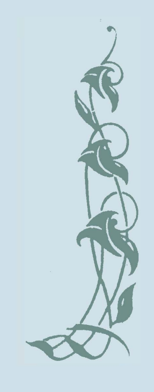
Люблю сидеть над озером часами,
Следя за ворожащим поплавком,
За опрокинутыми вглубь лесами
И кувыркающимся ветерком...

Как солнышко, сверкает красноперка,
Уловлена на острие крючка.
Трепещущая серебрится горка
Плотвы на ветхом днище челнока.

Под хлюпанье играющей лещихи,
Что плещется, кусая корни трав,
Мои мечты благочестиво тихи,
Из городских изъятые оправ...

Так как же мне от горя и позора
К ненужью вынуждающей нужды
Не уходить на отдых на озера
К смиренью примиряющей воды?..

1926, сентябрь

ЛЕСНЫЕ ОЗЕРА

За пустынною станцией Орро,
От морской теплоты в стороне,
Шелестят шелковисто озера
О разверенной старине...

К ним лесные приводят канавы,
Тропки вьются, вползая в бурьян.
Все в слепнях мечевидные травы.
В медуницах цветет валерьян.

Скрылось первое озеро в желтый
Длинностебельный лильчатый шарф,
Что при солнце слепительно золот:
Это — тинистое Пиен-Ярв.

А за ним — удаленное к югу,
Растворенное в голубизне,
Голубому подобное лугу,—
Дремлет Изана-Ярв в полусне.

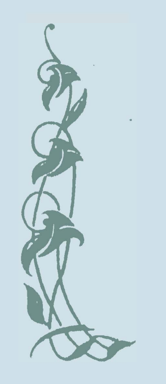
Мы идем, как лунатики, в чарах,
Отдаляясь от моря и рек.
Нас приветствует, все в ненюфарах,
Сонно-нежное озеро Рэк.

Под сосновою скользкой горою,
Жуть в глубины бездонные влив,
В час рассвета и лунной порою
Угрожающе озеро Лийв.

Салютуя удилищем влаге,
Мы идем к благодати полян,
Где береза сквозистые флаги
Наклоняет над озером Пан.

Но вся песня была бы бестактна,
Если б этой, последней из строф
Я не отдал для озера Акна,
Украшенья эстийских лесов.

1926, август

МОЯ УДОЧКА

Эта удочка мюнхенского производства,
Неизменная спутница жизни моей,
Отвлекает умело меня от уродства
Исторических — и истерических! — дней.

Эта палочка тоненькая, как тростинка,
Невесомая, гибкая, точно мечта,
Точно девушка,— уж непременно блондинка,—
Восхитительные мне открыла места.

Нежно взяв ее в руки и мягко лаская,
Как возлюбленную, я иду с ней в леса,
Где не встретится нам эта нечисть людская,
Где в озерах поблескивают небеса.

Мы идем с нею долго — с утра до заката —
По тропинкам, что трудный соткали узор.
Нам встречается лишь лесниковая хата,
Но зато нам встречается много озер!

И на каждом из них, в мелочах нам знакомом,
Мы безмолвный устраивать любим привал.
Каждый куст служит нам упоительным домом,
Что блаженство бездомному мне даровал.

Наклонясь над водой и любуясь собою
В отразивших небес бирюзу зеркалах,
Смотрит долго подруга моя в голубое,
Любопытство в тигровых будя окунях.

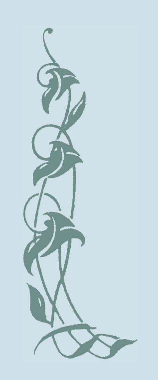
И маня их своим грустно-хрупким нагибом,
Привлекает на скрытый червями крючок,
Чисто женским коварством доверчивым рыбам
Дав лукавый,— что делать: смертельный,— урок.

Уловив окунька, выпрямляется тотчас
И, свой стан изогнув, легкий свист торжества
Издавая, бросает, довольная очень,
Мне добычу, лицо мне обрызгав едва...

Так подруга моя мне дает пропитанье,
Увлекает в природу, дарует мечты.
Оттого-то и любы мне с нею скитанья —
С деревянной служительницей Красоты!

1927

У ЛЕСНИКА

Мы ловили весь день окуней на лесистых озерах
От зари до зари. Село солнце. Поднялся туман.
Утомились глаза, поплавки возникали в которых
На пути к леснику, чью избушку окутала тьма.

Закипал самовар. Тени мягкие лампа бросала.
Сколько лет старику? Вероятно, не меньше чем сто.
Яйца, рыба, и хлеб, и кусочки холодного сала
Были выставлены на — приманчивый к вечеру — стол.

И зашел разговор, разумеется, начатый с рыбы,
Перешедший затем на людей и на их города.
И когда перед сном мы, вставая, сказали спасибо,
О нелепости города каждый посильно страдал:

Ведь не явный ли вздор — запереться по душным
квартирам,
Что к ненужным для жизни открытьям людей привели?
Этот старый лесник, говоривший о глупости мира,
В возмущенье своем был евангельски прост и велик.

1927

В ЗАБЫТЬИ

В белой лодке с синими бортами,
В забытьи чарующих озер,
Я весь день наедине с мечтами,
Неуловленной строфой пронзен.

Поплавок, готовый кануть в воду,
Надо мной часами ворожит.
Ах, чего бы только я не отдал,
Чтобы так текла и дальше жизнь!

Чтобы загорались вновь и гасли
Краски в небе, строфы — в голове...
Говоря по совести, я счастлив,
Как изверившийся человек.

Я постиг тщету за эти годы.
Что осталось, знать желаешь ты?
Поплавок, готовый кануть в воду,
И стихи — в бездонность пустоты...

Ничего здесь никому не нужно,
Потому что ничего и нет
В жизни, перед смертью безоружной,
Протекающей как бы во сне...

1926

В ЧАСЫ РОСЫ

Засмотревшись в прохладную прозелень
Ключевой и бездонной воды,
Различаешь, как водит по озеру
Окуней в час росы поводырь...

И когда пук червей в глубь посыпался,
Наблюдаешь, с нажимом в бровях,
Как коленчатого схватят выползня —
Извивающегося червя...

И тогда уж, не чувствуя лодочки
Под собой, ни себя, ничего —
Снарядив невесомые удочки,
Воплощаешься в свой поплавок...

1926

В ГИЧКЕ

Речка, от ветра рябая,
Качкою гичке грозит.
Гичка моя голубая
Быстро по речке скользит.

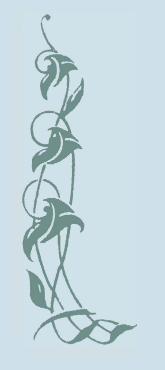
Вдоль уводящих извилин
Встал увлекающий лес.
Весело, как в водевиле,
Плыть по воде на Земле.

В озеро к ночи въезжая —
В глаз голубой Божества,—
Шепчешь: Земля — не чужая:
Здесь я и раньше бывал...

Все мне знакомо земное
В дымке особой земной:
Озеро ли голубое,
Взгляд ли очей голубой,

Лодочка ли голубая,
Голубь ли в голубизне
Неба, где грусть колебала
Душу и мертвый грустнел...

1927

ИЗОЛЬДА ИЗО ЛЬДА

Этот лес совсем по Мейерхольду
Ставила природа, и когда
Я войду в него, свою Изольду
Встречу в нем — Изольду изо льда...

Взгляд ее студеный смотрит зорко
Сквозь обставшие ее леса.
Блестко выхрусталено озерко,
И на нем заката полоса.

Создал чей резец мою снегурку,
Девственную женщину мою?
В Сивку-Бурку — вещую Каурку
Превращу покорную скамью...

И взлетя на ней победолетно,
Вскрою вены — кровью станет лед,
Голубой снегурки лед бесплотный,
Чтобы он воспринял кровь и плоть!

1929

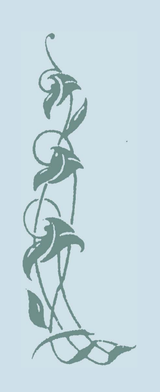
СЛЕЗЫ МЕРТВЫХ НОЧЕЙ

Однажды осенью, совсем монастырскою осенью,
Когда в грустнеющей и шепотной просини вод
Успокоение, плыла она в лодке по озеру,
Был день Успения и нежное в нем торжество.

О, слезы женские! Все озеро вами наструено.
Из глаз монашеских накаплено до берегов.
Оно наслезено,— в нем просто воды нет ни дюйма.
Оно наплакано монахинями глубоко.

И этой девушкой, что плавала грустно по озеру,
Весло опущено не в воду, а в слезы всех тех,
Кто жизнь оплакивал всю жизнь — и весною,
и осенью,—
Кто в ночи мертвые о грешной вздыхал суете...

1928

ОЗЕРО ДЕВЬИХ СЛЕЗ

Заголубеет первозимок,
Снежинка сядет на плечо,—
Тогда меня неотразимо
К нагорным соснам повлечет.

И в лес путем голубоватым
В час лучезарящейся мглы
Шагну — по полушубку ваты
Зимы — безудержностью лыж.

Я побегу, снега утюжа,
Свой путь обратный желобя.
Мороз окреп,— ноге все туже:
Я упоенностью объят!

По вызеркаленным озерам,
В них облик скользкий отразив,
Промчусь, как снизившийся ворон,
Куда ведут меня стези.

Они ведут,— в закате бронза,
И сосны гор ее пестрят,—
На озеро — дев слезы — Конзо
У женского монастыря...

1928

ОЗЕРО РЭК

Ряды березок удочкообразных.
Меж них тропа. За ними же, правей,
Ползет река. Вода в тонах топазных.
И на плывущей щепке — муравей.

Вдруг поворот налево. Мостик. Горка.
И апельсинно-лучезарный бор.
Вспорхнула растревоженно тетерка,
Нас не заметившая до сих пор.

Внизу, меж сосен в блещущих чешуйках,
Печальное сизеет озерко.
Над ним стою в табачных синих струйках
И думаю светло и глубоко.

Пятнадцать верст прошел, покинув море,
Чтоб грусть и нежность, свойственные Рэк,
Впитать, чтоб блеклые увидеть зори
Озерные, любимые навек.

Красиво это озеро лесное.
Какая сонь! Какая тишина!
В нем грусть, роднящая его со мною,
И завлекающая глубина.

Из обволакивающего ила
Не сделать ли последнюю постель?
— О, Рэк! О, Рэк! поэтова могила! —
В ближайшем поле скрипнет коростель...

1928, сентябрь

ОЗЕРО ЛИЙВ

Луны рыбоносной последняя четверть.
Наструненность лес на закатах ущерба.
Во влажных зеркалах просохшие ветви.
Рдян воздух. Всю воду из водных пещер бы!

Тогда бы узрел легендарную щуку,
Векующую в озорной озерине.
Страх смотрится в воду. Хохочет. Ищу
Куда бы укрыться мне в этой грустыне.

И ели на скатах крутых — как попало
(Как семя попало!) нахмурясь космато.
И «спальней графини» пчела прожужжала,
Откуда-то взявшись и девшись куда-то...

1928

ОЗЕРО КОНЗО

На озере Конзо, большом и красивом,
Я в лодке вплываю в расплавленный зной.
За полем вдали монастырь над обрывом,
И с берега солнечной пахнет сосной.

Безлюдье вокруг. Все объято покоем.
Болото и поле. Леса и вода.
Стрекозы лазурным проносятся строем.
И ночи — как миги, и дни — как года.

К столбам подплываю, что вбиты издревле
В песчаное, гравием крытое дно.
Привязываюсь и мечтательно внемлю
Тому, что удильщику только дано:

Громадные окуни в столбики лбами
Стучат, любопытные, лодку тряся,
И шейку от рака хватают губами:
Вот всосан кусочек, а вот уж и вся.

Прозрачна вода. Я отчетливо вижу,
Как шейку всосав, окунь хочет уйти.
Но быстрой подсечкой, склоняясь все ниже,
Его останавливаю на пути.

И взвертится окунь большими кругами,
Под лодку бросаясь, весь — пыл и борьба,
Победу почувствовавшими руками
Я к борту его, и он штиль всколебал...

Он — в лодке. Он бьется. Глаза в изумленьи.
Рот судорожно раскрывается: он
Все ищет воды. В золотом отдаленьи
Укором церковный тревожится звон...

И солнце садится. И веет прохлада.
И плещется рыбой вечерней вода.
И липы зовут монастырского сада,
Где ночи — как миги, и дни — как года...

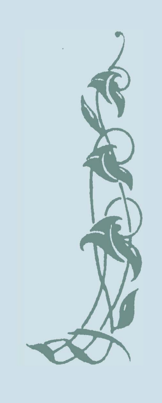
1928

С ОЗЕР НЕЗАМЕРЗШИХ

Из приморской глуши куропатчатой,
Полюбивший озера лещиные,
Обновленный, весь заново зачатый,
Жемчуга сыплю вам соловьиные —
Вам, Театра Сотрудники Рижского,—
Сердцу, Грезой живущему, близкого;
Вам, Театра Соратники Русского,—
Зарубежья и нервы и мускулы;
Вам, Театра Родного Сподвижники,
Кто сердец современных булыжники,
Израсходовав силы упорные,
Претворяет в ключи животворные!
А ключи, пробудясь, неиссячные —
Неумолчные, звучные, звячные —
Превращаются в шири озерные...
И, плывя по озерам, «брависсимо!»
Шлет актерам поэт независимый.

1926, декабрь

В ЧАСЫ ПРЕДВЕСЕНЬЯ

В просолнечненные часы воскресенья
Природы и с ней Иисуса Христа —
Что может быть радостнее всепрощенья,
Облагораживающего уста?

В часы, когда вызолоченное поле
На ультрамариновый смотрит залив,
Вкушаю безропотно полное боли
Питье из полыни, восторг в него влив...

В часы, когда грезы в надречных фиалках
И в первых травинках у трухлого пня,
Прощаю бессовестных критиков жалких,
Старающихся изничтожить меня...

Я весь преисполнен чудес воскресенья,
Чудес совершенной, высокой красы
В часы чаровательные предвесенья —
В простые, величественные часы!

1924

ТАЙМЕНЬ

Ночь выплыла из Байкала
И, поближе держась к кайме
Нижних скал (не меня ль искала?),
Ангарою пошла таймень.

К Ледовитому океану
В неприснившиеся края
Увлекла (это все по плану!)
Малахитовая струя.

Перерезала путь фаланге
Лодок с рыбой, плывущих в порт,
Посетила в пути Архангельск
И в Норвежский зашла фиорд.

Только — долго ли там коротко ль,—
Много странного пережив,
Утомленная рыба кротко
Финский выискала залив.

И в ту речку, где я весною
Постоянно, она вплыла,
И ту удочку, что со мною
Неизменно, она нашла...

Там я выудил в предвесенний
Бодрый, солнечный, тихий день
В силу высших предназначений
Мне ниспосланную таймень.

1927

НАКАНУНЕ ЛЕДОХОДА

В этот год я встречаю вторую весну,
Возвратясь с недалекого юга,
Где одна завакханилась, мне проблеснув,
И ушел я в приморский свой угол.

В эту зиму вторично вступил я в зиму,
От разливной реки к ледоставу
Возвратился опять и с восторгом приму
Ту весну, что дана мне по праву.

Здравствуй, северная, мне родная весна,
Целомудренная, чуть скупая!
Уж давно я тебя в совершенстве познал,
Всю черемухой рифм осыпая.

Ежедневно хожу к бело спящей реке
Измененья следить ледостоя,
Льдины моря, мокреющие вдалеке,
И само это море пустое.

Замечаю, как желтая с мутью вода
С каждым днем накопляется на лед.
Жду, чтоб начали льдины друг друга бодать
В час, когда их теченьем развалит.

В реку, в море умчавшую сломанный лед,
Знаю, тотчас войдет лососина,
И когда лососина из моря войдет,
Я реки ни за что не покину.

Отдохнувшая за зиму удочка, ты,
Кто прославлена гибкой и броской,
Чтоб недаром с тобою у речки нам стыть,
Угости меня вешней лososкой!

1928

БАБОЧКА ЛИМОННАЯ

Весенеет линия
Берега вдали.
Перелески синие
В парке расцвели.

И сниженье чувствуя
В речке полых вод,
Лососина шустрая
В море вновь идет.

Вышел цветик вычурный,
Солнцем осиян.
И свинцовый исчерна
Стал клевать максан.

С верой непреклонною
Много счастья жду:
Бабочка лимонная —
Первая в году!

1929, май

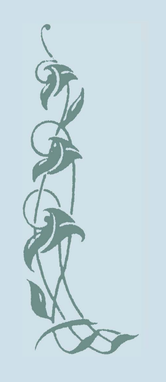
НАВЕРНЯКА

Я чувствую наверняка —
Ах, оттого и боль сугуба! —
Что прозы подлая рука
Весь этот парк повалит грубо
Когда-нибудь.

Когда-нибудь.
Не будет зарослей над речкой.
И станет выглядеть увечкой
Она, струя отбросов муть
Взамен форельности кристальной
Своей теперешней.

Дубы
Пойдут банкирам на гробы,
И парк мой, глубоко-печальный,
Познав превратности судьбы,
Жить перестанет, точно люди,
И будет гроб ему — пустырь.
И только ветер вечно будет
Ему надгробный петь псалтирь...

1923

ЧТО ШЕПЧЕТ ПАРК

О каждом новом свежем пне,
О ветви, сломанной бесцельно,
Тоскую я душой смертельно,
И так трагично-больно мне.
Редеет парк, редеет глушь.
Редеют ёловые кущи...
Он был когда-то леса гуще,
И в зеркалах осенних луж
Он отражался исполином...
Но вот пришли на двух ногах
Животные — и по долинам
Топор разнес свой гулкий взмах.
Я слышу, как, внимая гуду
Убийственного топора,
Парк шепчет: «Вскоре я не буду...
Но я ведь жил — была пора...»

1923

ЛЮБЯТ ТОЛЬКО ДУШОЙ

Хрустит под сапогом валежник:
Еще недавно здесь был куст.
В моей душе — ведь я элежник! —
Отдался грустью этот хруст.

Так каждодневно портят, рубят
И обезглушивают глушь.
И чем же парк они полюбят,
Раз вовсе не имеют душ?!.

1923

ИСТОРИЯ ИМЕНИЯ «ЧУДЛЕЙЛЬ»

Ф. М. Лотаревой

Мисс Чу́длейль из Англии Императрице
Вакханочной Екатерине Второй
Представлена утром послом под горой,
Вблизи Приората гулявшей в теплице.

Она императорскою фавориткой
Немедленно стала, заморская мисс.
Носила прическу она с маргариткой,
Любила живое бандо — барбарис.

Немного суту́ловата, круглолица,
Она некрасива, полна и мала.
Но русско-германская императрица
Была обольстительно с нею мила.

Характер мисс Чудлейль настолько был светел,
Что даже светлейший Таврический князь
Ухаживал, робко пред нею клонясь,
Пока гнев в глазах властелинши не встретил.

Попала в опалу любимица вдруг,
В немилость попала веселая Чудлейль.
И царская ль воля, людской пересуд ли,
Но свыше решили: «Ей нужен супруг...»

Призвав одного из английских вельмож,
В семье своей сильного правом единства,
Ему намекнули: «Ее ты возьмешь»,—
И стала она герцогинею Кингстон...

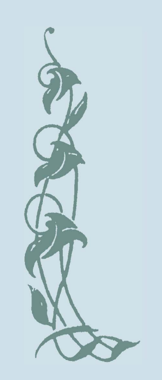
Под Нарвой, близ Конью, построили им
Большое величественное поместье.
Но молодожены не стали жить вместе,
И в Англию герцог уехал к своим.

Она же давала в именье пиры,
Пиры, что гремели за быстрой Наровой.
Ей гости сердца приносили и дары
В честь знатной хозяйки дворца дугобровой.

И не оттого ли, что Тойла моя
Верстах в четырех от дворца герцогини,
В чьем липовом парке брожу часто я,
О ней рассказать захотелось мне ныне?

1923

КУПАНЬЕ ЗВЕЗД

П. М. Костанову

Выхожу я из дома, что построен на горке,— и открыты
для взора
В розовеющей дымке повечерья и утром в золотой
бирюзе,
Грудь свежащие бодро, в хвойных линиях леса,
ключевые озера,
Где лещихи играют и пропеллером вьется стрекоза
к стрекозе.

Никуда не иду я, лишь стою перед домом, созерцая
павлиний
Хвост заката, что солнце, удаляясь на отдых,
распустило в воде.
Зеленеют, синея, зеркала, остывая, и, когда уже сини,
В них звезда, окунаясь, шлет призыв молчаливый
надозерной звезде...

И тогда осторожно, точно крадучись, звезды, совершая
купанье,
Наполняют озера, ключевые озера, и тогда,— и тогда
Я домой возвращаюсь, преисполнен восторга,
преисполнен сознанья,
Что она звездоносна, неиссячная эта питьевая вода!

Озеро Uljaste
1924

МУДРОСТЬ ИДИЛЛИИ

Над узкою тропкою клены
Алеют в узорчатой грезе
Корова, свинья и теленок
Прогулку свершают вдоль озера.

Коровой оборвана привязь,
Свиньею подрыта дверь хлева.
Теленок настроен игривей:
Он скачет, как рыба из невода...

Гуськом они шествуют дружно.
Мы в лодке навстречу им плыли.
Твои засверкали жемчужины
В губах, и зардели щек лилии...

И ты закричала: «Прелестно!
Ах, эта прогулка ведь чудо!»
С восторгом смотрела на лес,
Отбросила в сторону удочку...

Жемчужины рта вдруг поблекли,
Жемчужины глаз заблистали,
И ты проронила: «Намек
На то, что и здесь, и в Италии:

Чем люди различнее, дружба
Их крепче, как это ни странно...
О, если возможно, не рушь
Божественно-непостоянного...»

Озеро Uljaste
1924

ШАТЕНКА В РОЗОВОМ

Аллеей лиственниц иду вдоль озера.
Вода прозрачная у самых ног.
Навстречу девушка мелькает розово,
Чтобы мыслить горестно поэт не мог...

Аллея темная и тьмой тяжелая,
И тьма безрадостна, и тьма пуста.
А та сверкальная! А та веселая!
И упоенная такая та!

Неторопливые подходят окуни
И неподвижные в воде стоят,
Как будто думают о русом локоне,
О платье розовом мечту таят...

Озеро Uljaste
28 августа 1925

ЗОВУЩАЯСЯ ГРУСТЬЮ

Как женщина пожившая, но все же
Пленительная в устали своей,
Из алых листьев клена взбила ложе
Та, кто зовется Грустью у людей...

И прилегла — и грешно, и лукаво
Печалью страсти гаснущей влеча.
Необходим душе моей — как слава! —
Изгиб ее осеннего плеча...

Петь о весне смолкаем мы с годами:
Чем ближе к старости, тем все ясней,
Что сердцу ближе весен с их садами
Несытая пустынность осеней...

Valaste
1926, сентябрь

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Осеню́ себя о́сенью — в дальний лес уйду.
В день туманный и серенький подойду к пруду.

Листья, точно кораблики, на пруде застыв,
Ветерка ждут попутного, но молчат кусты.

Листья мокрые, легкие и сухие столь,
Что возьмешь их — ломаются поперек и вдоль.

Не исчезнуть скоробленным никуда с пруда:
Ведь она ограниченна, в том пруде вода.

Берега всюду топкие с четырех сторон.
И кусты низкорослые стерегут их сон.

Листья легкие-легкие, да тяжел удел:
У пруда они выросли и умрут в пруде...

1929

НА ЭМБАХЕ

Ее весны девятой голубые
Проказливо глаза глядят в мои.
И лилию мне водяную Ыйэ
Протягивает белую: «Прими...»

Но как назло, столь узкая петлица,
Что сквозь нее не лезет стебелек.
Пока дитя готово разозлиться,
Я — в лодку, и на весла craft...

Прощай! И я плыву без обещаний
Ее любить и возвратиться к ней:
Мне все и вся заменит мой дощаник,
Что окунается от окуней...

Но и в моем безлюдье есть людское,
Куда бы я свой якорь ни бросал:
Стремят крестьян на озеро Чудское
Их барж клокочущие паруса.

Взъерошенная голова космата
И взъеропененная борода.
И вся река покрыта лаком «мата»,
В котором Русь узнаешь без труда...

1929

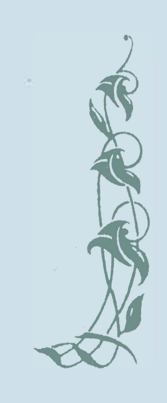
В ЛЕСАХ ПРИВОЛЖСКИХ

Над озером смеялись берегини
    Зеленовзорые и русые.
И были небеса спокойно-сини
    Над обольстительной чарусою.

Мы шли весь день и захватили вечер,
    Ведомы странными летасами.
Нам в городе жить больше стало нечем
    С его ненужными прикрасами.

Мы ночью развели костер в лавине,
    И запорхали всюду искры скорые.
И к огоньку присели берегини
    Притихшие, зеленовзорые.

Toila
1930

ИГРАЙ ЦЕЛЫЙ ВЕЧЕР...

Сыграй мне из «Пиковой дамы»,
Едва ль не больнейшей из опер,
Столь трогательной в этой самой
Рассудочно-черствой Европе...

Сначала сыграй мне вступленье,
Единственное в своем роде,
Где чуть ли не до преступленья
Мечта человека доводит...

Мечта! ты отринута миром...
Сестра твоя — Страсть — в осмеяньи...
И сердцу, заплывшему жиром,
Не ведать безумства желаний...

О, все, что ты помнишь, что знаешь,
Играй мне, играй в этот вечер:
У моря и в северном мае
Чайковский особо сердечен...

1927

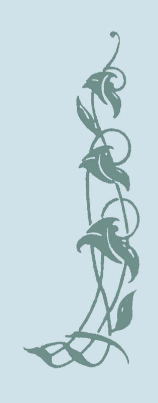

ТИШЬ ДВОЯКАЯ

Высокая стоит луна.
Высокие стоят морозы.
Далекие скрипят обозы.
И кажется, что нам слышна
Архангельская тишина.

Она слышна,— она видна:
В ней всхлипы клюквенной трясины,
В ней хрусты снежной парусины,
В ней тихих крыльев белизна —
Архангельская тишина...

1929

ДЕВУШКА БЕЗЫМЯННАЯ

Она живет в глухом лесу,
Его зовя зеленым храмом.
Она встает в шестом часу,
Лесным разбуженная гамом.

И умывается в ручье,
Ест только хлеб, пьет только воду
И с легкой тканью на плече
Вседневно празднует свободу.

Она не ведает зеркал
Иных, как зеркало речное.
Ей близок рыбарь, житель скал,
Что любит озеро лесное.

Но никогда, но никогда
Она ему о том не скажет:
Зачем? К чему! Идут года,
И время умереть обяжет.

Ее друзья — два зайца, лось
И чернобурая лисица.
Врагов иметь ей не пришлось,
Вражда ей даже не приснится...

Не знать страданья от вражды
И от любви не знать страданья —
Удел божественный! Чужды
Ей все двуногие созданья.

И только птиц, двуногих птиц
Она, восторженная, любит.
Пусть зверство человечьих лиц
Безгрешной нежность не огрубит!

Не оттого ль и рыболов,
Любезный сердцу, инстинктивно
Ее пугает: и без слов
В нем что-то есть, что ей противно...

Людское свойство таково,
Что не людей оно пугает...
Она — земное божество,
И кто она — никто не знает!..

1923

ТЯГА НА ЮГ...

Не старость ли это,— не знаю, не знаю,—
Быть может, усталость — души седина,
Но тянет меня к отдаленному краю,
Где ласковей воздух и ярче волна.

Мне хочется теплого и голубого,
Тропических фруктов и крупных цветов,
И звончатой песни, и звучного слова,
И грез без предела, и чувств без оков.

Я Север люблю, я сроднился с тоскою
Его миловидных полей и озер.
Но что-то творится со мною такое,
Но что-то такое завидел мой взор,

Что нет мне покоя, что нет мне забвенья
На родине тихой, и тянет меня
Мое пробудившееся вдохновенье
К сиянью иного — нездешнего — дня!

1929

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ

ТАМ, У ВАС НА ЗЕМЛЕ...

На планете Земле,— для ее населенья обширной,
Но такой небольшой созерцающим Землю извне,—
Где нет места душе благородной, глубокой и мирной,
Не нашедшей услады в разврате, наживе, войне;

На планете Земле, помешавшейся от самомненья
И считающей все остальные планеты ничем,
Потому что на ней — этом призрачном перле
творенья,—
Если верить легенде, был создан когда-то Эдем;

Где был распят Христос, жизнь отдавший за атом
вселенной,
Где любовь, налетая, скорбит на отвесной скале
В ужасе пред людьми — там, на нашей планете
презренной,
Каково быть поэтом на вашей жестокой Земле?!.

1926

ФОКСТРОТТ

Король Фокстротт пришел на землю править,
Король Фокстротт!
И я — поэт — его обязан славить,
Скривив свой рот...

А если я фокстроттных не уважу
Всех потрохов,
Он повелит рассыпаться тира́жу
Моих стихов...
Ну что же, пусть! Уж лучше я погибну
Наверняка,
Чем вырваться из уст позволю гимну
В честь дурака!

1927

«КУЛЬТУРА! КУЛЬТУРА!»

«Культура! Культура!» — кичатся двуногие звери,
Осмеливающиеся называться людьми,
И на мировом языке мировых артиллерий
Внушают друг другу культурные чувства свои!

Лишенные крыльев телесных и крыльев духовных,
Мечтают о первых, как боле понятных для них,
При помощи чьей можно братьев убить своих кровных,
Обречь на кровавые слезы несчастных родных...

«Культура! Культура!» — и в похотных тактах
фокстротта,
Друг к другу прижав свой — готовый рассыпаться —
прах,
Чтут в пляске извечного здесь на земле Идиота,
Забыв о картинах, о музыке и о стихах.

Вся славная жизнь их во имя созданья потомства:
Какая величественная, священная цель!
Как будто земле не хватает еще вероломства,
И хамства, и злобы, достаточных сотне земель.

«Культура! Культура!» — и прежде всего: это город —
Трактирный зверинец, публичный — общественный! —
дом...
«Природа? Как скучно представить себе эти горы,
И поле, и рощу над тихим безлюдным прудом...

Как скучно от всех этих лунных и солнечных светов,
Таящих для нас непонятное что-то свое,
От этих бездельных, неумных, голодных поэтов,
Клеймящих культуру, как мы понимаем ее...»

1926

ПРАЗДНИКИ

Пошлее праздников придумать трудно,
И я их внешности не выношу:
Так отвратительно повсюду людно,
Что в дивной праздности таится жуть.

Вот прифрантившееся обнищанье
Глядит сквозь розовенькие очки,
Как в банях выпаренные мещане
Надели чистые воротнички,

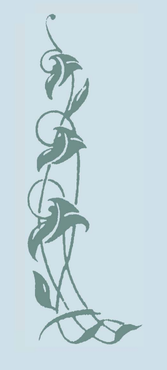
Как похохатывают горожанки,
Обворожаемые рожей лжи,—
Бессодержательные содержанки
Мужей, как собственных, так и чужих...

Три дочки Глупости — Бездарность, Зависть
И Сплетня — шляются, кичась, в толпе,
Где пышно чествуется мать красавиц,
Кто в праздник выглядит еще глупей.

Их лакированные кавалеры —
Хам, Вздор и барственный на вид Разврат,—
Собой довольные сверх всякой меры,
Бутылки выстроили вдоль ковра.

Кинематографом и лимонадом
Здесь открываются врата в тела,
И Пошлость радуется: «Так и надо»,
И Глупость делает свои дела...

1927

СТРЕНОЖЕННЫЕ ПЛЯСУНЫ

Это кажется или это так и в самом деле,
В пору столь деловитых и вполне бездельных дел,
Что крылатых раздели, что ползучих всех одели
И ползучие надели, что им было не в удел?

И надев одеянье, изготовленное Славой
Для прославленных исто, то есть вовсе не для них,
Животами пустились в пляс животною оравой,
Как на этих сумасшедших благосклонно ни взгляни...

И танцуют, и пляшут, да не час-другой, а — годы,
Позабыв о святынях, об искусстве и любви,
Позабыв о красотах презираемой природы,
Где скрываются поэты — человечьи соловьи...

И скрываясь от гнуси со стреноженною пляской,
От запросов желудка, от запросов живота,
Смотрят с болью, презреньем и невольною опаской
На былого человека, превращенного в скота...

1927

ТЕ, КТО МОРИТ МЕЧТУ...

Я ни с этим и ни с теми,
Одинаково в стороне,
Потому что такое время,
Когда не с кем быть вместе мне...

Люди жалки: они враждою
Им положенный полувек
Отравляют, и Бог с тобою,
Надоедливый человек!

Неужели завоеванья,
Изобретенья все твои,
Все открытья и все познанья —
Для изнедриванья Любви?

В лихорадке вооруженья
Тот, кто юн, как и тот, кто сед,
Ищет повода для сраженья
И соседу грозит сосед.

Просветительная наука,
Поощряющая войну,
Вырвет, думается, у внука
Фразу горькую не одну.

А холопское равнодушье
К победительному стиху,
Увлеченье махровой чушью,
И моленье на чепуху?

Мечтоморчатые поганки,
Шепелявые сосуны,—
В скобку стрижены мальчуганки
И стреножены плясуны.

Ложный свет увлекает в темень.
Муза распята на кресте.
Я ни с этими и ни с теми,
Потому что как эти — те!

1927

ВОЗМЕЗДИЕ

Был дух крылат,
Бескрыло тело.
Земных палат
Не захотело.

Приобрело
У птицы крылья,
Превозмогло
Свое бессилье.

Всё побороть!
Не тут-то было:
Крылата плоть,
Душа бескрыла.

1929

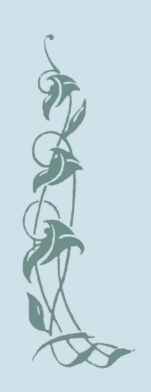

ОТРАДА ПРИМОРЬЯ...

Изумительное у меня настроенье:
Шелестящая чувствуется чешуя...
И слепит петухов золотых оперенье...
Неначертанных звуков вокруг воспаренье...
Ненаписываемые стихотворенья...
— Точно Римского-Корсакова слышу я.

Это свойственно, может быть, только приморью,
Это свойственно только живущим в лесу,
Где оплеснуто сердце живящей лазорью,
Где свежаще волна набегает в подгорью,
Где наш город сплошною мне кажется хворью,
И возврата в него — я не перенесу!..

1927, март

ПОЭТУ

Как бы ни был сердцем ты оволжен,
Как бы лиру ни боготворил,
Ты в конце концов умолкнуть должен:
Ведь поэзия не для горилл...

А возможно ли назвать иначе,
Как не этой кличкою того,
Кто по-человечески не плачет,
Не переживает ничего?

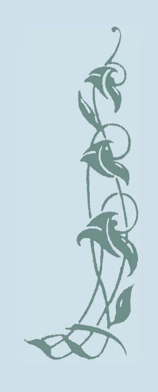
Этот люд во всех твоих терцинах
Толк найдет не больший,— знаю я,—
Чем в мессинских сочных апельсинах
Тупо хрюкающая свинья...

Разве же способен мяч футбольный
И кишок фокстроттящих труха
Разобраться с болью богомольной
В тонкостях поэтова стиха?

Всех видов искусства одиноче
И — скажу открыто, не тая —
Непереносимее всех прочих —
Знай, поэт,— поэзия твоя!

Это оттого, что сердца много
В бессердечье! Это оттого,
Что в стихах твоих наличье Бога,
А земля отвергла Божество!

1922, 9 окт.

ДОН ЖУАН

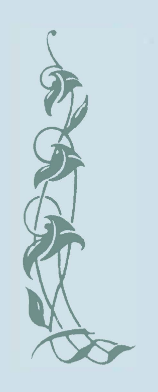
Чем в старости слепительнее ночи,
Тем беспросветней старческие дни.
Я в женщине не отыскал родни:
Я всех людей на свете одиноче.

Очам непредназначенные очи
Блуждающие теплили огни.
Не проникали в глубину они:
Был ровным свет. Что может быть жесточе?

Не находя Искомой, разве грех
Дробить свой дух и размещать во всех?
Но что в отдар я получал от каждой?

Лишь кактус ревности, чертополох
Привычки, да забвенья трухлый мох.
Никто меня не жаждал смертной жаждой.

1929

СТИХИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Меж тем как век — невечный — мечется
И знаньями кичится век,
В неисчислимом человечестве
Большая редкость — Человек.

Приверженцы теории Дарвина
Убийственный нашли изъян:
Вся эта суетливость Марфина —
Наследье тех же обезьян.

Да, в металлической стихийности
Всех механических страстей —
Лишь доля малая «марийности»
И серебристости вестей...

Земля! Века — ты страстью грезила,
Любовь и милосердье чла,
И гордостью была поэзия,
Для человечьего чела!

Теперь же дух земли увечится,
И техникою скорчен век,
И в бесконечном человечестве,
Боюсь, что кончен Человек.

1929

А МЫ-ТО ВЕРИЛИ!..

Сомненья не было — а мы-то думали! а мы-то
верили!..—
Что человечество почти не движется в пути своем...
Как в веке каменном, как при Владимире
в Днепровском тереме,
Так в эру Вильсона зверье останется всегда зверьем...

Война всемирная,— такая жадная, такая подлая
Во всеоружии научных методов,— расписка в том,
Что от «божественного» современника животным
отдало,
И дэнди в смокинге — размаскированный — предстал
скотом...

Кто кинофильмами и бубикопфами, да чарльстонами
Наполнил дни свои, кто совершенствует мертвящий
газ,
О, тот не тронется природой, музыкой, мечтой
и стонами,
Тот для поэзии — а мы-то верили! — душой угас...

1926

ОБИДНО ПОВЕРИТЬ...

С отлогой горы мы несемся к реке на салазках,
И девушкам любо, и девушкам очень смешно.
Испуг и блаженство в красивых от холода глазках,
Обычно же... впрочем, не все ли мне это равно!

Навстречу дубы — мы несемся аллеей дубовой —
Торопятся в гору и мимо мелькают стремглав.
Вот речка. И девушек хохот жемчужно-пунцовый
Из-под завитушек, седых от мороза — лукав.

Мне трудно поверить, в морозных участнику гульбах,
Что эти здоровые дети — не тяжкий ли сон? —
С парнями пойдут, под расстроенный старенький
Мюльбах,
Отплясывать ночью стреноженный дохлый чарльстон!..

1927

КОГДА ОТГРЕМЕЛ БАРАБАН

Мне взгрустнулось о всех, кому вовремя я не ответил,
На восторженность чью недоверчиво промолчал:
Может быть, среди них были искренние, и у этих,
Может быть, ясен ум и душа, может быть, горяча...

Незнакомцы моих положений и возрастов разных,
Завертело вас время в слепительное колесо!
Как узнать, чья нужда деловою была и чья — праздной?
Как ответить, когда ни имен уже, ни адресов?..

Раз писали они, значит, что-нибудь было им нужно:
Ободрить ли меня, ободренья ли ждали себе
Незнакомцы. О, друг! Я печален. Я очень сконфужен.
Почему не ответил тебе — не пойму, хоть убей!

Может быть, у тебя, у писавшего мне незнакомца,
При ответе моем протекла бы иначе судьба...
Может быть, я сумел бы глаза обратить твои к солнцу,
Если б чутче вчитался в письмо... Но — гремел барабан!

Да, гремел барабан пустозвонной столицы и грохот,
Раздробляя в груди милость к ближнему, все
заглушал...
Вы, писавшие мне незнакомцы мои! Видят боги,
Отдохнул я в лесу,— и для вас вся раскрыта душа...

1926

ПЕРСТЕНЬ

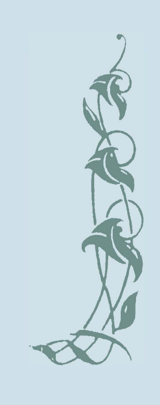
Как драгоценен перстень мой,
Такой простой, такой дешевый,
На мой вопрос мне дать готовый
Единственный ответ прямой!

Есть в перстне у меня тайник,
Причудливый своим затвором,
Тот благодетельный, в котором
Сокрыт последний в жизни миг.

С трудом, но все еще дышу.
В миражи всматриваясь далей,
Цианистый лелею калий...
Когда же умереть решу,

Неуподобленный герою,
Уверившись, что даль пуста,
Бестрепетно тайник открою
И смерть вложу в свои уста.

1927

СЛУЧАЙ

Судьбою нашей правит Случай,
И у него такая стать,
Что вдруг пролившеюся тучей
Он может насмерть захлестать.

Но он же может дать такое
Блаженство каждому из нас,
Что пожалеешь всей душою
О жизни, данной только раз!

1929

СОВРЕМЕННОЙ ДЕВУШКЕ

Ты, девушка, должна
Пример с природы брать:
Луна — пока юна —
Уходит рано спать...

Ты, девушка, должна
Пример с природы брать:
Весна — пока весна —
Не станет летовать...

И не волна — волна,
Пока — на море гладь...
Ты, девушка, должна
Пример с природы брать.

1928

ОТЧЕГО ОНА ЛЮБИТ КОНТРАСТЫ...

Говорят, что она возвращается пьяная утром
И, склонясь над кроватью ребенка, рыдает навзрыд,
Но лишь полночь пробьет, в сердце женщины, зыбком
и утлом,
О раскаянье утреннем вдруг пробуждается стыд...

Говорят, что она добродетель считает ненужной,
Вышивая шелками тайком для ребенка жабо...
Говорят, что она над любовью глумится и дружбой,
В ежедневных молитвах своих славословя любовь!

Говорят, что порочностью очень ей нравится хвастать,
Осуждая в душе между тем этот самый разврат...
Говорят, оттого-то она так и любит контрасты,
Что известно ей все, что повсюду о ней говорят!..

1926

ОСТАВШИМСЯ В ЖИВЫХ

Ни меня не любили они, ни любви моей к ним,
Ни поющих стихов, им написанных в самозабвенье,
Потому что, расставшись со мной, не окончили дни,
Жить остались они и в других обрели утешенье...

Пусть, живя у меня, никогда не свершали измен,
Но зачем же расстаться с поэтом сумели так просто?
Ах, о том ли я грезил при встречах и в каждом письме,
Очаровываясь милой новою женщиной вдосталь?

О, никем никогда вечно любящий незаменим:
Не утратила смысла старинная верность «до гроба»...
Ни меня не любили они, ни стихов моих к ним,
Ни боязни разлук... Но и я не любил их, должно быть!

1926

СОСНЫ ЕЕ ДЕТСТВА

Когда ее все обвиняли в скаредности,
В полном бездушье, в «себе на уме»,
Я думал: «Кого кумушки не разбазарят?
Нести чепуху может всякий суметь».

Но когда ее муж-проходимец, пиратствуя,
Срубил двухстолетние три сосны
В саду ее детства и она не препятствовала,
Я понял, что слухи про нее верны.

1928

ЭЛЕГИЯ НЕБЫТИЯ

Все наши деяния, все наши дарованья —
      Очаровательные разочарованья,
И каждый человек до гроба что донес?
      Лишь невыплакиваемые глуби слез,
Лишь разуверенность во всем, во что он верил,
      Лишь пустоту глубин, которых не измерил,
Лишь сон, пробуживаемый небытием...
      Мы этот жалкий ноль бессмертием зовем.

1929

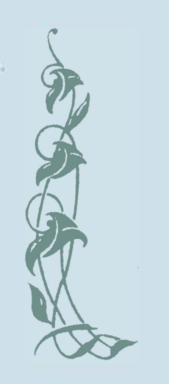

В ОПУСТОШЕНЬЕ

Я подхожу к окну: в опустошенье
Деревья, море, небо и поля.
Опустошенным кажется движенье
И проплывающего корабля.
Все пустота. Такое положенье
Дано тебе, осенняя земля.

Я подхожу к душе своей,— и тоже
Там пусто все: желанья и мечты!
Как это все на юность не похоже,
И сам себя признать боишься ты!
Смыкаются уста и брови строже
В предчувствии смертельной пустоты.

1929

РОСКОШНАЯ ЖЕНЩИНА

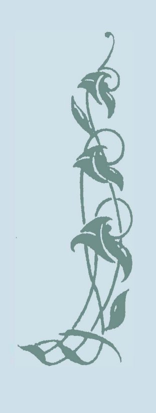
Ее здесь считают счастливой: любовник батрачит,
Муж «лезет из кожи» — завидная участь для дам!
Ее называют красавицей здесь: это значит —
По формам кормилица, горничная по чертам.

Она здесь за умницу сходит легко и свободно:
Ее бережливость, рассудочность разве не ум?
И разве не ум отдаваться всем встречным за модный,
В других вызывающий зависть весенний костюм?

Ее отношенье к искусству одно чего стоит!
Она даже знает, что Пушкин был... чудный поэт!
Взгрустнется ль — «Разлукою» душу свою успокоит
И «Родину» любит просматривать прожитых лет...

Мы с Вами встречаем ее ежедневно, читатель,
Хотя и живем в совершенно различных краях,
Роскошная женщина, как говорит обыватель,
Тот самый, о ком повествуется в этих стихах...

1927

ГОДАМИ ДЕВОЧКА...

Годами девочка, а как уже черства,
Жестка, расчетлива, бездушна и практична.
И в неприличности до тошноты прилична,
И все в ней взвешено: и чувства, и слова.
Ах, не закружится такая голова
Затем, что чуждо ей все то, что поэтично...

Такая женщина не любит никого,
Но и ее любить, конечно, невозможно:
Все осторожно в ней, бескрыло и ничтожно.
Толпа любовников, и нет ни одного,
О ком подумала бы нежно и тревожно...

И это — женщина, земное божество!

1929

ОРХИДЕЯ

Изменить бы! Кому? Ах, не все ли равно!
Предыдущему. Каждому. Ясно.
С кем? И это не важно. На свете одно
Изменяющееся прекрасно.

Одному отдаваясь, мечтать о другом —
Неиспробованном, невкушенном,
Незнакомом вчера, кто сегодня знаком
И прикинется завтра влюбленным...

Изменить — и во что бы ни стало, да так,
Чтоб почувствовать эту измену!
В этом скверного нет. Это просто пустяк.
Точно новое платье надену.

И при этом возлюбленных так обмануть,
Ревность так усыпить в них умело,
Чтобы косо они не посмели взглянуть,—
Я же прямо в глаза бы посмела!

Наглость, холод и ложь — в этом сущность моя.
На страданья ответом мой хохот.
Я красива, скользка и подла, как змея,
И бездушно-суха, как эпоха.

22 декабря 1928

ЖЕМЧУЖИНКА

Этой милой девушке с легкою недужинкой
В сердце, опрокинутом в первый же полет,
Доброглазой девушке, названной Жемчужинкой,
Ливней освежительных счастье не прольет.

Сердце обескрыливший юноша хорошенький
Причинил нечаянно жгучую печаль.
«Боже! Правый Господи! Не вреди Алешеньке:
Был он легкомысленным, и его мне жаль...»

Сердце успокоивший, нелюбимый девушкой,
Женщиной разлюбленный, преданностью мил...
Разве успокоиться ей в такой среде мужской?
Ждать же принцев сказочных не хватает сил.

И не надо, милая, этих принцев сказочных:
Чванные и глупые. Скучные они.
И они не стоят ведь лент твоих подвязочных,
И от встречи с принцами Бог тебя храни!

Так-то, безудачная мужняя безмуженка,
Жертвы приносящая в простоте своей,
Смерть не раз искавшая, кроткая Жемчужинка,
Драгоценный камешек средь людских камней!

1928

АНТИНЭЯ

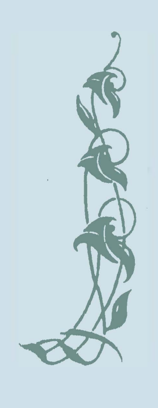
Антинэя! При имени этом бледнея,
В предвкушенье твоих умерщвляющих чар,
Я хотел бы пробраться к тебе, Антинэя,
В твой ужасный — тобою прекрасный — Хоггар.

Я хотел бы пробраться к тебе за откосы
Гор, которые скрыли действительность — мгла.
Мне мерещатся иссиня-черные косы,
Изумруд удлиненных насмешливых глаз.

Мне мерещится царство, что скрыто из вида
И от здравого смысла, поэма — страна,
Чье назва́нье — загадка веков — Атлантида,
Где цветет, Антинэя, твой алчный гранат.

О, когда бы, познав зной извилистой ласки,
Что даруют твои ледяные уста,
В этой — грезой французскою созданной — сказке
Сто двадцатой — последнею — статуей стать!..

1929

МОЯ ЗНАКОМАЯ

Ты только что была у проходимца Зета,
Во взорах похоти еще не погася...
Ты вся из Houbigant! ты вся из маркизета!
Вся из соблазна ты! Из судорог ты вся!

И чувствуя к тебе брезгливую предвзятость
И зная, что тебе всего дороже ложь,
На сладострастную смотрю твою помятость
И плохо скрытую улавливаю дрожь.

Ты быстро говоришь, не спрошенная мною,
Бесцельно лишний раз стараясь обмануть,
И, будучи чужой неверною женою,
Невинность доказать стремишься как-нибудь.

Мне странно и смешно, что ты, жена чужая,
Забыв, что я в твоих проделках ни при чем,
Находишь нужным лгать, так пылко обеляя
Себя в моих глазах, и вздрагивать плечом...

И это тем смешней, и это тем досадней,
Что уж давным-давно ты мой узнала взгляд
На всю себя. Но нет: с прозрачной мыслью задней
Самозабвенно лжешь — и часто невпопад.

Упорно говоришь о верности супружьей,—
И это ты, чья жизнь — хронический падеж,—
И грезишь, как в четверг, в час дня, во всеоружье
Бесстыдства, к новому любовнику пойдешь!

Toila
1930

ВСТРЕЧА В КИЕВЕ

Еще одно воспоминанье выяви,
    Мечта, живущая бывалым.
...Вхожу в вагон осолнеченный в Киеве
    И бархатом обитый алым.

Ты миновалась, молодость, безжалостно,
    И притаилась где-то слава...
...Стук в дверь купе. Я говорю: «Пожалуйста!»
    И входит женщина лукаво.

Ее глаза — глаза такие русские.
    — Вот розы. Будь Вам розовой дорога!
Взгляните, у меня мужские мускулы,—
    Вы не хотите их потрогать? —

Берет меня под локти и, как перышко,
    Движением приподнимает ярым,
И в каждом-то глазу ее озерышко
    Переливает Светлояром.

Я говорю об этом ей, и — дерзкая —
    Вдруг принимает тон сиротский:
— Вы помните раскольников Печерского?
    Я там жила, в Нижегородской.

Я изучила Светлояр до донышка...
    При мне отображался Китеж...—
Звонок. Свисток. «Послушайте, Вы — Фленушка?»
    — Нет, я — Феврония. Пустите ж!

Toila
1930

СТИХИ СГОРЯЧА

Я проснулся в слегка остариненном
И в оновенном — тоже слегка! —
Жизнерадостном доме Ирининым
У оранжевого цветника.

И пошел к побережью песчаному
Бросить к западу утренний взор.
Где, как отзвук всему несказанному,
Тойла в сизости вздыбленных гор...

И покуда в окне загардиненном
Не сверкнут два веселых луча,
Буду думать о сердце Ирининым
И стихи напишу сгоряча!

А попозже, на солнечном завтраке,
Закружен в карусель голосов,
Стану думать о кафровой Африке,
Как о сущности этих стихов...

Шмецке
29 авг. 1930

ЛИЛИЯ В МОРЕ

Она заходила антрактами —
красивая, стройная, бледная,
С глазами, почти перелитыми
всей синью своей в мои,
Надменная, гордая, юная
и все-таки бедная-бедная
В ей чуждом моем окружении
стояла, мечту затаив.

Хотя титулована громкая
ее мировая фамилия,
Хотя ее мужа сокровища
диковинней всяких чудес,
Была эта тихая женщина —
как грустная белая лилия,
Попавшая в море,— рожденная,
казалось бы, грезить в пруде...

И были в том вычурном городе
мои выступленья увенчаны
С тюльпанами и гиацинтами
бесчисленным строем корзин,
К которым конверты приколоты
с короной тоскующей женщины,
Мечтавшей скрестить наши разные,
опасные наши стези...

Но как-то все не было времени
с ней дружески поразговаривать:
Иными глазами захваченный,
свиданья я с ней не искал,
Хотя и не мог не почувствовать
ее пепелившего зарева,
Не знать, что она — переполненный
и жаждущий жажды бокал...

И раз, только раз, в упоении
приема толпы триумфального,
Спускаясь со сцены по лесенке,
ведущей железным винтом,

Я с нею столкнулся, прижавшейся
        к стене, и не вынес печального
Молящего взора — дотронулся
        до губ еще теплым стихом...

Toila
1930

ПИАМА

Есть странное женское имя — Пиама,
В котором зиянье, в котором ужал,
И будь это девушка, будь это дама,—
Встречаясь с Пиамою,— я бы дрожал...

Мне все рисовалась бы мрачная яма,
Где в тине трясинной пиавок возня,
При имени жутко-широком Пиама,
Влекущем, отталкивая и дразня...

Какая и где с ним связуется драма
И что знаменует собою оно?
Но с именем этим бездонным — Пиама —
Для сердца смертельное сопряжено.

В нем все от вертепа и нечто от храма,
В нем свет, ослепляющий в полную тьму.
Мы связаны в прошлом с тобою, Пиама,
Но где и когда — я никак не пойму.

1927

И БЫЛО СТРАННО ЕЕ ПИСЬМО...

И было странно ее письмо:
Все эти пальмовые угли
И шарф с причудливой тесьмой,
И завывающие джунгли.

И дикий капал с деревьев мед,
И медвежата к меду никли.
Пожалуй, лучше других поймет.
Особенности эти Киплинг.

Да, был болезнен посланья тон:
И фраза о безумном персе,
И как свалился в речной затон
Взлелеянный кому-то персик.

Я долго вчитывался в листок,
Покуда он из рук не выпал.
Запели птицы. Загорел восток.
В саду благоухала липа.

И в море выплыл старик-рыбак,
С собою сеть везя для сельди.
Был влажно солонен его табак
На рыбой пахнущей «Гризельде».

1929

СОРОКА

Я — плутоватая, лукавая сорока
И я приятельница этих строк,
Живущих в бедности по мудрой воле рока,
Про все вестфальские забыв окорока...

Собравшись в праздники у своего барака,
Все эти нищие, богатые враньем,
Следят внимательно, как происходит драка
Меж гусем лапчатым и наглым вороньем...

Уж я не знаю, что приходит им на память,
Им, созерцающим сварливых птиц борьбу,
Но мечут взоры их разгневанные пламя,
И люди сетуют открыто на судьбу.

Но в этом мире все в пределах строгих срока,
И поле брани опустеет в свой черед.
Тогда слетают к сорока, их друг сорока,
И руки тянутся ко мне вперед, вперед.

Тот крошки хлебные мне сыплет, тот — гречихи,
Один же, седенький, всегда дает пшена.
Глаза оборвышей становятся так тихи,
Так человечны, что и я поражена.

Так вот что значит школа бед! Подумать только!
Тот говорит: «Ты, точно прошлое, легка...»
Другой вздыхает: «Грациозна, словно полька...»
И лишь один молчит — один из сорока.

Презрительно взглянув на рваную ораву,
Он молвит наконец: «Все это ерунда!
Она — двусмысленный, весьма игривый траур
По бестолочи дней убитых, господа».

1929

ОЛАВА

Метелит черемуха нынче с утра
Пахучею стужею в терем.
Стеклянно гуторят пороги Днепра,
И в сердце нет места потерям,—
Варяжское сердце соловкой поет:
Сегодня Руальд за Олавой придет.

А первопрестольного Киева князь,
Державный гуляка Владимир,
Схватился с медведем, под зверем склонясь,
Окутанный в шерсти, как в дыме.
Раскатами топа вздрожала земля:
На вызвол к Владимиру скачет Илья.

А следом Алеша Попович спешит,
С ним рядом Добрыня Никитич.
— Дозволим ли,— спрашивают от души: —
Очам Красно-Солнечным вытечь? —
И рушат рогатиной зверя все три —
Руси легендарные богатыри.

Но в сердце не могут, хоть тресни, попасть.
Не могут — и все! Что ты скажешь!
Рогатины лезут то в брюхо, то в пасть,
И мечется зверь в смертном раже.
— А штоб тебя, ворог!..— Рев. Хрипы. И кряк.
Вдруг в битву вступает прохожий варяг.

И в сердце Олавином смолк соловей:
Предчувствует горе Олава —
За князя Руальд, ненавистного ей,
Жизнь отдал,— печальная слава!
И вьюгу черемуха мечет в окно,
И ткет погребальное ей полотно...

1929

DAME d'AZOW

Нередко в сумраке лиловом
Возникнет вдруг, как вестник бед,
Та, та, кто предана Орловым,
Безродная Elisabeth,

Кого, признав получужою,
Нарек молвы стоустый зов
Princesse Владимирской, княжною
Тьму-Тараканской, dame d'Azow.

Кощунственный обряд венчанья
С Орловым в несчастливый час
Свершил, согласно предписанья,
На корабле гранд де Рибас.

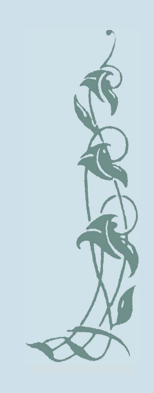
Орловым отдан был проворно
Приказ об аресте твоем,
И вспыхнуло тогда Ливорно
Злым, негодующим огнем.

Поступок графа Алехана
Был населеньем осужден:
Он поступил коварней хана,
Предателем явился он!

Граф вызвал адмирала Грейга,—
Тот слушал, сумрачен и стар.
В ту ночь снялась эскадра с рейда
И курс взяла на Гибралтар.

— Не дело рассуждать солдату,—
Грейг думал с трубкою во рту.
И флот направился к Кронштадту,
Княжну имея на борту.

И шепотом гардемарины
Жалели, видя произвол,
Соперницу Екатерины
И претендентку на престол.

И кто б ты ни был, призрак смутный,
Дочь Разумовского, княжна ль
Иль жертва гордости минутной,
Тебя, как женщину, мне жаль.

Любовник, чье в слиянье семя
Отяжелило твой живот,
Тебя предал! Он проклят всеми!
Как зверь в преданьях он живет!

Не раз о подлом исполине
В тюрьме ты мыслила, бледнев.
Лишь наводненьем в равелине
Был залит твой горячий гнев.

Не оттого ль пред горем новым
Встаешь в глухой пещере лет
Ты, та, кто предана Орловым,
Безродная Elisabeth.

1923, 23 янв.

ПРАГА

Магнолии — глаза природы —
Раскрыл Берлин — и нет нам сна...
...По Эльбе плыли пароходы,
В Саксонии цвела весна.

Прорезав Дрезден, к Баденбаху
Несясь с веселой быстротой,
Мы ждали поклониться праху
Живому Праги Золотой.

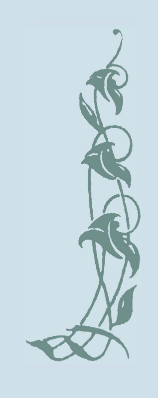
Нас приняли радушно чехи,
И было много нам утех.
Какая ласковость в их смехе,
Предназначаемом для всех!

И там, где разделяет Влтава
Застроенные берега,
И где не топчет конь Вацлава
Порабощенного врага,

Где Карлов мост Господни Страсти
Рельефит многие века,
И где течет в заречной части
Венецианская «река»,

Где бредит уличка алхимья,
И на соборе, в сутки раз,
Вступает та, чье смрадно имя,
В апостольский иконостас,

Там, где легендою покрыто
Жилище Фауста и храм,
Где слала Гретхен-Маргарита
Свои молитвы к небу,— там,

Где вьются в зелени овраги,
И в башнях грезят короли,
Там, в золотистой пряже Праги
Мы с явью бред переплели.

Yarve
1925

НАРВА

Над быстрой Наровой, величественною рекой,
Где кажется берег отвесный из камня огромным,
Бульвар по карнизу и сад, называемый Темным,
Откуда вода широко и дома далеко...

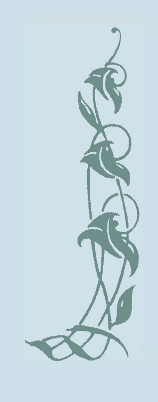
Нарова стремится меж стареньких двух крепостей —
Петровской и шведской,— вздымающих серые башни.
Иван-город тих за рекой, как хозяин вчерашний,
А ныне, как гость, что не хочет уйти из гостей.

На улицах узких и гулких люблю вечера,
Когда фонари разбросают лучистые пятна,
Когда мне душа старой Нарвы особо понятна,
И есть вероятья увидеться с тенью Петра...

Но вместо нее я встречаю девический смех,
Красивые лица, что много приятнее тени...
Мне любо среди молодых человечьих растений,
Теплично закутанных в северный вкрадчивый мех.

И долго я, долго брожу то вперед, то назад.
Любуясь красой то доступной, то гордо-суровой,
Мечтаю над темень пронизывающей Наровой,
Войдя в называемый Темным общественный сад.

Двинск
1927

БАЙКАЛ

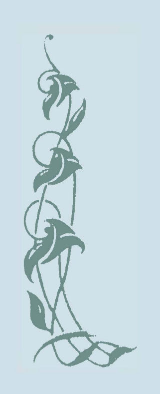
Я с детства мечтал о Байкале,
И вот — я увидел Байкал.
Мы плыли, и гребни мелькали,
И кедры смотрели со скал.

Я множество разных историй
И песен тогда вспоминал
Про это озерное море,
Про этот священный Байкал.

От пристани к пристани плыли.
Был вечер. Был холод. Был май.
Был поезд,— и мы укатили
В том поезде в синий Китай.

Как часто душа иссякала
В желанье вернуться опять
Я так и не знаю Байкала:
Увидеть — не значит узнать.

1929

ВСАДНИЦА

От утра до вечера по тропинкам бегая,
Почву перерезавшим всхлипчато и шатко,
Утомилась, взмылилась маленькая пегая,
Под красивой всадницей шустрая лошадка.

Ноги добросовестно много верст оттопали.
Есть — не елось, выпить же — приходилось выпить.
Земляникой пахнули листики на тополе,—
Значит, преждевременно было пахнуть липе...

Птицы в гнездах ласковых накопляли яйца.
В поволоке воздуха возникали страсти.
Всадница настроилась: вот сейчас появится
Никогда не встреченный, кто ей скажет: «Здравствуй».

Поворотов столько же, сколько в рыбном озере
Вдумчивых, медлительных окуней,— а нет ведь
Тайного, безвестного, кто свежее озими,
Кто вот-вот появится, пораздвинув ветви...

Toila
1930

МАРИЯ

...Туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии...

В. Брюсов

Серебристое имя Марии
Окариной звучит под горой...
Серебристое имя Марии,
Как жемчужин летающих рой...

Серебристое имя Марии
Говорит о Христе, о кресте...
Серебристое имя Марии
О благой говорит красоте...

Серебристое имя Марии
Мне бессмертной звездою горит...
Серебристое имя Марии
Мой висок сединой серебрит...

1923

БАРЕЛЬЕФ

Есть в Юрьеве, на Яковлевской, горка,
Которая, когда я встану вниз
И вверх взгляну, притом не очень зорко,
Слегка напоминает мне Тифлис.

И тотчас же я вижу: мрамор бани,
Зурну, винто, духанов чад и брань
И старую княгиню Орбельяни,
Сидящую на солнышке у бань...

Озеро Uljaste
1923

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОЭТА

Оттого ль, что осенняя возникла рана
В прожилках падающего листа,
Девушка чувствовала себя так странно,
Как будто матерью готовилась стать.

Оттого ли, что думала она из Фета
И в неосязаемое ее влекло,
Девушка чувствовала себя поэтом
От кончиков пальцев до корней волос.

Двинск
1927

ДЫМ ЛЬДА

Под ветром лед ручья дымится,
Несутся дымы по полям.
Запорошенная девица
Дает разгон своим конькам.

Она несется по извивам
Дымящегося хрусталя,
То припадая к белым гривам,
То в легком танце воскрыля.

На белом белая белеет —
Вся вихрь, вся воздух, вся полет.
А лед все тлеет, тлеет, тлеет,—
Как будто вспыхнет этот лед!

1923

ЛЮБОВЬ — БЕСПРИЧИННОСТЬ

Любовь — беспричинность. Бессмысленность даже,
пожалуй.
Любить ли за что-нибудь? Любится — вот и люблю.
Любовь уподоблена тройке, взбешенной и шалой,
Стремящей меня к отплывающему кораблю.

Куда? Ах, неважно... Мне нравятся рейсы без цели.
Цветенье магнолий... Блуждающий, может быть, лед...
Лети, моя тройка, летучей дорогой метели
Туда, где корабль свой волнистый готовит полет!

Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!
Дымись кружевным, пенно-пламенным белым огнем!
Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит
беспричинность!
Корабль отплывает куда-то. Я буду на нем!

1919

ФЛАКОН ИССЯКШИЙ

Среди опустевших флаконов,
Под пылью чуланного тлена,
Нашел я флакон Аткинсона,
В котором когда-то Вервэна...

Чья нежная белая шея
Лимонами благоухала?
Чья ручка, моряною вея,
Платочным батистом махала?

Духи, мои светлые духи,
Иссякшие в скудной дороге!
Флаконы мучительно сухи,
А средства наполнить — убоги...

Но память! Она осиянна
Струей упоительно близкой
Любимых духов Мопассана,
Духов Генриетты Английской...

1926

СЛОВО БЕЗБРЕЖНОЕ

Не надо наименованья
Тому, что названо давно...
Но лишь весеннее дыханье
Ворвется — властное — в окно,
Чей дух избегнет ликованья?
Чье сердце не упоено?

Весна! Ты выращена словом,
Которому душа тесна,
Зеленым, голубым, лиловым
Повсюду отображена.
Ты делаешь меня готовым
На невозможное, весна!

1927

ВИНОГРАД

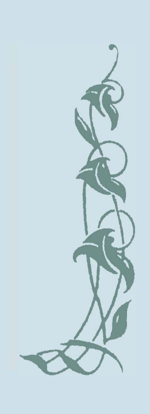
В моей стране — столица Виноград,
Опутанная в терпком винограде.
Люблю смотреть на ягоды, в усладе
Сомлевшие, как полуталый град...

Разнообразен красочный наряд:
Лиловые, в вишневых тонах сзади,
И черные жемчужины, к ограде
Прильнувшие в кистях, за рядом ряд.

Над горными кудрявыми лесами,
Поработив счастливые места,
Две королевы — Страсть и Красота —

Воздвигли трон и развернули знамя.
Там девы с виноградными глазами
Подносят виноградные уста.

Valaste
1925

ПРИВЕТ ЗА ОКЕАН

М. К. Айзенштадту

Сегодня я грущу. Звучит минорнее
Обыкновенно радостная речка:
Вчера я получил из Калифорнии
Письмо от маленького человечка...

Он пишет: «Отзовитесь, если помните
Известного по Риге Вам собрата...»
Как позабыть, кто мог так мило скромничать,
Его, мечтательного Айзенштадта?

Со вздохом вспомнив остренькое личико,
Умение держаться деликатно,
Восторженность наивную язычника,
Я говорю: «Мне вспомнить Вас приятно.

Вам, птенчик мой взъерошенный и серенький,
Хочу всего, чего достичь Вы в силе,
Чтоб в механической, сухой Америке
Вы трепетной души не угасили...»

1925

ПЕСЕНКА О НАСТОЯЩЕМ

Веселую жизнь проводящим,
Живущим одним Настоящим,
Я песенку эту пою...
Не думайте вовсе о завтра,—
Живите, как песенки автор,
Сжигающий душу свою...

На свалку политику выбрось
И, ружья любого калибра
Сломав, всем объятья раскрой.
Так думай, так действуй, так чувствуй,
Чтоб сердце изведало усталь
От силы желаний порой!

Подумай, ведь только полвека
Отпущено на человека,
Вся жизнь твоя — лет пятьдесят...
Заботами краткой не порти,
Живи, как проказливый чертик:
Хвосты у чертей не висят!..

Так что же ты нос свой повесил?
Будь смел, будь находчив, будь весел,
Бездумен, как ангел в раю...
Веселую жизнь проводящим,
Живущим одним Настоящим
Я песенку эту пою!

17 октября 1930
Toila

СКОЛЬКО РАЗ!..

Сколько раз бывало: — Эта! Эта!
Не иная. Вот она, мечта!
Но восторг весны сменяло лето,
И оказывалось — нет, не та...

Я не понимаю — в чем тут дело,
Только больно каждому из нас.
Ласково в глаза мои глядела,
Я любил ее мерцанье глаз...

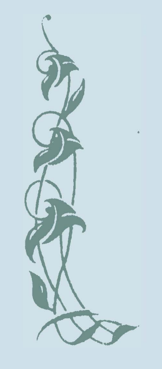
Пусть недолго — все-таки родными
Были мы и счастье берегли,
И обычное любимой имя
Было лучшим именем земли!

А потом подруга уходила,—
Не уйти подруга не могла.
Фимиам навеяло кадило,
Струйки свеяла сырая мгла...

И глаза совсем иного цвета
Заменяли прежние глаза,
И опять казалось: Эта! эта!
В новой женщине все было — за!

И опять цветы благоухали,
И другое имя в этот раз
Золотом сверкало на эмали,
Вознесенное в иконостас!

Toila
1930

ПОДРУГАМ МИЛЫМ

У меня в каждой местности — в той, где я был,—
Есть приятельница молодая,
Та, кого восхитил грез поэтовых пыл
И поэта строфа золотая.

Эти женщины помнят и любят меня,
Пишут изредка сестрински-мягко,
И в громадном году нет ничтожного дня,
Чтобы жрец им не вспомнился Вакха.

Я телесно не связан почти ни с одной,—
Разве лаской руки, поцелуем,—
Но всегда стоит только остаться со мной,
Каждый близостью странной волнуем.

Я живу месяцами в лесах у озер,
На горах, на песках у залива.
Иногда же, расширить решив кругозор,
Я лечу по Европе шумливо.

И тогда, в каждом городе,— в том, где я был,
Как и в том, где когда-нибудь буду,—
Встречу ту, для кого я хоть чем-нибудь мил,
А такие — повсюду, повсюду!..

Кырвэ
3 окт. 1930

УЖАС ПУСТЫНЬ

Меж тем как неуклонно тает
Рать рыцарей минувших дней,
Небрежно-буйно подрастает
Порода новая... людей.

И те, кому теперь под тридцать,
Надежд отцовских не поймут:
Уж никогда не сговориться
С возникшими в эпоху смут.

И встреча с новой молодежью
Без милосердья, без святынь
Наполнит наше сердце дрожью
И жгучим ужасом пустынь...

Toila
1930

ТАК СОЗДАН МИР

Рассеиваются очарованья
	И очаровывают вновь,
И вечное в душе коронованье
Свершает неизменная любовь.

Одна, другая, третья — их без счета,
	И все-таки она — одна,
То увядающая отчего-то,
То расцветающая, как весна.

О, весны! весны! Вас зовут весною,
	И всем страстям названье — страсть.
Во многих мы, но все-таки с одною,
И в каждой — огорчительная сласть.

1929

В ПРОСТРАНСТВЕ

Беспокоишься? Верю! Теперь порадуйся,—
Путь кремнист; но таится огонь в кремне,—
Ничего, что ты пишешь «почти без адреса» —
Я письмо получил: ведь оно ко мне.

Утешать не берусь, потому что правильно
Скорбь тебе взбороздила разрез бровей:
Будь от Каина мы или будь от Авеля,
Всех удел одинаков — триумф червей...

Ничего! Понимаешь? Бесцельность круглая.
Преходяще и шатко. И все не то.
Каждый день ожидаем, когда же пугало
Номер вызовет наш — ну совсем лото.

Но мечта,— как ни дико,— живуча все-таки,
И уж если с собой не покончишь ты,
Сумасшествию вверься такой экзотики,
Где дурман безнадежных надежд мечты...

1929

МОДЕЛЬ ПАРОХОДА

(Работа Е. Н. Чирикова)

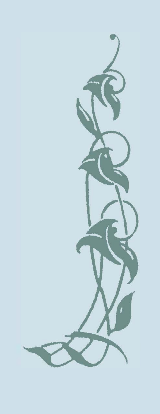
Когда, в прощальных отблесках янтарен,
Закатный луч в столовую скользнет,
Он озарит на полке пароход
С названьем, близким волгарю: «Боярин».

Строителю я нежно благодарен,
Сумевшему средь будничных забот
Найти и время, и любовь, и вот
То самое, чем весь он лучезарен.

Какая точность в разных мелочах!
Я Волгу узнаю в бородачах,
На палубе стоящих. Вот священник.

Вот дама из Симбирска. Взяв лохань,
Выходит повар: вскоре Астрахань,—
И надо чистить стерлядей весенних...

1925

ПАЛЛАДА

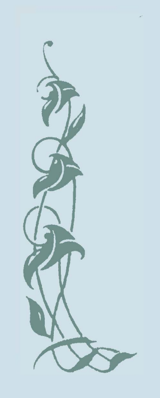
Она была худа, как смертный грех,
И так несбыточно миниатюрна...
Я помню только рот ее и мех,
Скрывавший всю и вздрагивавший бурно.

Смех, точно кашель. Кашель, точно смех.
И этот рот — бессчетных прахов урна...
Я у нее встречал богему,— тех,
Кто жил самозабвенно-авантюрно.

Уродливый и блеклый Гумилев
Любил низать пред нею жемчуг слов,
Субтильный Жорж Иванов — пить усладу,

Евреинов — бросаться на костер...
Мужчина каждый делался остер,
Почуяв изощренную Палладу...

1924

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

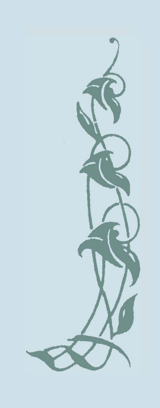
Я Гумилеву отдавал визит,
Когда он жил с Ахматовою в Царском,
В большом прохладном тихом доме барском,
Хранившем свой патриархальный быт.

Не знал поэт, что смерть уже грозит
Не где-нибудь в лесу Мадагаскарском,
Не в удушающем песке Сахарском,
А в Петербурге, где он был убит.

И долго он, душою конквистадор,
Мне говорил, о чем сказать отрада.
Ахматова устала у стола,

Томима постоянною печалью,
Окутана невидимой вуалью
Ветшающего Царского Села...

1924

МАРИИНСКИЙ ТЕАТР

Храм с бархатной обивкой голубой,
Мелодиями пахнущий, уютный,
Где мягок свет — не яркий и не смутный —
Я захотел восставить пред собой.

Пусть век прошел, как некий Людобой,
Век похоти и прихоти минутной,
Пусть сетью разделяет он злопутной
Меня, Мариинский театр, с тобой,—

Пусть! Все же он, наперекор судьбе,
Не может вырвать память о тебе,
Дарившем мне свое очарованье.

И я даю тебе, лазурный храм
Искусства, перешедшего к векам,
Театра Божьей милостью螺 названье!

1924

PÉRISTEROS

«Вот солнце скрылось — луна не взошла.
Спеши к вервэне: от сумерек мгла.

Ступая тихо в сиреневой мгле,
Дай соты с медом, как выкуп земле.

Вокруг железом цветок очерти,
Рукою левой вервэну схвати.

И — выше в воздух! Повыше!» Вот так
Учили маги, кто жаждал быть маг:

«Натрешься ею — в руках твоих все.
Все, что желаешь. Теперь все — твое.

Она прогонит мгновенно озноб,
И просветлеет нахмуренный лоб.

Она врачует упорный недуг:
Она — экстаза и радости друг.

Заводит дружбу вервэны цветок,
Но только помни условленный срок:

Когда нет солнца, когда нет луны,
Коснись до стебля,— цветущей струны,—

И вмиг железом цветок очертя,
Рукою левой своей схватя,

Повыше в воздух. Повыше! Вот так».
— Теперь ты тайной владеющий маг!

1924

VENERIS VENA

Вервэна, вена Венеры,
Напиток плымный любви!
Пою восторженно-смело
Благие свойства твои:
Ты так же, как и Омела,
Болезни можешь целить,
Злых духов загнать в пещеры,
Враждующих примирить.

Ах, чтили тебя друиды,
И маги, и древний галл.
Не ты ль — украшенье термы?
Не страсти в тебе ль закал?
Ведь сок твой исполнен спермы,
И ты очищаешь дом,
Рассеиваешь обиды
Волшебным своим цветком.

Аркан Бесспорной Доктрины
(Их было ведь двадцать два)
Шестой обозначил цифрой
Тебя, Железняк-трава.
С той эры культурьи вихри
Поверья метнули в прах,
Но их аромат не сгинул
И вечно душист в веках.

Да, в дюжину Розенкрейцер
Магическую свою
Премудрость вложил Вервэну
В растительную семью.
Я славлю Венеры вену,
Будящую — как стихи —
Сарказм в лице европейца
И радость детей стихий!

1924

ВНЕЗАПНАЯ ГОРЛОМ КРОВЬ

Он нам сказал вчера: «Моя жена больна.
Четвертый день лежит. Она — одна.

Быть может, съездим к ней?» — прибавил тихо мне
И то же самое — моей жене.

И вот на станцию мы, подозвав авто,
Не зная — ехали — где, как и что.

Он в электрический нас проводил вагон.
Весь час пути был молчаливым он.

Лишь устремленные его в окно глаза
Мягчила жалостливая слеза.

В прохладной комнате она встречала нас
С лицом, которому — в иконостас.

О, голубеющая худоба его!
Улыбка дрогнула: — «Я — ничего...

Сегодня бодрая...» Кивнув моей жене,
Она осталась с ней наедине.

1928, март.

ЗАКАТНЫЕ ОБЛАКА

По небу, точно хлопья ваты,
Плывут закатные облака.
Они слегка голубоваты
И лучезарны они слегка.

Мечты вплетаются в закаты
Из шелковистого далека.
Они слегка голубоваты
И лучезарны они слегка.

1929

ЧЕГО-ТО НЕТ...

Мне хочется уйти куда-то,
В глаза кому-то посмотреть,
Уйти из дома без возврата
И там — там где-то — умереть.

Кому-то что-то о поэте
Споют весною соловьи.
Чего-то нет на этом свете,
Что мне сказало бы: «Живи!..»

1928

ЛОКАРНО

Страна Гюго, страна Верхарна,
Край Данта и Шекспира край!
Вы заложили храм в Локарно,
Земной обсеменили рай...

Цветущие с дороги вехи
Влекут к себе издалека:
Вы позаботились о чехе,
Вы пригласили поляка.

Так! В неизбывной жажде мира
Вы совершили мудрый шаг:
Недаром семиструнна лира —
Отныне немец вам не враг...

Усемерив свои усилья,
Задавшись целью всеблагой,
Вселенной озарили крылья
Вы семицветною дугой.

В ней — верный знак, что день погожий
Ненастному на смену дню
Уже спешит. Склонись, прохожий:
Тебя крестом я осеню!

Пусть солнце в небе лучезарно
Еще не плещется, звеня...
Пусть! — веры символом Локарно
Нам озаряет сумрак дня!

1925

ПЕРЕВОДЫ

А. С. ПУШКИН

МОЙ ПОРТРЕТ

(Перевод с французского)

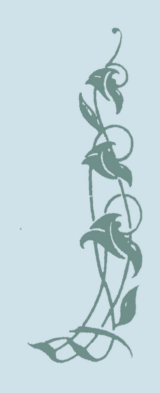
Нарисованный с натуры
Вы портрет хотели б мой?
В виде — что ж! — миниатюры
Будет вам, мой дорогой!

Я веселая персона.
По утрам хожу я в класс.
Я не глуп. То без фасона
Говорю и без гримас.

К болтовне и скуке склонный,
Я — хотя душа юна —
Сплинней доктора Сорбонны
И болтливей болтуна.

Рост мой с ростом великана
Не сравняется, увы.
Но лицо мое румяно,
Русы кудри головы.

В суетню влюбленный света,
Я безлюдья не терплю.
Отрицаю споры. Это,
Как науку, не люблю.

Бал? Вот я по этой части!
Я сказал бы, ей-же-ей,
О других еще пристрастьях,
Если б не ходил в лицей...

Друг! Теперь меня уж просто
Ты узнаешь без труда.
Как я Добрым Богом создан,
Быть хочу таким всегда!

Я по минам обезьяна,
Бес в проделках... Mon ami!
Тот, кто легкомыслен рьяно,
Тот и — Пушкин, черт возьми!

1929, 5 авг.

МОЕ ЗАВЕЩАНЬЕ

(Перевод с польского)

Я с вами жил, страдал, я плакал вместе с вами,
Я благородство постоянно почитал.
Готовясь тенью стать, приветствуем тенями,
Я грустен, будто здесь я все же счастье знал...

Наследника мне нет. Его я не оставил
Ни блеску имени, ни лире золотой.
Я молнией мелькнул, при жизни не прославил
Я имени: оно — потомкам звук пустой.

Но вы, кто знал меня, в преданьях сообщите,
Что для отчизны я всю юность изнурил.
Пока боролся бриг, на мачте я к защите
Взывал. Он гиб,— я с ним пошел ко дну без сил.

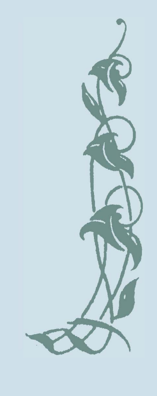
День встанет: кто-нибудь, раздумывая в скорби
О судьбах родины тоскующей моей,
Признает духа плащ не милостыней в торбе,
А предков пышностью в сиянии огней.

Собравшись полночью, в пылающем алоэ
Пусть сердце бедное мое друзья сожгут,
Прах той вручив, кем сердце мне дано земное:
Вот плата матерям, положенная тут!

И пусть друзья мои пьют чашу круговую,
В ней смерть мою топя и с ней беду свою...
О, духом будучи, им тотчас просверкну я,
А если вниду в ад — им лика не явлю...

Но я молю живых: Надежд не угашайте,
Несите светоч свой высоко пред толпой.
Когда же час пробьет, смелее смерть встречайте
Камнями, Божьею взметенными рукой!

А я.. я, уходя, оставлю вам дружину,
Кто сердце гордое мое сумел любить.

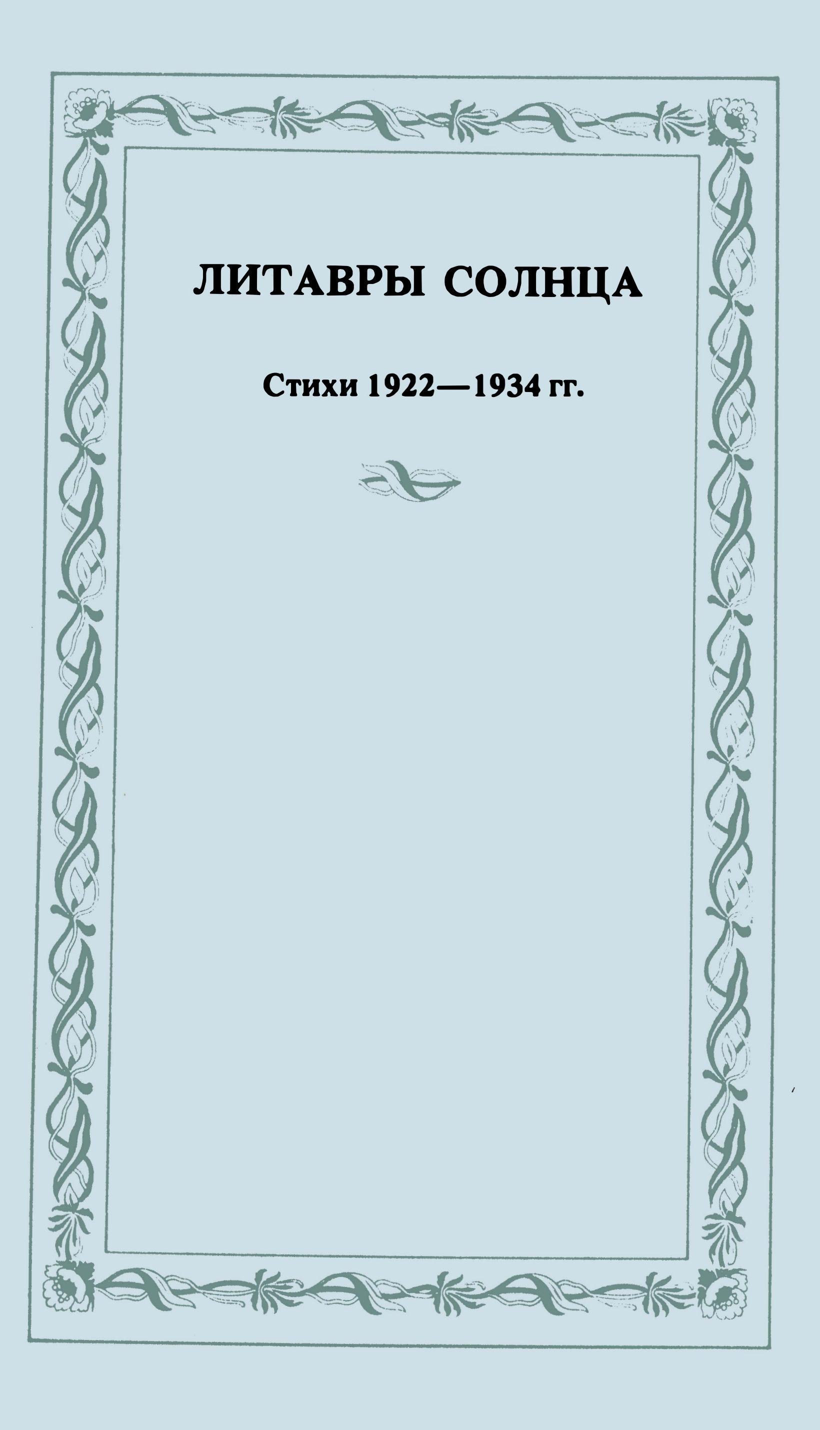
Я, видно, выполнил суровую судьбину,
Гроб неоплаканный согласен получить.

Ах, кто решился бы другой пройти путями
В пренебреженьи равнодушном мир обид?
Быть рулевым ладьи, наполненной тенями?
Столь тихо отлететь, как только дух летит?

Мощь непреложная завещана вам мною,
Мне в жизни лишняя. Но вот сойду я в склеп,
И эта мощь моя, что станет вам судьбою,
Даст крылья ангелов всем вам, едящим хлеб!

Варшава
6 февр. 1928

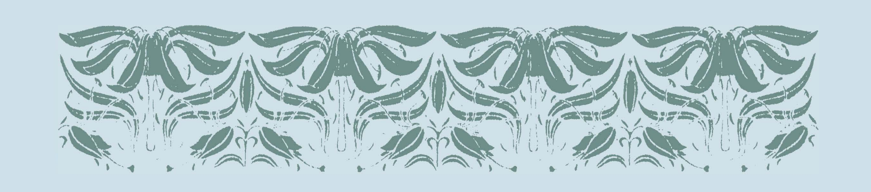

ЛИТАВРЫ СОЛНЦА

Стихи 1922—1934 гг.

ЛИТАВРЫ СОЛНЦА

Гремят лучистые литавры
Светила пламенного дня,
И, в страхе, прозные центавры
Бегут, скрываясь от меня.

Я слышу солнечное пенье,
Я вижу жизнь со всех сторон —
Победоносное лученье!
Победоносный перезвон!

Кто в солнце музыки не слышит,
Тот строф поэта не поймет.
И полной грудью тот не дышит,
И полным сердцем не живет!

Тому, кто уготовил лавры
Мне на чело, прияв меня,
Гремите, пламные литавры
Ночь побеждающего Дня!

1923

БАЛТИКА

СОЛОВЬИЗЫ

О, как для соловья тихи
Душистые ночные бризы...
Я соловей: свои стихи
Я называю *соловьизы*

Овей, весна моя, овей
Колоратурные напевы,
Что выхрусталит соловей
В честь невозможной в мире девы?

Земная страсть, земная грусть,
Все то, чем дышит грудь людская,
Не вовсе чужды мне, и пусть
Я их пою, их допуская...

Но переливных соловьиз —
Не в этом основная тема:
Она — внеразумный каприз
И внерассудная поэма!

1923

УБИТАЯ ЯБЛОНЯ

Один из варваров зарезал яблоню
И, как невинности, цветов лишил...
Чем я пленю тебя? чем я тебя пленю,
Раз обескровлена система жил?

Да, жилы яблони — все ветви дерева!
Да, кровь древесная — цветущий сок!
О, вера вешняя, ты разуверена,
И снегом розовым покрыт песок...

Чем восторгну теперь, мой друг, тебя пленя,
В саду, куда с собой любить привел,
Когда зарублена злодеем яблоня —
Жизнь для художника, для зверя — ствол?!.

1924

ВЕСНА И ЛЕТО

Сирень, певучая новелла,
Сиреневела.
И колокольцы белолилий
Светло звонили.
Не забывали нежно-чутки
Вод незабудки.
И освещали, точно грозы,
Все в росах розы.
Несло клубникой из долины:
Цвели жасмины.
Кружились при ветрах и громах
Снега черемух.
Как золота под мотыльками,
Рожь с васильками!
И мотыльков летучий ярус —
Как перлопарус.
Раззвездился так шустро-прыток
Рой маргариток.
Зелено-бронзные букашки
Вползли в ромашки.
Малиловел смешной затейник,
Колюн-репейник,
Что носит кличку так неплохо
Чертополоха.
Зеленец леса. Синь озерец.
Орел-надгорец.
Гремели из полей зеленца
Литавры солнца.
Алокорончато пестрели
В ручьях форели.
Гудели, как струна виолы,
Мохнатки-пчелы.
И бабочки-бирюзобрюшки
Вились, где стружки.
Звенели, как оркестры струньи,
В лесах певуньи.
Бросали соловьи-солисты
Призывосвисты.

Лягушки квакали, расхорясь,
        Рефрэн: «Amores».
Все это жило, расцветало
        И вдруг не стало.
Все вместе называлось это —
        Весна и лето!

1922

ВЗОР НЕИЗМЕРИМЫЙ

Я топью прохожу необозримой...
Но я крылат! и что мне грани гор,
Что взор завидел мой неизмеримый,
Неизмеримый взор.

Но кто же я: зверями зверь гонимый
Иль Человек, чьи взоры — глубь озер?
Как глубь озер — мой взор неизмеримый,
Неизмеримый взор.

Порок, пороком непреоборимый,
И зверь, и человек, и метеор,
И песнь, и мысль,— и взор неизмеримый,
Неизмеримый взор!

1924 г.

ПРЕЛЮДИЯ

Очаровательные разочарованья
Мне в жизни выпали в безрадостный удел.
И если я найти потерю захотел,
Ее найдя, терял иметь ее желанье.

Так все несозданное страстно ищет форм
И воплощающего в жизнь запечатленья.
Но только создано, как скуки хлороформ
Ввергает явленное к жизни — в усыпленье.

1922 г.

В ДУБРАВЕ

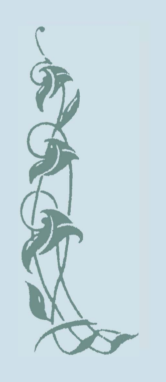
Мира не переделаешь,
Благородства в него не вложишь.
Черное подло, как белое,
Повсюду одно и то же.

Все партии отвратительны,
Потому что они партийны.
Поэтому с людьми мучительно:
Их подлость почти стихийна.

В деревне ли жить ли, в городе ль,
Ах, люди повсюду люди.
Уж лучше к простору озер идти:
Там все же их меньше будет.

Вздохнешь на безлюдьи чуточку
От вздора, вражды и каверз,
Спасительную взяв удочку,
К зеленой идя дубраве...

1927 г.

Я К МОРЮ СБЕГАЮ...

Я к морю сбегаю. Назойливо лижет
Мне ноги волна в пене бело-седой,
Собою напомнив, что старость все ближе,
Что мир перед новою грозной бедой...

Но это там где-то... Сегодня все дивно!
Сегодня прекрасны и море, и свет!
Сегодня я молод, и сердцу наивно
Зеленое выискать в желтой листве!

И хочется жить, торопясь и ликуя,
Куда-то стремиться, чего-то искать...
Кто в сердце вместил свое радость такую,
Тому не страшна никакая тоска!

Toila
17 окт. 1930 г.

ГОРОД

КОГДА ХОРОШЕЕТ УРОД

Смехач, из цирка клоун рыжий,
Смешивший публику до слез,
Был безобразней всех в Париже,
И каждый жест его — курьез.

Но в частной жизни нет унылей
И безотрадней Смехача:
Он — циник, девственнее лилий,
Он — шут, мрачнее палача.

Снедаем скорбью, напоследок
Смехач решил пойти к врачу.
И тот лечить душевный недуг
Его направил... к Смехачу!..

В тот день в семье своей впервые
Урод был истинным шутом:
Как хохотали все родные,
Когда он, затянув жгутом

Свою напудренную шею
Повиснул на большом крюке
В дырявом красном сюртуке
И с криком: «Как я хорошею!..»

1923 г.

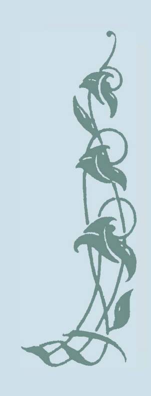

В ДЕВЯТЬ ЛЕТ...

М. А. Д.

В девять лет, быв влюбленным, расстаться,
Через тридцать пять лет повстречаться,
  В изумленьи расширить зрачки,
Друг на друга смотреть бессловесно,
Помнить то, что друг другу известно.
  А известно-то что? Пустячки!
Может быть, оттого и прелестно...

Париж
13 февр. 1931 г.

ПЕСНЯ ПРОХОДИМЦА

На улице карапузики
Выделывают антраша
Под звуки военной музыки,
Что очень уж хороша:

Такая она веселая
И громкая — просто страсть!
Пойду-ка в окрестные села я
Попрыгать вокруг костра.

Там с девушкой незнакомою
Бездумно любовь крутну,
Ненайденную искомую
Найду-ка еще одну.

Под карточкой два арбузика
Выделывают антраша
Греми, духовая музыка:
Ты очень уж хороша!

Двинск
1927

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЦАРЕМ...

Когда бы быть царем великого народа,
Мне выпало в удел, вошел бы я в века:
На слом немедленно могучий флот распродал
И в семьи по домам все распустил войска.

Изобретателей удушливого газа
На людных площадях повесил без суда,
Партийность воспретил решительно и — разом
Казнь смертную отверг. И это навсегда.

Недосягаемо возвысил бы искусство,
Благоговейную любовь к нему внуша,
И в людях ожили бы попранные чувства —
Так называемые сердце и душа.

Отдав народу все — и деньги, и именья,
Всех граждан поровну насущным наделя,
Покинул бы престол, в порыве вдохновенья
Корону передав тебе, моя земля!

Восторженно клянусь, воистину уверен
В своей единственной и вещей правоте,
Что все края земли свои раскрыли б двери
Моей — несущей мир и рай земной — мечте.

Мне подражали бы все остальные страны,
Перековав на плуг орудья злой войны,
И переставшие вредить аэропланы
Благую весть с земли домчали б до луны.

Благословляемый свободным миром целым,
Я сердце ближнего почел бы алтарем.
Когда бы быть царем мне выпало уделом,
Я показал бы всем, что значит быть царем!

1927 г. 20 окт.

ИЗВЕРГИ САМОВЛЮБЛЕННЫЕ

Невозможно читать начинающих авторов,
Чья бездарность бессмертней талантов иных,
У кого и вчера, и сегодня и завтра
Одинаково невыразительный стих.

И не только читать — принимать невозможно их,
Этих извергов самовлюбленных: они
Могут вирши безграмотные и ничтожные
Вам читать положительно целые дни.

Помню, в молодости принимал я их стаями,
Терпеливо выслушивал «опыты» их,
И читалось мне, что неудобочитаемо,
Где бездарность бессмертней талантов иных...

Маляры, офицеры, швейцары, садовники,
Столяры и сектанты, меди́чки, дьячки
Лезли все в соловьи, в вожаки и в любовники,
В наглой скромности людям втирая очки...

В пору, помнится, расположения доброго
Одного «баритона» прослушав всю ночь,
Я совсем неожиданно грохнулся в обморок
И, очнувшись, кричал истерически: «Прочь!..»

Как они не поймут, что они — обреченные
И что прока вовеки не будет из них?..
Это просто больные иль просто влюбленные,
Чья бездарность бессмертней талантов иных!

1929 г.

РАСПУТНИЦА

Она идет — вы слышите шаги? —
Распутница из дальнего Толедо.
Ее глаза темны. В них нет ни зги.
В ручном мешке — змея, исчадье бреда.

Та путница нехороша собой:
Суха, желта, румянец нездоровый...
И вьется шарф — отчасти голубой,
Отчасти ослепительно пунцовый...

Ее ненасыщаемая страсть
Непривередлива и небрезглива.
Над кем она распространяет власть,
Тот подчиняется ей торопливо.

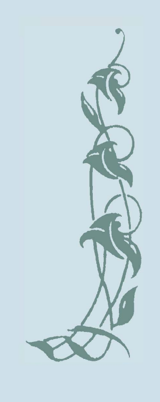
Кто б ни был ты: почтенный семьянин,
Распутник зрелых лет, невинный отрок,—
Уж как пути свои ни измени,
Найдет,— и тело с нею распростерто...

И женщинам, и девушкам не скрыть
Тел, обреченных в чувственность трибаде:
Лесбийской ей захочется игры —
Долой напрядывающие пряди!

Когда ж она восхочет всей семьи,
Томит в объятьях всех поочередно
И, из мешка не выпростав змеи,
Изласканных дает ей жалить со́дна...

Куда ведет тебя, беспутный путь,
Весь в стружках гробовых из-под рубанка?
К кому из нас ты вздумаешь прильнуть
В своей ужасной нежности, испанка?

1927 г.

САХА́РА АНТРЕПРИЗЫ

Гайдаров, Гзовская, Нелидов
(Как хорошо иметь друзей!)
В Берлине были в роли гидов
(Я в прозе жизни ротозей...)
Среди Сахары антрепризы
Мне импресарио ища,
Искусно все мои капризы
Прикрыв обширностью плаща
Доброжелательства к поэту...
И вот нашли мне целых три,
Которым, правда, алтари
Искусства чужды, но монету
Антрепренеры свято чли,
И живо вечер испекли
На пламени моих горений,
Чтоб эмигрантская толпа
Впивала звуковые раз
«Мороженого из сирени»,
Ландо моторного Зизи,
Ленивой Нелли в будуаре
И той развратнице в муаре,
Какую, как ты ни грузи
В шампанское под ананас,
Не пустят все же на Парнас!
Но автору за мастерскую
Скульптурность вход всегда открыт,
Где Фету Пушкин говорит:
— О Северянине тоскую!..

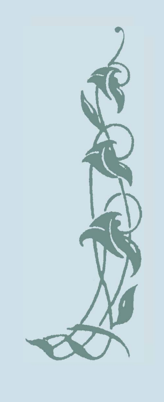
1923 г.

У ГЗОВСКОЙ

Очей незримые ирисы
Благоуханно-хороши.
Ах, нет утонченней актрис
И артистичнее души!
Нередко, невзирая на ночь,
Засиживались впятером.
— Читайте, милый «Северяныч»,
И мы Вам с радостью прочтем,—
Твердила ласково и мягко
Она, прищурясь и куря.
И пенил душу я в честь Вакха,
Живя, сверкая и горя!
Красив, как римлянин, Гайдаров
Встает и всех лазорит он:
Нам звоном бархатных ударов
Виолончелит баритон.
Ольга Владимировна сценки
Рассказывает про детей,
Как мальчик плакал из-за пенки,
Иль эпизод из жизни швей...
Подносит нам «видатель видов»,
Ироник с головы до ног,
Он, обаятельный Нелидов,
Колюче-лавровый венок.
Столичный житель, из Азовска
Какой-нибудь провинциал,
Пред кем блеснула «пани Гзовска»,
Ответно чувствами бряцал
С ней, несмотря на тьму и на ночь,
Нам было ярко и светло.
И был целован «Северяныч»,
Как матерью дитя, в чело...

1923 г.

ГРУСТНАЯ ГНУСЬ

Позвал меня один знакомый,
Веселой жизни акробат,
Рокфором городским влекомый,
В берлинское кафэ «Трибад».

Был вечер мглистый и дождливый,
Блестел и ло́снился асфальт
С его толпою суетливой.
Мы заказали «Ривезальт».

Смотря на танцы лесбиянок —
Дев в смокингах и пиджачках,
На этих гнусных обезьянок
С животной похотью в зрачках...

И было тошно мне от этой
Столичной мерзости больной,
От этой язвы, разодетой
В сукно и нежный шелк цветной.

Смотря на этот псевдо-лесбос,
На этот цикл карикатур,
Подумал я: «Скорее в лес бы,
В зеленолиственный ажур!»

И церемонно со знакомым
Простясь, я вышел на подъезд,
Уколот городским изломом,
С мечтой: бежать из этих мест.

1923 г.

ПРОГУЛКИ В TIERGARTEN

Мы часто по Unter den Linden
Ходили в Tiergarten нагой,
И если б Рейхстаг не был вправо,
Его мы задели б ногой.

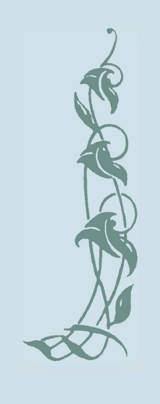
Не очень-то люб нам парламент
За то, что в нем партий очаг.
А мы беспартийные птицы
С природой в нептичьих очах...

Не нравится нам и Tiergarten
Он тощ, как немецкий обед...
Но больше всего не по вкусу
В том парке «Аллея Побед».

«Аллея Побед» — это значит,
Что «эти» напали на «тех»,
Что «те» побежденные пали,
А «эти» содеяли грех...

Мы в поисках вечных природы,
Хотя получили Ergarz
Ходили по Unter den Linden
В Tiergarten в кольце из палацц...

1923 г.

ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Чем эти самые живут,
Что вот на паре ног проходят?
Пьют и едят, едят и пьют —
И в этом жизни смысл находят...

Надуть, нажиться, обокрасть,
Растлить, унизить, сделать больно...
Какая ж им иная страсть?
Ведь им и этого довольно!

И эти-то, на паре ног,
Так называемые люди
«Живут себе»... И имя Блок
Для них, погрязших в мерзком блуде,—
Бессмысленный, нелепый слог...

1923

ЧЕМ БОЛЬШЕ — ТЕМ МЕНЬШЕ

Чем больше книг сухих, научных,
Тем меньше лирики в сердцах.
Чем больше лиц научно-скучных,
Тем меньше смеха на устах.

Чем больше поездов курьерских,
Тем меньше девственных лесов.
Чем больше сабель офицерских,
Тем меньше борон и плугов.

Чем больше фабрик граммофонных,
Тем меньше трудных арф в домах.
Чем больше трубок телефонных,
Тем меньше тонов в голосах.

Чем больше объявлений брачных,
Тем меньше браков по любви.
Чем больше песенок кабачных,
Тем меньше трелят соловьи.

Чем больше танцев ресторанных,
Тем меньше ценящих балет.
Чем больше войн и боли в ранах,
Тем меньше, меньше в жизни лет!..

1923 г.

УНИЧТОЖЬТЕ ПАРТИЙНОСТЬ!

Партийность — источник всех зол и всех бед:
Отбросьте партийность и ждите побед,
Побед окрыленного духа.
Одна только партия пусть да живет,
И будет ей доброе имя: *Народ*
Желанное имя для слуха.

Нет партий в природе, и, если кричишь,
Что кошка ест птицу, то кошка не чиж:
Пусть в птицу вцепляется кошка.
Но ты не животное, ты — *Человек*,
Кто б ни был ты — негр, англичанин иль грек —
Подумай об этом немножко...

Зверей дрессировка культурит. Людей
Культурит величье вселенских идей,
Религия, музы, наука.
Культурит еще человеческий род
Крылатое светлое слово: *Вперед*,
Любовь, всепрощенье и мука.

Так бросьте партийность — причину вражды,
Устройте повсюду селенья-сады,
Мечтайте о солнечном чуде.
Будь счастлив, живущий в долинах у рек,
Будь счастлив, что имя твое: *Человек*!
Что все человечество — *Люди*!

1923

НЕ ГОВОРИТЕ О КУЛЬТУРЕ

Пока нужны законы людям,
  Не говорите о культуре.
Пока сосед грозит орудьем,
  Не говорите о культуре.
Пока земля льет кровь людскую,
  Не говорите о культуре.
Пока о братстве я тоскую,
  Не говорите о культуре.
Пока есть «бедный» и «богатый»,
  Не говорите о культуре.
Пока дворцы идут на хаты,
  Не говорите о культуре.
Пока возможен в мире голод,
  Не говорите о культуре.
Пока на группы мир расколот,
  Не говорите о культуре.
Пока есть «иудей» и «эллин»,
  Не говорите о культуре.
Пока смысл жизни обесцелен,
  Не говорите о культуре.
Пока есть месть, вражда, погромы,
  Не говорите о культуре.
Пока есть а́рестные домы,
  Не говорите о культуре.
Пока нет равенства и братства,
  Но есть запрет и есть цензура,
Пока возможно святотатство,
  Культура ваша — не культура!

1923 г.

ЧЕМ ОНИ ЖИВУТ

Они живут политикой, раздорами и войнами,
Нарядами и картами, обжорством и питьем,
Интригами и сплетнями, заразными и гнойными,
Нахальством, злобой, завистью, развратом и нытьем.

Поэтов и мыслителей, художников не ведают,
Боятся, презирают их и трутнями зовут.
Зато потомство делают, трудясь над ним, как следует,
И убежденно думают, что с пользою живут!..

1923 г.

ЖАЖДУЩИЕ ВОЙН

Культурный зверь на двух ногах —
Я утверждаю — жаждет крови:
Ему в войне открыты нови
Разбогатиться на скорбях...

Убив, ограбить мертвеца —
Пленяющая ум возможность...
Итак, да здравствует безбожность
И беззастенчивость лица!

Растлить девицу на войне —
Не преступленье, а геройство.
Так зверь, войны постигший свойство,
Не просто зверь, а зверь вдвойне.

В слюнявой жажде грабежа,
От нетерпения дрожа,
Двуногий зверь стремится в битву...
Прими, о Бог, мою молитву,
Святую скорбь мою пойми:
Не называй зверей людьми!..

1923 г.

ПРИВИЛЕГИЯ КУЛЬТУРЫ

Пусть привилегией культуры
Пребудут впредь все кутежи...
Пусть дураки и с ними дуры
Утонут в море пьяной лжи.

Пусть в диком пьянстве и разврате
Найдут себе купельный жбан
Цивилизованные рати
Леса клеймящих горожан.

Пусть сохлый, чахлый мозг иссушат
Вконец в усладах городских,
Пусть городом себя задушат —
Презренные! Что мне до них!

До революции великой,
Во время, после и всегда —
Они живут толпой безликой,
Они живут ордою дикой
Без святости и без стыда.

Я объявил войну культуре,
И городу, и кабаку.
Я ухожу в свои лазури,
В свою священную тоску.

О перевоспитаньи мира,
О перелюденьи людей
Бряцай, бичующая лира!
Растрелься, вешний соловей!

Я ухожу в Природу удить
И, удя, мыслить с торжеством,
Людей мечтая перелю́дить,
Земным их сделав божеством!

1923 г.

БУДЬ СПРАВЕДЛИВ!

Мир с каждым днем живет убоже,
Культура с каждым днем гнилей.
К тебе взываю я, о Боже:
Своих избранников жалей!

Всеудушающие газы
Живому уготовил зверь.
Клеймом карающей проказы
Ты порази его теперь!

Пусть уничтожит зверь двуногий
Себе подобного, но тех,
Кто с ним не на одной дороге,
Кто создан для иных утех,

Того, Великий Бог, помилуй,
В нем зверское очеловечь,
И, растворясь в природе милой,
Он станет каждый лист беречь.

1923 г.

ОСЕННИЙ РЕЙС

1

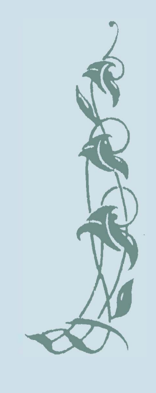
Мечты о дальнем чуждом юге...
Прощай, осенний ряд щетин:
Под музыку уходит «Rügen»
Из бухты ревельской в Штеттин.
Живем мы в опытовом веке,
В переоценочном, и вот —
Взамен кабин, на zwischen-deck'е
Дано нам плыть по глади вод...
Пусть в первом классе спекулянты,
Пусть эмигранты во втором,—
Для нас же места нет: таланты
Пусть в трюме грязном и сыром...
На наше счастье лейтенанты
Под старость любят строить дом,
Меняя шаткую стихию
На неподвижный материк,—
И вот за взятку я проник
В отдельную каюту, Тию
Щебечет, как веселый чиж
И кувыркается, как мышь...
Она довольна и иронит:
«Мы — как банкиры, как дельцы,
Почтеннейшие подлецы...
Скажи, нас здесь никто не тронет?»
Я твердо отвечаю: «Нет»,
И мы, смеясь, идем в буфет.
Садимся к столику и в карту
Мы погружаем аппетит.
В мечтах скользят сквозь дымку Tartu
И Tallinn с Rakvere. Петит
Под аппетитным прейс-курантом
Смущает что-то нас: «В буфет
Вступая, предъявлять билет».
В переговоры с лейтенантом
Вступаю я опять, и нам
В каюту есть дают: скотам
И zwischen-deck'цам к спекулянтам

Вход воспрещен: ведь люди там,
А мы лишь выползки из трюма...
На море смотрим мы угрюмо,
Сосредоточенно жуем,
Вдруг разражаясь иронизой
Над веком, денежным подлизой,
И символически плюем
В лицо разнузданного века,
Оскотившего человека!..

2

Октябрьский полдень. Полный штиль.
При двадцатиузловом ходе
Плывем на белом пароходе.
Направо Готланд. Острый шпиль
Над старой киркой. Крылья мельниц
И Висби, Висби вдалеке!..
По палубе несется кельнер
С бутылкой Rheingold'а в руке.
За пароходом вьются чайки,
Ловя бросаемый им хлеб,
И некоторые всезнайки
Уж знают (хоть узнать им где б?),
Что «гений Игорь-Северянин,
В Штеттин плывущий, на борту».
Все смотрят: где он? Вот крестьянин,
Вот финн с сигарою во рту,
Вот златозубая банкирша,
Что с вёршей смешивает виршу,
Вот клетчатый и бритый бритт.
Где я — никто не говорит,
А только ищет. Я же в куртке
Своей рыбачьей, воротник
Подняв, стремлю чрез борт окурки,
Обдумывая свой дневник.
Луч солнца матово-опалов,
И дым из труб, что льнет к волне,
На фоне солнца, в пелене
Из бронзы. «Rügen» без причалов
Идет на Сванемюнде. В шесть
Утра войдем мы в Одер: есть
Еще нам время для прогулок
По палубам. Как дико гулок

Басящий «Rügen»'а гудок!
Лунеет ночь. За дальним Висби
Темнеет берега клочок:
Уж не Миррэлия ль? Ах, в высь бы
Подняться чайкой — обозреть
Окрестности: так грустно ведь
Без сказочной страны на свете!..
Вот шведы расставляют сети.
Повисли шлюпок паруса.
Я различаю голоса.
Лунеет ночь. И на востоке
Броженье света и теней.
И ночь почти уж на истеке.
Жена устала. Нежно к ней
Я обращаюсь, и в каюту
Уходим мы, спустя минуту.

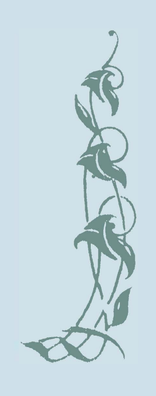
3

Сырой рассвет. Еще темно.
В огнях зеленость, алость, белость.
Идем проливом. Моря целость
Уже нарушена давно.
Гудок. Ход тише. И машины
Застопорены вдруг. Из мглы
Подходит катер. Взор мышиный
Из-под очков во все углы.
То докторский осмотр. Все классы
Попрошены наверх. Матрос,
Сзывавший нас, ушел на нос.
И вот пред доктором все расы
Продефилировали. Он
И капитан со всех сторон
Осматривают пассажиров,
Ища на их пальто чумы,
Проказы или тифа... Мы,
Себе могилы в мыслях вырыв,
Трепещем пред обзором... Но
Найти недуги мудрено
Сквозь платье, и пальто, и брюки...
Врач, заложив за спину руки,
Решает, морща лоб тупой,
Что все здоровы, и толпой
Расходимся все по каютам.

А врач, свиваясь жутким спрутом,
Спускается по трапу вниз,
И вот над катером повис.
Отходит катер. Застучали
Машины. Взвизгнув, якоря
Втянулись в гнезда. И в печали
Встает октябрьская заря.
А вот и Одэр, тихий, бурый,
И топь промозглых берегов...
Итак, в страну былых врагов
Попали мы. Как бриттам буры,
Так немцы нам... Мы два часа
Плывем по гниловатым волнам,
Наш пароход стремится «полным».
Вокруг убогая краса
Германии почти несносна.
И я, поднявши паруса
Миррэльских грез,— пусть переносно! —
Плыву в Эстонию свою,
Где в ёловой прохладе Тойла,
И отвратительное пойло —
Коньяк немецкий — с грустью пью.
Одна из сумрачных махин
На нас ползет, и вдруг нарядно
Проходит мимо «Ариадна».
Два поворота, и — Штеттин.

1923 г.

СТИХИ О НУЖДЕ И ДОСТАТКЕ

Мой юный друг стал к лету ветше
От нескончаемой Нужды,
От расточаемой вражды
Людской вокруг, и я поэтше
Своей сказал: «Что ж! якоря
Поднимем мы, да за моря!»

Нужда осталась позади,
И повстречался нам Достаток.
Мы прожили с ней дней десяток,
И вдруг заекало в груди:
Река моя и дом мой — где?
Пойдем домой, хотя б к Нужде...

Мой дух стал ветше на чужбине
В Достатке больше, чем в Нужде.
Я стосковался по рябине
И по форелевой воде...
Я говорю своей поэтше:
«Не быть в Эстонии мне ветше,
Чем здесь, в Берлине». И зимой
Мы поспешили к ней домой.

Свершилось чудо: снова юнью
Завесенел усталый дух.
И зорче глаз, и чутче слух,
И ждет душа весну-чарунью.
И как стыдлива здесь Нужда,
А там Достаток — без стыда!..

1923 г.

МЫ ВЕРНЕМСЯ...

Мы вернемся к месту нашей встречи,
Где возникли ласковые речи,
Где возникли чистые мечты,
Я, увидев нашей встречи место,
Вспомню дни, когда была невеста
Ты, моя возлюбленная, ты!

Берлин
1922 г.

НА ЗОВ ПРИРОДЫ

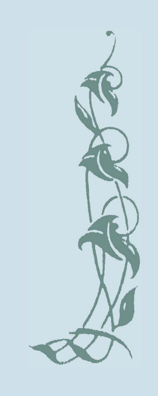
НА ЗОВ ПРИРОДЫ

Ползла, как тяжкая секстина,
На Ревель «Wasa» в декабре
Из дымно-серого Штеттина
На Одере, как на одре...
Как тихоходка-канонерка,
В час восемь делая узлов,
Трусящею рысцой ослов
Плыла эстонка-иноверка.
В сплошной пронзающий туман,
Свивавшийся с ночным покровом,
Свисток вонзался зычным зовом;
Но вот поднялся ураган,
И пароход, «подобно щепке»
(Простите за стереотип!),
Бросался бурей и не гиб
Лишь оттого, что были крепки
Не пароходные болты,
Не корпус, даже не машины,
А наши нервы и мечты...
Остервенелые дружины
Балтийских волн кидались вспять
Разбитые о дряхлый корпус.
То выпрямляясь вся, то сгорбясь,
Старушка двигалась опять.
Спустя три дня, три темных дня,
Мы в Ревель прибыли в Сочельник.
Как в наш приморский можжевельник,
Тянуло к Праздникам меня!

На цикл блистательных побед
Своих берлинских не взирая,
Я помнил давний свой обет:
Когда, в истоме замирая,
О лесе загрустит душа,
Стремиться в лес: не для гроша,
А для души мне жизнь земная...
Я все отброшу, отшвырну —
Всю выгоду, всю пользу, славу,
Когда душа зовет в дубраву
Иль на озера под луну!
Я лирик, а не спекулянт!
Я не делец,— дитя большое!
И оттого-то мой талант
Владеет вашею душою!
Я непрактичностью горжусь,
Своею «глупостью» житейской
Ко всей культуре европейской
Не подхожу и не горжусь.
И пусть я варвар, азиат,—
Я исто-русский сын природы,
И мне закаты и восходы —
Дороже городских услад.
Изысканного дикаря
Во мне душа, и, от культуры
Взяв все изыски, я в ажуры
Лесов, к подножью алтаря
Природы — Золотого бога —
Иду, сияя и горя,
И этот путь — моя дорога!..

1923 г.

НЕ ПО ПУТИ

И понял я, вернувшись к морю,
Из экс-властительной страны,
Что я «культурой» лишь позорю
Свои лазоревые сны.

Что мне не по пути с «Культурой»,
Утонченному дикарю,
Что там всегда я буду хмурый,
Меж тем как здесь всегда горю.

Что механическому богу
Не мне стремиться на поклон...
Свою тернистую дорогу
И свой колеблющийся трон

Не променяю на иные.
Благословенны вы, леса,
Мне близкие, мои родные,
Где муз святые голоса!

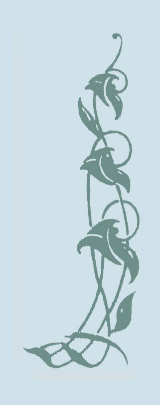
1923 г.

НОВЫЙ ГОД

И снова Новый год пред хатой,
Где я живу, стряхает снег
С усталых ног. Прельщая платой
Хозяев, просит дать ночлег.
Мне истекает тридцать пятый,
Ему идет двадцатый век.
Но он совсем молодцеватый
И моложавый человек —
Былых столетий соглядатай,
Грядущих прорицатель нег,
Цивилизации вожатый,
Сам некультурный печенег.
Его с классической заплатой
На шубе знал еще Олег.
Он входит. Пол трещит дощатый
Под ним: ведь шаг его рассек
Все почвы мира. Вид помятый
Его надежил всех калек
И обездоленных. Под ватой
Шубенки старой — сердца бег,
Бессмертной юностью объятый:
Его приемлет дровосек —
Ваятеля античных статуй,
Виновника зачатья рек...

1922 г.

ФЛАГОВАЯ ГОРА

С отвесной Флаговой горы,—
Где первое свиданье с Тию,—
Когда ты подойдешь к обрыву,
В часы оранжевой поры,
В часы усталые заката,
Увидишь море цвета злата
И кедров синие шары.
Не говори,— не говори
Тогда о прозном, о житейском:
В лученьи стонущей зари,
Как в древнем истинно-еврейском
Творении песен неземных
Царя-поэта Соломона,
Так много отблесков святых
И дуновений анемона,
Волшбы вечеровой игры
И несозда́нного созданья,—
С отвесной Флаговой горы,
Где с Тию первое свиданье!

1923 г.

ОКТЯБРЬСКИЙ ЛОВ

Уже долины побурели,
Уже деревья отпестрели,
Сон в желтом липовом листке,
И вновь веселые форели
Клюют в порожистой реке.
Брожу я с удочкой в руке
Вдоль симфонической стремнины:
Борись со мной, форель, борись!
Как серьговидный барбарис
Средь лиловатой паутины
Нагих ветвей колючих — ал!
Проковылял на мостик заяц,
И пес, кудлатый пустолаец,
С ним встретясь, только зачихал,
Не помышляя о погоне,—
Русак к нахохленной вороне
На всякий случай прибежал
Поближе... Вдалеке в затоне —
Крик утки. Дождь заморосил...
И трехфунтовые лососки,
Хватая выползня, на лёске
Упруго бьются. Что есть сил,
Струнишь лесу, но вот изгибы
Их тел,— и удочка без рыбы...

1924 г.

НА САЛАЗКАХ

А ну-ка, ну-ка на салазках
Махнем вот с той горы крутой,
Из кедров заросли густой,
Что млеют в предвесенних ласках...
Не торопись, дитя, постой,—
Садись удобней и покрепче,
Я сяду сзади и айда!
И лес восторженно зашепчет,
Стряхнув с макушек снежный чепчик,
Когда натянем повода
Салазок и начнем зигзаги
Пути проделывать, в овраге,
Рискуя разможжить мозги...
Ночеет. Холодно. Ни зги.
Теперь домой. Там ждет нас ужин,
Наливка, фрукты, самовар.
Я городов двенадцать дюжин
Отдам за этот скромный дар,
Преподнесенный мне судьбою:
За снежный лес, катанье с гор,
За обезлюденный простор,
За ужин в хижине с тобою
И наш немудрый разговор!

1923 г.

НА ДРОВНЯХ

С крутой горы несутся дровни
На лед морской,— без лошадей,—
И налетают на шиповник,
На снег развеерив детей...
Сплошную массу ягод алых,
Морозом хваченных и вялых,
На фоне моря и песков
Попутно я воспеть готов.
И вновь, под крики и визжанье
Шалящей шалой детворы.
Идет веселое катанье
На лед морской с крутой горы!

1923 г.

ПЕНЬЕ СТИХОВ

О вы, поэзовечера,
Но не на блещущей эстраде,
А на лужайке у костра,—
Не денег, а искусства ради,—
Признательный, забуду ль вас?
Благословен счастливый час,
Когда, свернув и спрятав лески,
Поужинав *своей* ухой,
Мы возвращаемся домой
Через лесок, где спят березки,
Петь соловьизы, как псалмы,
Петь, как умеем только мы:
Благоговейно, вдохновенно,
Переживая каждый слог...
О, жизнь, простая, как цветок,
Да будешь ты благословенна!

1923 г.

ТЮЛИ ЛУЧИСТЫЕ

От вьюги снег в полях муаров,
Сиренево-голубоват.
И рядом грохотных ударов
Морской пустой простор объят.

Сверкает солнце. Вьюга тюли
Лучисто-снеговые ткет.
Снежинки,— золотые пули,—
Летят в раскрытый смехом рот...

Попали мы на праздник вьюги,
Как дети, радые ему.
А к ночи в призраковом цуге
Увидим самое зиму.

(На миг запнулся стиль надежный,
Но... не «саму», а «самоё»,
Согласно этике падежной,
Звучащей что-то «не таё»...)

1923 г.

ОЗЕРО УЛЬЯСТЭ

ОЗЕРО УЛЬЯСТЭ

(Письмо Б. В. Правдину)

От омнибуса и фиакра
Я возвратился в нашу глушь
Свершать в искусстве Via Sacra [1]
Для избранных, немногих душ.

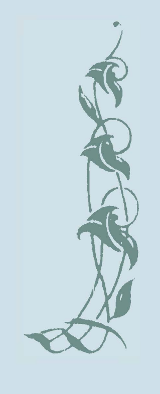
Мир так жесток, мир так оклавден,
Мир — пронероненный злодей,
И разве я не прав, о Правдин,
Чуждаясь издавна людей?
Я, уподобленный монаху,
Вхожу в лесной зеленый храм.
Не оттого ли альманаху
Названье захотелось Вам
Дать «Via Sacra», чтоб отметить
Мою священную судьбу?..
Теперь поговорим о лете.
Я летом взять хочу избу
В трех с четвертью верстах от Сондо,
На диком озере в лесу,
Где можно запросто лису
И лося встретить. Горизонты
Для рыбной ловли широки
На Uljaste: мне старики-
Аборигены говорили,
Что там встречаются угри,
Лещи и окуни по три —
И больше! — фунта. Правда, три ли,

---

[1] Священная дорога (*лат.*).

Увидим сами, но грибов
И янтареющей морошки
Сбирал я полные лукошки
В тени озерных берегов,
Быв прошлым летом только на день.
Итак, весной, взяв нож свой складень,
Удилища, стихи, табак,
До поздней осени мы будем
С женой, на удивленье людям,
Предпочитающим кабак,
Ловить лещей. А как мы удим,
Об этом знает каждый: с трех
Утра до самого заката,
На утлом челноке, у ската,
Нос челнока в прибрежный мох
Уткнув, и, в зеркале озерном
Отражены, без лишних слов,
На протяжении часов,
Забыв о всем культурно-вздорном,
С удилищем в руке застыв,
За колебаньем поплавковым
Следить и трезвым и здоровым
Умом постичь, что вот ты жив
В бесспорном — солнечном — значенье
Понятья этого. Влеченье
К природе и слиянье с ней
Мне лучезарней и ясней,
Чем все иные увлеченья.

1923 г.

ОТ ДЭНДИ К ДИКАРЮ

Покинь развращенные улицы,
Где купля, продажа и сифилис,
И, с Божьею помощью, выселясь
Из мерзости, в дом мой приди.
К пресветлому озеру Ульястэ
С его берегами гористыми
И с западными аметистами,
Смолу ощущая в груди.

Излечит эстийское озеро,
Глубокое озеро Ульястэ,
Тебя от столичной сутулости,
Твой выпрямив сгорбленный стан.
Вздохнешь ты, измученный, грезово,
Ты станешь опять человечнее,
Мечтательней, мягче, сердечнее,
Забыв окаянный шантан.

Привыкший к чиновничьей стулости,
Гуляющий только аршинами,
Считающий крыши вершинами
И женщинами «этих» дам,
К просторному озеру Ульястэ
Приди без цилиндра и смокинга
И в том не усматривай шокинга,
Что жив в человеке Адам...

Озеро Uljaste
1923 г.

УЛЬИ КРАСОТЫ

В Везенбергском уезде, между станцией Сонда.
Между Сондой и Каппель, около полотна,
Там, где в западном ветре — попури из Рэймонда,
Ульи Ульясте — то есть влага, лес и луна.

Ульи Ульясте... Впрочем, что же это такое?
И зачем это «что» здесь? почему бы не «кто»?
Ах, под именем этим озеро успокоенное,
Что луна разодела в золотое манто...

На воде мачт не видно, потому что все мачты
Еще в эре беспарусной: на берегах
Корабельные сосны, и меж соснами скачут
Вакхоцветные векши с жемчугами в губах...

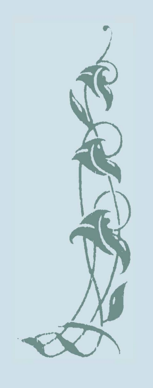
В златоштильные полдни, если ясени тихи
И в лесу набухают ледовые грибы,
Зеркало разбивают бронзовые лещихи,
Окуни надозерят тигровые горбы.

За искусственной рыбкой северный аллигатор,—
Как назвать я желаю крокодильчатых щук,—
Учиняет погоню; вставши к лодке в кильватер,
Я его подгадаю и глазами ищу.

Как стрекозы, трепещут желто-красные травы,
На песке розоватом раззмеились угри,
В опрозраченной глуби стадят рыбок оравы —
От зари до зари. Ах, от зари до зари!

Ненюфары пионят шелко-белые звезды,
Над водою морошка наклоняет янтарь,
Гоноболь отражает фиолетово гроздья.
Храм, и запад закатный — в этом храме алтарь.

Озеро Uljaste
1923 г.

ЖИВЫЕ МОНЕТКИ

Приколов к блузке звончатый ландыш,
Что на грудь аромат свой лиет,
Ты со смехом за вандышем вандыш[1]
Мне бросаешь с плота в галиот...

Я с улыбкой ловлю серебрушки,
Как монетки живые,— снетки
И, любуясь, смотрю на веснушки,
На каштановые завитки...

Ты, из хитрости, взоров не видя,
Продолжаешь метать в галиот,
Уподобленная Немезиде,
Эти рыбки. А ландыш — лиет...

— «Вкусен чай в разрисованной кружке
И зеленые рыбьи битки!» —
Ты кричишь, сыпля мне серебрушки,
Как монетки живые,— снетки...

Попадает за вандышем вандыш
Мне в глаза, в переносье и в рот...
Наконец, невзначай, и свой ландыш
Целишь в сердце мое, бросив плот...

И летишь, исчезая в оплете,
Лукоморьем, срывая цветки,
Ах, твои ноготки в позолоте —
Эти розовые ноготки!
Я догнал бы тебя в галиоте,
Но его погружают... снетки!..

Озеро Uljaste
1923 г.

[1] Северное название снетка.

ЗРЕЮЩАЯ КНИГА

Взыскатель полного безлюдья,
Обрел я озеро в лесу.
В храм смоляного изумрудья
Свою любовь перенесу.

Ты, Ульястэ, в миниатюре
Всю жизнь мне снящийся Байкал:
Не те же ль вспыльчивые бури?
Не тот же ль вид лесистых скал?

На берегах твоих смолистых
И над прозрачной глубиной
Роится столько чувств пречистых
Моей тридцать шестой весной.

Баюкающая ли сизость,
Оторванность ли от людей,
Поющая ли в сердце близость
Подруги найденной моей,

Но только в храме смольных игол
И струйчатого ветерка
Байкальчатого озерка
Я чувствую, как зреет книга.

Озеро Uljaste
1923 г.

В ЗЕЛЕНОМ ХРАМЕ

На берегу прозрачного Ульястэ,
Вдалеке от шума и гама,
Где взор не оскверняют улицы,
Среди леса, как зеленого храма,
Я служу тебе, моя Единая,
Любви и преданности молебен,
И мной, кем спета песнь лебединая,
Не утрачен тон, который хвалебен,
Мне хочется сказать тебе, моя девочка,
Что любовь моя не знает изменений,
Что и на заутрени жизни, и на всенощной
Я люблю тебя, как умеет любить только гений!

1923 г.

ПОЛЯНКА ШУСТРОЙ БЕЛКИ

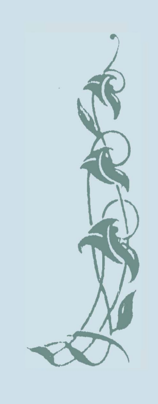
Над озером полянка,
Полянка шустрой белки.
Там фея и вакханка
Затеяли горелки.

Строга, надземна фея,
Вакханка — как чертенок.
И ветерок, арфея
Над озером, так звонок.

Вокруг полянки — сосны,
Под соснами прохлада,
А в ней спесиво-косны,
Как бы из шоколада,

Грибы, что ледовыми
Зовутся знатоками,
И над полянкой — имя
Поэта, точно знамя!..

Озеро Uljaste
1923 г.

СБОР ЗЕМЛЯНИКИ

Мы сбирали с утра землянику,
Землянику сбирали с утра.
Не устану, не брошу, не кину
Находить этот сладкий коралл,

Потому что он живо напомнил,—
Ну скажи, что напомнил он мне?
Отдаюсь упоительным волнам,
И рассудок от них потемнел...

Дай свои земляничные губы:
Я водой из ключа вкус их смыл.
Сколько ягод скопилось в тот угол,—
В тех кустах еще не были мы...

Отденело. И солнце — на убыль.
День коварно *одно* раздвоил...
Пью твои земляничные губы,
Земляничные губы твои!

Озеро Uljaste
1924 г.

РОНДО

РОНДО

1

Я — как во сне. В стране косноязычной
В глухом лесу, в избушке, в тишине
Для всех чужой, далекий, необычный,
Я — как во сне.

И кажется порой невольно мне,
Что умер я, что голос жизни зычный
Не слышен мне в могильной глубине.

Я стыну весь в привычке непривычной —
Всегда молчать в чужой мне стороне,
И, чувствуя, что я для всех отличный,
Я — как во сне.

2

Проходят дни. В глухом уединенье,
Полузабытый, гасну я в тени...
И вот, хрипя, как ржавой цепи звенья,
Проходят дни.

О, дорогая! мы с тобой одни,
И в этом тоже скрыто упоенье,
Но все-таки трибуну мне верни...

Ты слышишь ли в груди моей биенье?
И блеск, и шум — художнику сродни...
Трибуны нет. И в тяжком раздвоенье
Проходят дни.

3

На пять-шесть дней, не больше, зачастую
Меня влечет в толпу людских теней,
И хочется мне в эту людь густую
На пять-шесть дней...

Что может быть убоже и бедней,
Чем эта людь! О, как я в ней тоскую,
И как всегда безлюдье мне родней!

Но иногда, когда я холостую
Привычку вспомню: быть среди людей,
Я вдруг отчаянно запротестую
На пять-шесть дней...

4

Дай руку мне: мне как-то странно-вяло...
Мне призрачно... Я точно весь в луне...
Чтоб грудь моя бодрее задышала,
Дай руку мне.

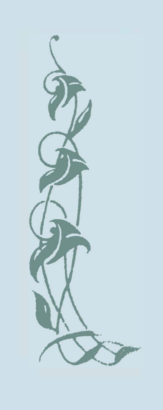
О завтрашнем мне странно думать дне,
О настоящем думаю я мало...
Хоть что-нибудь напомни о весне,

Восстанови мотив ее хорала
И, намекнув, что нам наедине
С тобой одной весны недоставало,
Дай руку мне.

5

Быть может — «да», и также «нет» — быть
может,
Что нам нужны порою города,
Где все нас раздражает и тревожит,—
Быть может — да.

Конечно, это только иногда,
И большей частью город сердце гложет...
Там даже рек вода — как не вода...

Одна природа нас с тобой обожит —
Источник наслажденья и труда.
Не правда ли, что город всех убожит?
Быть может — да...

1924 г.

РОНДО О ПОЦЕЛУЯХ

Ее уста сближаются с моими
В тени от барбарисного куста
И делают все чувства молодыми
Ее уста.

И снова жизнь прекрасна и проста,
И вновь о солнечном томится Крыме
С ума сводящая меня мечта!

Обрадованный, повторяю имя
Благоуханное, как красота,
И поцелуями томлю своими
Ее уста...

1924 г.

РОНДО РОЖДЕСТВЕНСКОГО ДНЯ

1

Они еще живут, кто вырос на мечтаньях,
На старых классиках, прославивших уют
Усадеб родовых,— в своих очарованьях
Они еще живут...

Столетиям вражды не затемнить минут
Счастливой юности в классических свиданьях,
Когда цветет сирень, и соловьи поют...

И пусть народный шквал в оправданных метаньях
Над ними учинил без оправданья суд,
И пусть их больше нет,— в моих воспоминаньях
Они еще живут.

2

Знакомы с детства мне великие созданья
Земных художников в надземном звездном сне
И вы, гуманные, высокие заданья,
Знакомы мне...

И таинство лесов, утопленных в луне,
И просветленных вод осенних трепетанье,
И брат мой соловей, поющий о весне...

Знаком и ты, восторг любовного свиданья,
И, как финал, всегда печаль наедине...
Очаровательные разочарованья
Знакомы мне...

3

(1905 — 1 февраля — 1925)

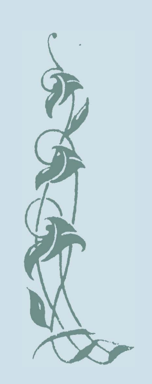
В мой юбилей все девушки и дамы,
Кем я любим (что может быть светлей!),
Подумают: «Наш Игорь, этот самый...»
В мой юбилей!

На людных улицах, среди аллей
Безлиственных, ход повоенной драмы
Забыв на миг, зардеются алей...

И посетят с молитвой Божьи храмы,
И захотят восторг уснувших дней
Вложить в приветственные телеграммы
В мой юбилей!

25 дек. 1924 г.

ТРИОЛЕТЫ

ТРИОЛЕТЫ

1

Как не любить мне слова «истый»,
Когда от «истины» оно,
Когда в нем смысл таится чистый?
Как не любить мне слова «истый»,
Хотя бы всяческие «исты»
Его и портили давно?
О, истинное слово «истый» —
От истины самой оно!

2

Мне снится книга без ошибок —
О корректуры идеал!
За этот сон сказать спасибо,—
Когда поэзы без ошибок,
Мне хочется. Как сон мой гибок,—
Сон в смокинге,— без одеял:
Ведь в нем — и книги без ошибок,
И корректуры идеал...

3

Могло б не быть и альманаха,
Когда бы не было имен...
Тащи пирата иль монаха
Для заполненья альманаха,
Где имя есть одно... Без страха
Издатель ловок и умен,
Даст денежки для альманаха,
Где имя в группе не имен...

4

Издатель злого современья —
Невежда, жулик, хам и жох.
Шлю мысленно ему ремень я...
Издатель злого современья
Искусству предпочел поленья
И крыльям грез — припрыжку блох...
Издатель злого современья —
Невежда, жулик, хам и жох.

5

Казалось бы, во время ваше,
Когда все меньше с каждым днем
Поэтов с Божеским огнем,—
В такое время, время ваше,—
Беречь бы редкостные чаши,
А критик: «В турий рог согнем!..»
И эта гнусь во время ваше,
Когда *нас* меньше с каждым днем...

6

Так называемый «поэтик» —
На шубе гения лишь моль...
Любой из Ванек и из Петек —
Теперь художник и поэтик.
И что ж мы видим? Петьки эти
Коронную играют роль,
И каждый норовит поэтик
Испортить шубу, точно моль.

7

Как смеет жалкая бездарность
О даровитости судить
И брызгать грязью в светозарность?
Как смеет жалкая бездарность
Вносить в собор свою базарность
И лик иконный бороздить?
Как смеет жалкая бездарность
О даровитости судить?

8

Какая-то сплошная хлыстань
Вокруг: везде одни хлысты...
Укрой меня от них, о пристань,—
Объяла, обуяла хлыстань,
Ее назойливая свистань,
Ее газетные листы...
Вселенная — сплошная хлыстань,
Где хлест, хлестанье и хлысты!

9

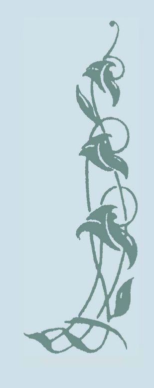
Служить двум божествам не может
Единого Искусства жрец
И оттого свой палец гложет,
Кто двум богам служить не может,
И свой талант нуждой убожит,
Не покидая грез дворец,
Да, прозе услужать не может
Поэзии единой жрец!

10

Искусство или повседневность,—
Да, что-нибудь одно из двух:
Рык прозы или грез напевность,
Искусство или повседневность,—
Дворцовость чувства или хлевность,
Для духа ль плоть, для плоти ль дух...
Искусство или повседневность —
Решительно одно из двух.

11

Художник, будь художник только,
Не умещай в себе дельца,
Не раздробляй себя нисколько.
Художник, будь собою только,—
Пусть ни одна иная ролька
Не исказит тебе ли́ца.
Художник, будь художник только:
Не совмещай с собой дельца...

12

Когда берет художник в долг
У человека развитого,
Тот выполняет лишь свой долг,
Художнику давая в долг,
Оберегая, чтобы толк
Не тронул музника святого,
Берущего в несчастье в долг
У человека развитого.

13

Остерегайся, музарь, брать
Поддержку для себя от хама:
Тебя измучит хамья рать
Упреками, что смел ты брать.
Хам станет так тебя карать,
Что заболеешь ты от срама.
Остерегись, художник, брать
Что-либо для себя от хама.

14

Интеллигентный человек
Гордится музарю подмогой:
Ведь музарь озаряет век.
И всякий чуткий человек,
Живых оберегатель рек,—
Стремится, чтоб *своей* дорогой
Текла река. Тот — *человек*,
Кто горд возможною подмогой.

15

Теперь, когда «телятся луны»
И бык «лунеет» от тоски,
Мне хочется порвать все струны,—
Теперь, когда «телятся луны»,
И трупами смердят лагуны,
И вместо гласов — голоски...
О век, когда «телятся луны»
И бык «лунеет» от тоски!..

1923 г.

ПОСЛАНИЕ БОРИСУ ПРАВДИНУ О ЕГО КОТЕ «БОДЛЭР»

Прекрасно озеро Чудское...

Языков

Ваш кот Бодлэр мне кажется похожим
На чертика, на мышку и крота.
Даст сто очков всем смехотворным рожам
Смешная морда Вашего кота.

Нет любознательней и нет ручнее,
Проказливей и веселей, чем он.
Моя жена (целуется он с нею!)
Уверена, что он в нее влюблен...

О нем мы вспоминаем здесь с тоскою
И лишь о нем поэтова мечта...
О, как прекрасно озеро Чудское,
Создавшее подобного кота.

Двинск, 1927 г.

ШЕЛКОВИСТЫЙ ХЛЫСТИК

ПАРИЖСКИЕ ЖОРЖИКИ

Два Жоржика в Париже
С припрыжкой кенгуру,—
Погуще и пожиже,—
Затеяли игру.

Один, расставя бюсты
Поэтов мировых,
Их мажет дегтем густо,
Оплевывает их.

Другой же тщетно память
Беспамятную трет,
И, говоря меж нами,
Напропалую врет.

Полны мальчишки рвенья,
Достойного похвал,
Из вздора нижут звенья
И издают журнал.

«Звено» мальчишек глупо,
Как *полое* звено,
Но все ж тарелку супа
Приносит им оно.

Зане есть зритель, падкий
До мыльных пузырей.

Ах, знает мальчик гадкий,
У чьих шалит дверей!

Ведь в том-то все и дело,
Таков уж песни тон:
В столице оголтелой
Живет один Антон.

Его воззренья *крайни*
На многие дела,
Мальчишек любит втайне,
Их прыть ему мила.

А так как не без веса
Сей старый господин,
Антону льстит повеса
И друг его — кретин.

За это под защиту
Мальчишек взял Антон,
И цыкает сердито
На несогласных он:

Не тронь его мальчишек,—
И жидких, и пустых,
Отчаянных лгунишек,
По-новому простых.

Их шалости *глубинны*
Их пошлости *тонки*.
Мальчишки неповинны
За все свои грешки...

«Погуще» и «пожиже»
За старца пьют вино.
Вот почему в Париже
И нижется «*Звено*».

1927
Toila

ШЕЛКОВИСТЫЙ ХЛЫСТИК

1

Маленькая беженка
(Род не без скуфьи!..)
Молвила разнеженно:

— Знаете Тэффи́?

Катеньке со станции
Очень потрафи́л
Сей француз из Франции —

Господин Тэффи́.—

...Вот что, семя лузгая,—
В яви, не во сне,—
Дама архи-русская
(Дура петербургская)
Говорила мне.

2

Я от здешней скуки
До того дошла,
Что, взяв книгу в руки,
Всю ее прочла!..
Ничего такого...
Типов никаких...
Как его?.. Лескова!
Про Карамзиных...
(На щеках румянец)
Про каких-то пьяниц...

3

От визитов Икса
Хоть в окошко выкинься —
Просит: «Дайте Дикса»....
(Это значит — Диккенса!)
А «эстет», понятно,

Стал каким-то «эстиком»...
Икса мне приятно,
Стукнув в темя пестиком,
Очень аккуратно
Уложить под крестиком.

4

В первые годы беженства
Тятенька ее был слесарем,
Драматург назывался «пьесарем»...
А теперь своеобразное бешенство:
Поважнела, обзавелась детектором
И — наперекор всем грамматикам —
«Пьесаря» зовет «драматиком»,
А слесаря — архитектором...

5

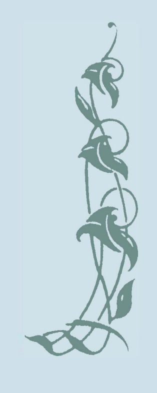
Сижу на подоконнике
И думаю: что такое поклонники?

Поклонников-то изобилье,
А у поэта — безавтомобилье.
Вокруг «восторги телячьи»,
А у поэта — бездачье!

Паломнические шатанья,
А у поэта — бесштанье!

И потому хорошо, читатели,
Что вы не почитатели,
А то было бы вам очень стыдно,
А поэту — за вас обидно...

1929 г.

ТРИ ЭПИГРАММЫ

1. Зинаида Гиппиус

Всю жизнь жеманился дух полый,
Но ткнул мятеж его ногой,—
И тот, кто был всегда двуполой,
Стал бабой, да еще Ягой.

2. Марина Цветаева

Она цветет не Божьим даром,
Не совокупностью красот.
Она цветет почти что даром:
Одной фамилией цветет.

3. Борис Пастернак

Когда б споткнулся пастор на́ ком,
И если бы был пастырь наг,
Он выглядел бы Пастернаком:
Наг и комичен Пастернак.

ЭПИГРАММА
НА ОДНУ ПРОВИНЦИАЛЬНУЮ ПОЭТЕССУ

Есть — по теории
Невероятности —
И в этой инфузории
Признаки опрятности.

Saarküla
1937 г.

СПУТНИКИ СОЛНЦА

ИЗЫСКИ ГОГОЛЯ

Писать мне мысль пришла такая
(Я не сочту ее грехом)
Струей столетнего Токая[1],
Иначе — пушкинским стихом,
По выраженью Николая
Васильевича, кто знаком,
Не знаю, мало ли вам, много ль,
Но кто зовется все же — Гоголь...

Любовь *веснует* у него,
Горит лимон *в саду пустыни*,
И в *червонеющей* долине —
Повсюдных знаков торжество.
И зимней *ночи полусвет*
Дневным сменился *полумраком*...
Все это мог сказать поэт,
Отмеченный парнасским знаком.

А — *звукнет* крыльев серебро?
А — *расквадрачен* мир на мили?
В снег[2] *из слоновой кости* были
Вы вникните, как то остро! —
Растенья выточены. В стиле
Подобном — Гоголя перо.

1925 г.

---

[1] Курсив — выражения Гоголя.

[2] В смысле: «зимой».

ДЖИАКОМО ПУЧЧИНИ

В диссонах Пуччини броско
Любила (финал на откосе!)
Певица Флория Тоска
Художника Каварадосси.

В диссонах Пуччини дэнди —
Как Скарпиа — равен шельме.
...Не Ливия ли Берленди?
Не Руффо ли? не Ансельми?

В диссонах Пуччини столько
Насыщенности богемы:
Ты помнишь Мими и Рудольфа —
Героев его поэмы?

А сколько в его пучине,—
В пучине Манон *немасснэйной,*
В пучине диссон Пуччини,—
Грации *бётерфлейной*!..

Впивая душой Пуччини,
Над безднами вы висели.
О, дикая весть о кончине —
Нескончаемого — в Брюсселе!..

1924 г.

ТРИ ПЕРИОДА

Рифм благородных пансион
Проституировало время.
Жизнь горемычно отгаремя,
В непробудимый впали сон
Все эти грезы, грозы, розы...

Пусть декламические позы
Прияв, на кафедрах чтецы
Трясут истлевшие чепцы
Замаринованных красавиц —
Всех грез, берез, и гроз, и роз,
Пусть болванический мерзавец
В глазах толпы потоки слез
«Жестоким» пафосом пробудит
И пусть мерзавца не осудит
Любитель тошнотворных грез,—
Пусть! время есть,— пусть!

День настанет,
Когда толпа, придя в театр,
Считать ихтиозавром станет
Чтеца, пришедшего в азарт
От этих роз противно-сладких,
И, вызывая без конца
Кривляющегося в припадках
Мамонтовидного чтеца,
Его приемлет, точно чудо...
И в этот день, и в день такой
Ей подадут ушат помой
Футуристического блуда...

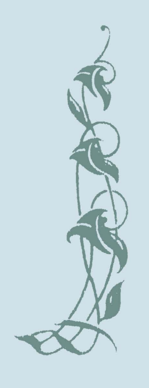
А мы, кого во всей стране
Два-три, не больше — вечных, истых,
Уснем в «божественной весне»
И в богохульных футуристах...

Но это не последний день —
Я знаю, будут дни иные:
Мои стихи — мою сирень —
Еще вдохнет моя Россия!

И если я не доживу
До этих дней, моя держава,
Мне на чугунную главу
Венок возложит величаво!

1924 г.

ПОЭТАМ ПОЛЬСКИМ

Восторженное настроенье
Поэтов польских молодых
(Они мои стихотворенья
Читают мне на все лады)
Напоминает, что сиренью
Снега заменятся и льды!..

Ты на отлете, четкий Ту́вим,
Тебе чеканный путь на Рим.
Пари, о царственный, пари
На родственный тебе Везувий!

И ты, в бразильские лианы
Врубавшийся Слонимский, тут!
Ты созерцал змеиный жгут,
Чти звенья как сицилианы.

И ты, кто ласковей снежинки,
Чей взгляд радушней звука «а»,
Как солнце светишься, Вежинский,
Пронзающее облака!

Три с половиною зимы
Прошло со дня последней встречи.
Разлукой прерванные речи
Легко возобновляем мы.
И Тувим прав, сказав, что легче
Всего вести поэтам речь:
В сердцах так много птичек певчих —
Стихов о росах на заре.
Я руку жму его покрепче,
Изнеженную на пере...

Варшава
31 янв. 1928 г.

БРИНДИЗИ ЛЕО БЕЛЬМОНТУ

(Обед в варшавском «Эрмитаже»
6 окт. 1924 г.)

В честь Вас провозглашенье тоста,
Поверьте, для меня восторг:
Вы — новый Уриэль Акоста!
Вы — «ахер», кто шаблон отторг!
Воспитаннику Мнемозины,
Ее, подругу Аонид,
Дочь Эхо, нимфы из долины
Пенея, ту, кто озарит
Лучом своих созвучий небо,
Вы рифму, дочь от бога Феба,
Спасали двадцать лет назад,
Как даровитый адвокат,
От клеветы и от наветов
Непоэтических поэтов [1],—
И я отметить это рад...

В ту невеселую эпоху
Вы дали руку «скомороху»
На обывательском арго —
Поэту русскому большому [2],
Взглянуть Вы смели «по-иному»
На все новаторство его...
И оттого,— и оттого,
Что Вы, прекрасный чужеземец,
Россию лучше россиян
Познали, Вы клеймились всеми,
Непризнанностью осиян...
Свершали твердо путь свой скользкий
Вы вне пространства, вне времен:
«Онегин» целиком на польский
Не Вами ли переведен?
Пред Вами, витязем в увечьях,
Склонялись правды короли:
Ведь двадцать жизней человечьих

[1] С. Андреевский.

[2] К. Бальмонт.

От виселицы Вы спасли! [1]
И ныне, путь свой завершая,
Не по заслугам Вы в тени:
Не слишком ли душа большая
В такие маленькие дни?..
Свой тост за Вас провозглашая,
Я говорю: Вы не одни!
Не знаю кто еще, но с Вами
Я вечно впредь наверняка.
И пусть забыты Вы пока,—
Вас благодатными словами
Почтут грядущие века!

1924 г.

---

[1] Лео Бельмонт — известный в Польше адвокат, поэт, критик и обществ<енный> деятель.

НА СМЕРТЬ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Как жалки ваши шиканья и свист
Над мертвецом, бессмертием согретым:
Ведь этот «богохульный коммунист»
Был в творчестве божественным поэтом!..

Поэт играет мыслью, как дитя,—
Ну как в солдатики играют дети...
Он зачастую шутит, не шутя,
И это так легко понять в поэте...

Он умер оттого, что он, поэт,
Увидел Музу в проститутском гриме.
Он умер оттого, что жизни нет,
А лишь марионетковое джимми...

Нас, избранных, все меньше с каждым днем:
Умолкнул Блок, не слышно Гумилева.
Когда ты с ним останешься вдвоем,
Прости его, самоубийца Львова...

Душа скорбит. Поникла голова.
Смотрю в окно: лес желт, поля нагие.
Как выглядит без Брюсова Москва?
Не так же ли, как без Москвы — Россия?..

Yarwe
16 окт. 1924 г.

СЕРГЕЮ ПРОКОФЬЕВУ

Перевести Эредиа сонеты —
Заданье конкурса. Недели три
Соревновались в Мюнхене поэты.
Бальмонт и я приглашены в жюри.

Всего же нас, я помню, было трое
И двое вас, воистину живых,
Кто этот конкурс, выдумав, устроил,
Кто воевал, и Вы — один из них.

Кому из вас внимала Карменсита?
(У всех своя, и всякий к ней влеком!)
Но победил поэта композитор,
Причем, оружьем первого — стихом.

Я, перечитывая Ваши письма
С десятеричным повсеместно «і»,
Куда искусствик столь искусно втиснул
Мне похвалы, те вспоминаю дни.

И говорю, отчасти на Голгофе,
Отчасти находясь почти в раю:
— Я был бы очень рад, Сергей Прокофьев,
В Эстийском с Вами встретиться краю.

1927 г.

В БЛОКНОТ ПРИНЦУ ЛИЛИИ

О вы, Принц Лилии, столь белой,
Как белы облака в раю,
Вы, в северном моем краю
Очаровавший изабеллой
Тоску по южному мою,—
Для Вас, от скорби оробелый,
Я так раздумчиво пою.

Я вижу нынешнее лето
В деревне той, где мать моя
Дождалась вечного жилья,
Где снежной пеленой одета
Ее могила, где земля,
Мне чуждая, родною стала,
Где мне всегда недоставало
Спокойствия из-за куска,
Где униженье и тоска...

Но были миги,— правда, миги,—
Когда и там я был собой:
Средь пасмурности голубой
Я вечные твердить мог книги,
Борясь с неласковой судьбой.
Моя звезда меня хранила:
Удачи тмили всю нужду.
Я мог сказать надежно: «Жду»
Не как какой-нибудь Данила,
А как избранник Божества.
За благодатные слова
Мне были прощены все злые.
Да, в ближнего вонзить иглы я
Не мог, и, если чрез семь лет
Расстался с женщиной, с которой
Я счастье кратко знал, нескорый
Финал порукой, что поэт
Тогда решается расстаться,
Когда нельзя уж вместе быть.
Ее не может позабыть
Душа трагичного паяца:
Мне той потери не избыть.
Я так любил свою деревню,

Где прожил пять форельных лет
И где мне жизни больше нет.
Я ныне покидаю землю,
Где мать погребена моя,
И ты, любимая Мария,
Утеряна мной навсегда.
Мне стоит страшного труда
Забыть просторы волевые,—
Вас, милой Эстии края!
Забрызгано людскою грязью
Священное,— темны пути.
Я говорю теперь «прости»
Прекраснейшему безобразью...

Järve, 23.XI. 1921 г.

ЗИНАИДЕ ЮРЬЕВСКОЙ

Она поступила, как Тоска!
Что броситься в пропасть ее побудило? Тоска,
О чем говорят серебристые пряди виска
У женщин нестарых, о чем подтверждает прическа,
Тоскующая уязвляющею сединой,
Такой неуместной и горестно-красноречивой...
Была ли несчастной — не знаю. Но только
счастливой
Исканьем забвенья бросалась с горы ледяной.

1925

СТРАНЫ ПО ЖЮЛЬ-ВЕРНУ

АМЕРИКА

(по Жюль-Верну)

Ты, мечта тропическая, рада
Устремить туда крылато танцы,
Где в рубинной Рио-Колорадо
Плещутся порой арауканцы...

Где воды рубиннее задоры —
Что пред ними Колорадо-Рио? —
Пламенят в груди растреадоры,
И дрожит в испуге тольдерия...

Где мустанг, летя в травезиасы,
Зарывает ноги в меданосы
И детей узорной красной расы
Сбрасывает в шутку в эстеросы...

Где под всклики буйного помперо
Злой докас забрасывает лассо,
Уре-Ланквем в скорби горько-серо,
И шуршат волнистые пампасы.

Где плывут, как дымы, жертвы небу
Стонно-раскаленной Аргентины,
Алые туманы Кобу-Лебу,
Застилая пряные картины...

Мчитесь, феерические грезы,
На далекий запад патагонца,

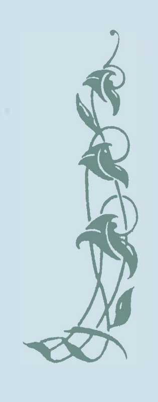

В звонкие окрестности Мендозы,
В пламени литаврового солнца!

Мчитесь в край, где гулко-ломки Анды,
Но на это несмотря, однако,
Все ж охотятся отважно гранды
На верблюдов, истых гуанако...

Мчитесь в край, где шелковы вагоны
И жестоко-жестки флибустьеры.
Мчитесь, грезы, не боясь погони:
Вас от прозы скроют Кордильеры.

1924 г.

АВСТРАЛИЯ

(по Жюль-Верну)

За рекой высыхает река
Австралийского материка,
Что края из пучины воздвиг,
А затем серединой возник...
Там деревья меняют кору,
А не листья, а листья ребру
Своему, скрыв поверхность к стволу,
Приказали, остря, как пилу,
Резать яростный солнечный луч...
Там дожди, упадая из туч,
Камень вдруг превращают в песок...
Стебель трав там нежданно высок,
И деревья есть ниже травы...
Представляете ли себе вы,
Что баран со свиной головой,
Что лисицы летят над листвой,
На неравных ногах кенгуру
Скачут, крысы вьют гнезда?.. Я тру,
Протираю глаза, точно сон,
Отгоняю, мечтой ослеплен.
Вижу дальше я в грезах своих
Птиц цветистых и звонких, как стих,
Принимающих в гнездах других,—
Прикрыливших к ним в гости друзей,—
Птиц свистящих — подобье бичей,
Птиц волшебных цветов и красы,
Тихо тикающих, как часы,
Птиц, чья песнь точно бой часовой,
Птиц, точащих напев грустный свой...
На восходе смеются одни,
А другие в закатной тени
Плачут жалобно песней своей...
Вижу в черных тонах лебедей...
Ты законы природы смела,
Океания! как ты смела!
Изо всех из других только ты —
Непоследовательней мечты...
Прав ученый-ботаник Гримар:
Океания — чара из чар!

На законы природы, на свет
Гениальней пародии нет!
Демонический вызов мирам!
Там пассат дует вдоль берегов,
Оттого там сырых нет ветров,
И азота нет в воздухе там:
Кислородом насыщен он весь...
И болезней, которыми здесь
Мы страдаем, в Австралии нет.
Климат мягкий спасает от бед,
Жесткость нравов смягчая... И вот
Я пою австралийский народ,
Кто не знает, что значит война...
— О, престранная в мире страна!..

1924 г.

ДОРОЖНЫЕ ИМПРОВИЗАЦИИ

ДОРОЖНЫЕ ИМПРОВИЗАЦИИ

1

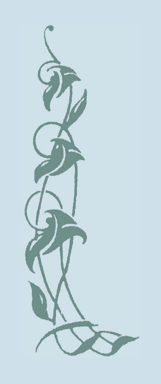
Над Балтикой зеленоводной
Завила пена серпантин:
О, это «Rügen» быстроходный
Опять влечет меня в Штеттин!

Я в море вслушиваюсь чутко,
Безвестности грядущей рад...
А рядом, точно незабудка
Лазоревый ласкает взгляд.

Знакомец старый — Висби — вправо.
Два года были или нет?
И вот капризно шлет мне Слава
Фатаморгановый привет.

Неизмеримый взор подругин
В глаза впивается тепло,
И басом уверяет «Rügen»,
Что впереди у нас светло!

Пароход «Rügen»
14 авг. 1924 г.

2

Подобна улица долине.
В корзине каждой, как в гнезде,
Повсюду персики в Берлине,
В Берлине персики везде!

Витрины все и перекрестки
В вишнево-палевых тонах.
Берлин и персик! вы ль не тезки,
Ты, нувориш, и ты, монах?..

Асфальтом зелень опечалив,
Берлин сигарами пропах...
А бархат персиковый палев,
И персики у всех в устах!

И чувства более высоки,
И даже дым, сигарный дым,
Тех фруктов впитывая соки,
Проникся чем-то молодым!

Я мог бы сделать много версий,
Но ограничусь лишь одной:
Благоухает волей персик
Над всей неволей площадной!

Берлин
23 авг. 1924 г.

3

Еще каких-нибудь пять станций,
И, спрятав паспорт, как девиз,
Въезжаем в вольный город Данциг,
Где нет ни армии, ни виз!

Оттуда, меньше получаса,
Где палевеет зыбкий пляж,
Курорта тонкая гримаса —
Костюмированный голяш...

Сквозь пыльных листьев блеклый шепот
Вульгарничает казино —
То не твое ли сердце, Цоппот,
Копьем наживы пронзено?

И топчет милые аллейки
Твои международный пшют.
Звучат дождинки, как жалейки,
И мокрый франт смешон, как шут...

Цоппот
5 сент. 1924 г.

4

Пойдем на улицу Шопена,—
О ней я грезил по годам...
Заметь: повеяла вервэна
От мимо проходящих дам...

Мы в романтическом романе?
Растет иль кажется нам куст?..
И наяву ль проходит пани
С презрительным рисунком уст?..

Благоговейною походкой
С тобой идем, как не идем...
Мелодий дымка стала четкой,
И сквозь нее мы видим дом,

Где вспыхнут буквы золотые
На белом мраморе: «Здесь жил,
Кто ноты золотом литые
В сейф славы Польши положил».

Обман мечты! здесь нет Шопена,
Как нет его квартиры стен,
В которых,— там, у гобелена,—
Почудился бы нам Шопен!..

Варшава
1924 г.

5

Уже Сентябрь над Новым Светом
Позолотил свой синий газ,
И фешенебельным каретам
Отрадно мчаться всем зараз...

Дань отдаем соблазнам стольким,
Что вскоре раздадим всю дань...
Глаза скользят по встречным полькам,
И всюду — шик, куда ни глянь!

Они проходят в черных тальмах
И гофрированных боа.
Их стройность говорит о пальмах
Там где-нибудь на Самоа...

Они — как персики с крюшоном:
Ледок, и аромат, и сласть.
И в языке их притушенном
Такая сдержанная страсть...

Изысканный шедевр Guerlain'a —
Вервэна — в воздухе плывет
И, как поэзия Верлэна,
В сердцах растапливает лед.

Идем назад по Маршалковской,
Что солнышком накалена,
Заходим на часок к Липковской:
Она два дня уже больна.

Мы — в расфуфыренном отэле,
Где в коридорах полумгла.
Снегурочка лежит в постели
И лишь полнеет от тепла...

Лик героини Офенбаха
Нам улыбается в мехах,
И я на пуф сажусь с размаха,
Стоящий у нее в ногах.

И увлечен рассказом близким
О пальмах, море и сельце,
Любуюсь зноем австралийским
В игрушечном ее лице...

Варшава
1924 г.

ПОСЛАНИЯ

СОЛНЕЧНОЙ ЖЕНЩИНЕ

А. Д. Б.

У Гетеборгского канала
Есть местность «Солнечный залив»,
Где зорь полярных перелив.
Там женщина, что счастье знала,—
Невероятное, как миф,—
Утерянное вдруг,— бывала,
В слезах печаль свою излив.

Там, под опекой мудрых шведов,
Растет ее ребенок — сын.
Он в жизни у нее один
Восторг. Она, удар изведав,
От преждевременных седин,
От горя и от мрачных бредов
В нем зрит забвенья альмандин...

Быв мужу солнечной женою,
Будь сыну солнечная мать!
Как жизнь ни стала бы ломать
Тебя, пребудь сама собою:
Величественной и простою.

Мечты с Надземным перевив,
Не бойся бедствия сигнала
У Гетеборгского канала —
В местечке «Солнечный залив»!..

1923 г.

«ПАГАНЕЛЮ»

А. Н. Ч.

Не знаю — в этой жизни, в той ли,
Но мне сдается, были в Тойле
Когда-то Вы, мой рыболов.
Сдается это оттого мне,
Что нет для ловли мест укромней
И нет для песен лучших слов.

Мы вскоре ждем весну-вакханку.
Вы, захватив свою датчанку-
Невесту, приезжайте к нам,
Свое исполнив обещанье
Послушать наших рек журчанье,
Побегать с нами по лесам.

Я вспоминаю, как в Берлине
Вы тосковали о долине,
О людях, о всплесках рек,
О говоре священном леса —
Я вспоминаю. Ах, профессор,
Не из людей Вы человек!..

Недаром старого Георга
Вы друг, исполненный восторга,
И Скандинавии певец.
Отдайте ж Брандесу приветы —
Весь жар от русского поэта —
Ловца форелей и сердец!

1923 г.

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Мой друг, Владимир Маяковский,
В былые годы озорник,
Дразнить толпу любил чертовски,
Показывая ей язык.

Ходил в широкой желтой кофте,
То надевал вишневый фрак.
Казалось, звал: «Окатострофьте,
Мещане, свой промозглый мрак!»

В громоздкообразные строки,—
То в полсажени, то в вершок,—
Он щедро вкладывал упреки
Тому, кто звал стихи «стишок»...

Его раскатный, трибунальный,
Толпу клонящий долу бас
Гремел по всей отчизне сальной,
Где поп, жандарм и свинопас.

В те годы черного режима
Мы подняли в искусстве смерч.
Володя! Помнишь горы Крыма
И скукой скорченную Керчь?

О вспомни, вспомни, колобродя
Воспоминаний дальних мгу,
В Гурзуф и Ялту, мой Володя,
Поездку в снежную пургу.

В авто от берегов Салгира
С закусками и коньяком
И этот кошелек банкира,
Вдруг ставший нашим кошельком!

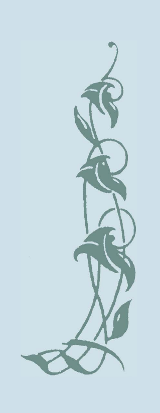
Ты помнишь *нашу* Валентину,
Что чуть не стала лишь *моей*?!
Благодаря тебе, я вынул
Из сердца «девушку из фей»...

И, наконец, ты помнишь Сонку,
Почти мою, *совсем* твою,
Такую шалую девчонку,
Такую нежную змею?..

О, если ты, Владимир, помнишь
Все эти беглые штрихи,
Ты мне побольше, поогромней
Швырни ответные стихи!

24 янв. 1923 г.

КУЗИНЕ ШУРЕ

А. М. К.

Вы пишете, моя кузина,
Что Вам попался на глаза
Роман «Падучая стремнина»,
Где юности моей гроза,
Что вы взволнованы романом,
Что многие из героинь
Знакомы лично Вам, что странным
Волненьем сверженных святынь
Объяты Вы, что я, Вам чуждый
До сей поры, стал меньше чужд,
Что Вы свои былые нужды
Среди моих — Вам чуждых — нужд
В моем романе отыскали,
И что моих запросов ряд
Подобен Вашим, что едва ли
Я буду сходству, впрочем, рад...
Подход к любви, подход к природе,
Где глаз не столько, сколько слух,
И все другое в этом роде
Вы говорите в письмах двух...
Спасибо, дорогая Шура:
Я рад глубокому письму.
Изысканна его структура
И я ль изысков не пойму?
Все, все, что тонко и глубоко,
Моею впитано душой,—
Я вижу жизнь неоднобоко.
Вы правы: я Вам не чужой!

1923 г.

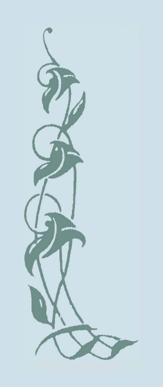

ИЗ «ПИСЕМ К ПЕРВОЙ»

Мы пять минут назад пришли из парка.
О, если б знала ты, как он красив!
Предвешний снег, вчера белевший марко,
Сегодня снова чист. Остановив
Начавшееся таянье, ночная
Метель опять вернула нам зиму.
Я не горюю вовсе потому,
Что это лишь на день, моя родная:
Ведь завтра снова солнце загремит
В свои победоносные литавры,
И голову весна украсит в лавры
Северновешней девушке Лилит...
Весь парк в горах. Он кедрово-сосново-
Еловый. Много тут и пихт густых.
Он каждый день выглядывает ново
На склонах гор отвесных и крутых.
Посередине парка вьется тонко
Извилистая журчная речонка,
Где в изобилье черная форель,
Которую вылавливаем ловко,—
Лишь поднесет к устам своим свирель
Пленительный на севере апрель —
Я и моя подруга-рыболовка,
К реке ведет громадной буквой «Эс»
Отлогая дубовая аллея,
Куда мы любим летом под навес
Дубов войти, а там, за ней, белея
На противоположной стороне
Реки, на скалах, в синей тишине
Седых, голубоватых, в виде рамок
Растущих, кедров — спит изящный замок,
Где сорок пять покоев. Но штандарт
Над башнею давно уже разорван.
Лишь изредка на шпиль присядет ворон —
Достойный лихолетья злого бард...
А под горой, под тридцатисаженной
Слоистой и цветистой крутизной,
Своею сизо-голубой волной
Плеща о берег, солнцем обожженный
В златоиюльский изумрудный зной
Утóнченное призрачное море

Балтийское — во всем своем просторе.
Есть в парке грот, у замка, над рекой,
Где ручеек прозрачный, еле слышно
Журча, течет. А перед входом пышно
Цветет шиповник розовой стеной.
В саду фруктовом груши и черешни,
В оранжерее крупный виноград
И персики. И я, как инок, рад
Бродить средь них в день светозарно-вешний.
Под осень ал колючий барбарис,
Из узких ягод чьих готовим литры
Ликера, упоительные цитры,
И наши знатоки — один, Борис,
Нарциссов принц, и Александр, принц лилий,
Ему приписывают свойство крылий,
С чем даже я, из знатоков знаток,
Не стану спорить, пробуя глоток...
Итак, для твоего, голубка, взора
Я набросал окрестность замка Орро.
От нашей хижины в полуверсте,
Он виден из окна моей рабочей
Залитой светом комнаты, где очи
Фелиссы мне твердят о красоте!

1922

ЛУЧЕЗАРОЧКА

1

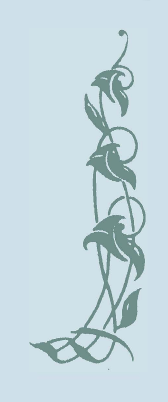
Сирень расцветала белая,
Фиолевая сирень.
И я, ничего не делая,
Пел песни весь Божий день.
Тогда только пол-двадцатого
Исполнилось мне едва,—
И странно ли, что листва
Казалась душе объятою
Дыханием Божества?

2

На дачи стремились дачники,—
Поскрипывали возы.
И дети, закрыв задачники,
Хранившие след слезы,
Ловили сачками бабочек
И в очере козерог,
И вечером у дорог
Подпрыгивала бодро жаба,
Чеканящая свой скок.

3

Мы жили у водной мельницы
И старенького дворца.
Салопницы и постельницы
Там сплетничали у крыльца.
Противные вы, сплетницы,—
Единственное пятно
На том, что забыть грешно.
Пусть вам, забияки-сплетницы,
Забвение суждено.

4

Была небольшая яхточка
Построена мужичком,
Не яхточка, а барахточка,
Любившая плыть вверх дном...
Была она лишь двухместная,
И, если в ней плыть вдвоем,
Остойчива под веслом;
Но третьего,— неуместного,—
Выкидывала ничком...

5

Моя дорогая Женичка
Приехала вечерком
И, наскоро три вареничка
Покушав, полубегом
Отправилась прямо на́ речку,
И я поспешил за ней,
В бесшумье ночных теней
Любимую Лучезарочку
Катая, прижать тесней.

6 *

. . . .

7

Всю ночь мы катались весело,
Друг к другу сердца крыля.
Подруга моя повесила
Шаль мокрую у руля.
Ты помнишь? ты не забыла ли
Того, что забыть нельзя,
И что пронеслось, скользя?
Да, полно, все это было ли?
Расплылась воды стезя.

---

* В автографе строфа густо зачеркнута.

8

Любимая! самая первая!
Дыханье сосновых смол!..
Была не всегда жизнь стервою —
Твердит мне твое письмо,
Летящее в дни июльские,
Пятнадцать веков спустя
(Не лет, а веков, дитя!)
Чтоб дни свои эсто-мулльские
Я прожил, о сне грустя...

9

Пустяк, ничего не значащий,
Значенья полн иногда,—
И вот я, бесслезно плачущий,
Былые воздвиг года.
Лета вы мои весенние,—
На яхточке пикники,
Шуршащие тростники,—
Примите благоговение
Дрожащей моей руки.

10

Рука, слегка оробелая...
Былого святая сень...
Сирень расцветала белая,
Фиолевая сирень!
Как трогательны три вареничка,
И яхточка, и вуаль,
И мокрая эта шаль,
И ты, дорогая Женичка,
Чье сердце — моя скрижаль!

1922 г.

АПОФЕОЗ

Моя литавровая книга —
Я вижу — близится к концу.
Я отразил культуры иго,
Природу подведя к венцу.

Сверкают солнечные строфы,
Гремят их звонкие лучи.
Все ближе крест моей Голгофы
И все теснее палачи...

Но прежде, чем я перестану
На этом свете быть собой,
Я славить солнце не устану
И неба купол голубой!

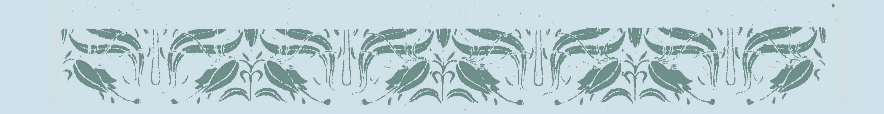
Я жажду, чтоб свершали туры
Созвездья бурно над землей.
Я жажду гибели культуры
Ненужной, ложной и гнилой!

Я жажду вечного зелёнца,
Струящего свой аромат.
Они звенят, литавры солнца!
Они звенят! Они звенят!

И в этом звоне, в этом громе,
И в этой музыке лучей
Я чувствую, как в каждом доме
Живой сверкает горячей!

1923 г.

ПЕРЕВОДЫ

АДАМ МИЦКЕВИЧ

(Перевод с польского)

НАД ВОДНЫМ ПРОСТОРОМ

Над гладью чистой, просторной
Выравнялися утесы.
Прозрачной глубью озерной
Вода их отобразила.

Над гладью чистой, просторной
Черные тучи шли косо.
Прозрачной глубью озерной
Вода и их отразила.

Над гладью чистой, просторной
Высверкало, гром прогрянул.
В прозрачной глуби озерной
Водой отраженный, канул.

Вода, как прежде, просторна,
Прозрачна, чиста: озерна.

Вокруг эту воду вижу,
В творчестве отображаю.
Зрю скалы, что к солнцу ближе,
И молнии отгоняю.

Век скалам стынуть могучим,
Век ливням мчаться по тучам,
Век молниям пламя губить,
Мне — плыть все, все плыть и все плыть!

Лозанна, 1838
Paide, 1941 г.

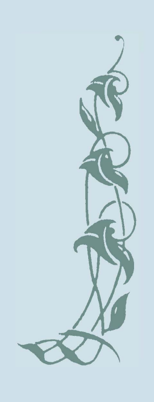
К ОДИНОЧЕСТВУ

О, одиночество! Влечешь ты, как вода
　　От вспышек жизни повседневных,
И с наслаждением я падаю всегда
　　В прохладу хрусталей безгневных.

И,— мысль над мыслями,— качаюсь я в волнах,
　　Играя с этими волнами,
Пока усталый свой, свой охлажденный прах
　　Укладываю в глубь меж снами...

Моя стихия ты. Зачем же стекла вод
Мне сердце холодят и чувства давит глыба,
И, в солнца поисках, зачем я вновь полет
Обязан совершать, летающая рыба?

Без воздуха вверху и без тепла внизу
Равно изгнанник я — в безбурность и в грозу!

ПАНЫЧ И ДЕВУШКА

1

Ягоды в зеленом
Лесе дева рвет.
На коне червленом
Паныч предстает.

С ласковым поклоном
Соскочил с коня.
Вспыхнула пионом,
Очи вниз склоня.

— Милая,— меж нами,—
Дичь стрелять пора.
Нынче я с друзьями
Выехал с утра.

Но забыл, ей-богу,
Где же городок?
Укажи дорогу,
Дева-пастушок.

Выведет из бора
Пана скоро ль путь? —
— Пан доедет скоро,
Затемно чуть-чуть...

Деревцо на поле,
Возле ряд берез.
Дальше, влево боле,
Избы и откос.

Через заросль, выше,
Вправо, где поток,
Мостик, мельни крыша,—
Прямо в городок...

Паныч нежно стиснул
Ручку ей, пожал,
(На коня присвистнул!)
В губы целовал.

Сел. Пришпорил. Гнула
Скачка стан ему.
Девушка вздохнула,—
Знаю ль, почему?..

2

Ягоды в зеленом
Лесе дева рвет.
На коне червленом
Паныч предстает.

Он кричит издали:
— Путь кажи иной:
Совладать едва ли
Я смогу с рекой.

Брода никакого,
Ни моста,— как быть?
Разве молодого
Хочешь утопить?

— Вправо на отлогом
Берегу курган...
— Оставайся с Богом...
— Слушаюся, пан...

Тропка завернула
В лес. Где быть ему?
Девушка вздохнула.
Знаю — почему.

3

Ягоды в зеленом
Лесе дева рвет.
На коне червленом
Паныч предстает.

И кричит он снова:
— Слушай, въехал в ров.
Нет пути иного
Из твоих краев?

Дебри непролазны,
Видно, с давних пор.
Разве парень праздный
В сук врубнет топор.

День охочусь целый,
Тяжко на скаку.
Отдохнуть бы дело
Мне, да и коньку.

Жажду утолю я
Здесь из родника
И пастись пущу я
Своего конька.

С ласковым поклоном
Соскочил с коня.
Вспыхнула пионом,
Очи ниц клоня.

Он молчит, и скромно
Дева смущена.
Громко — он, и томно
Говорит она.

Жаль, что ветер дышит
От стволов лесных:
Так и не дослышать
Мне беседы их.

Лица ж их, ей-богу,
Выражали то,
Что уж про дорогу
Не сказал никто.

Paide, 1941 г.

ДАНКА МИЛИЧЕВИЧ

(Перевод с сербского)

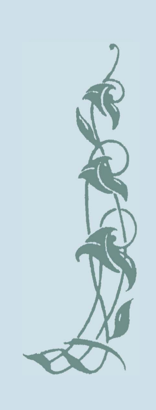
ДНИ ЛЮБИМЫЕ

Дни, мне дорогие, угасают сонно
В ноябре дождливом, в осени туманной.
Небо, как мертвец. И чувства похоронны.
Голос человека — чуждый, бездыханный.

Все мне мнится грустным, горьким и несчастным:
Твердь, земля и Бог, когда Он существует.
Боль всего коснулась. Все молчит бесстрастно.
И над тишиною темнота колдует.

Тьма сопровождает сирых безутешно
И, тая злой умысел, она толкает,
В ночь и смерть толкает всех она поспешно,
В ночь и смерть, кто нас всегда подстерегает.

Белград
1930 г.

ГУСТАВ КЫРКЛЕУ

(Перевод с сербского)

НОВЫЙ ВОЛК

Сердца мертвеют в ошибках взора.
    Светила проникают всюду.
Дитя стареет так скоро-скоро.
    Усну — и все забуду.

Зловеще птица на крыше стонет.
    Судьба грозит огнем ружейным.
Жизнь, как в окопе, людей хоронит.
    Нет — наши груди — не мишени.

Но где же выход? Из тьмы могилы
    Борись с действительностью злою.
Проснись и, вскрикнув, собрав все силы,
    Бей стену головою!

Белград

ИОВАН ДУЧИЧ

(Перевод с сербского)

СИМВОЛ

Я смотрю в глаза, влюбленные, большие,
Где огонь — святой ли, грешный ли — мне светит.
Любишь ли меня ты, дороги ль другие,—
Ты невинно любишь, как цветок в расцвете.

Ах, любовь моя была б тебе темница,
Женщина, ты вечно — в жизни ль, умирая.
В безграничном женском — цели и граница.
Твой инстинкт оправдан, ты всегда святая.

Ты — момент, в который небо румянеет,
Символ больше муки человечьей, вечной.
К божеству ты ближе, чем ко мне: сильнее
Ведь закон всемирный, чем закон сердечный.

Замок Hrastovac
5 сент. 1933 г.

ХРИСТО БОТЕВ

(Перевод с болгарского)

В КОРЧМЕ

Тяжко! Пусть вино сумбурней
Опьянит: все грани стерли
Между двух понятий дурни,—
Слава... слава... не позор ли?

Позабыть бы край родимый,
Хату ласковую отчью,
Всех, кем дух неукротимый
Мне завещан, зрим воочью.

Позабыть бы род свой скромный,
Матери плач горемычный,
Всех, кто крохи у бездомных
Грабят способом приличным.

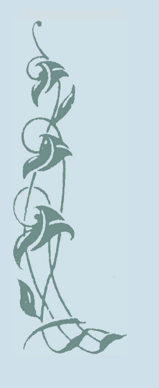
Да, голодное крестьянство
Грабят коршуны лихие:
Плут — зерном, кабатчик — пьянством,
Поп — Господней литургией.

Ну и грабьте на здоровье,
Грабьте,— кто же вам мешает?
Спит мужик, не дрогнет бровью.
Эй, вина! пусть опьяняет!

Выпьем, запоем удало,
Похохочем над тираном.
Нам в корчмах уж места мало,—
Поспешим скорей к Балканам!

Лишь ударит хмель наотмашь,
К утру — клятвы забываем
И смеемся, что народ наш
Жертвами обуреваем...

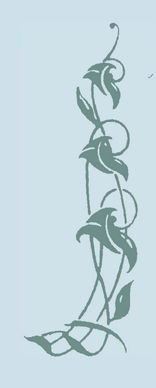
Турки, между тем, злорадно
Край бесчестят, и насилья
Совершая, кровь так жадно
Проливают в изобильи.

Напивайтесь! Выпью вместе,
Чтоб на сердце полегчало,—
И рука, забыв о мести,
Станет мягкой, как мочала...

Пью назло врагу и тыла
Храбрецам — вам, патриоты.
Мне ничто уже не мило,
Ну а вы... вы — идиоты!

София
28 декабря 1933 г.

ПЕНЧО СЛАВЕЙКОВ

(Перевод с болгарского)

ИЗ ЦИКЛА «СОН О СЧАСТЬИ»

В могиле схоронен глубокой.
Душа моя унесена
В мечтаньях о жизни далекой
Горька и отрадна она.

Я вижу сквозь толщу земную,
Как солнце и светит, и жжет.
Печальную песнь свою чую,
Которую кто-то поет...

София
Декабрь 1931 г.

МИХАИЛ ЕМИНЕСКУ

(Перевод с румынского)

ОЗЕРО

Сине озеро лесное.
Золотистых лилий стебли.
Диски влаги белизною
Лодку легкую колеблют.

Я вдоль берега блуждаю
В предвкушеньи появленья
Той, кого я ожидаю,
Чтоб прижать к груди в волненьи.

Мы под говор влаги прыгнем
В лодку маленькую грезно,
Где любовь свою воздвигнем.
Уроню я руль и весла.

Поплывем в очарованьи,
В озареньи бледном лунном,
В тростниковом колыханьи
И воды журчаньи струнном.

Не приходит. Одинокий
Все томлюсь в напрасных чарах
У воды такой глубокой
В золотистых ненюфарах.

Кишинев
30 марта 1933 г.

ДОБРОЙ НОЧИ

Клонит в сон вечерний воздух
Птичек, отдых нежный прочит.
В ветках прячутся и гнездах.
— Доброй ночи!

Ручеек слегка вздыхает.
Умолкает роща стройно.
Сад цветочный засыпает.
— Спи спокойно!

Проскользнул по влаге лебедь
В тростники в тонах закатных.
Ангелы слетят к тебе ведь
— Снов приятных.

Ночь волшебна. Никнут розы.
Лунный лик сквозь тучек клочья.
Все — гармония и грезы.
— Доброй ночи!

Кишинев
31 марта 1933 г.

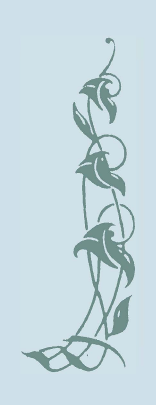
СКВОЗЬ ВЕРШИНЫ...

Сквозь вершины лунный лик.
Листья тихо шелестящи.
Рога из ольховой чащи
Звонкий и печальный всклик,

Дальше все и дальше всё,
Тише всё, всё тише, тише.
Душу грустную колышет,
Весть о смерти мне несет.

Что ж ты смолкнул, смолкнул в срок
Моего к тебе влеченья?
Сердце льется в упоеньи.
Зазвучишь ли, сладкий рог?

Кишинев
5 марта 1934 г.

ЕВГЕНИЯ МАСЕЕВСКА

(Перевод с польского)

УТРО

Вот утро.
Вот утро в тумане.
Дождя блещет галька на стеклах.

Как утло
Ползут очертанья
Виденья сквозь шторы. Я — около...

«Так нужно»,—
Шепнули несмело
Часы. Покоряюсь. Пусть снова

Недужна
Скорбь буднего тела
(Ведь все же исполнилось слово...)

Вильно
28 февр. 1928 г.

ОКНО

Под вечер на стеклах синеет прохлада,
Зажмурил день белые веки.
Ресницами воздух
Моргает.
Под вечер стекло голубеет. Над садом
Тут виснут молочные реки.
Снежинок пляс поздних
Порхает.

А к ночи окно наливается синью.
Застывшее стало загадкой.
Вся в бархате ночи
Светлица.
Ночь синие руки простерла. В уныньи
По стеклам скользнула украдкой
И звездами хочет
Молиться.

Окно насыщается в сумерки сказкой
И грезе готовит дорогу
Нельзя мечтать в будень!
На страже
Мрак.
Виденье далекое с тихою лаской
Приникло к окну понемногу
И все оно в чуде
Витражей.
Так.

Тень гаснет. Ужели и есть только счастье,
Что здесь на стекле посинелом?
И это уж радость!
Чьи цели —
Сон?
Бог видит по звездам поэта. Все страсти
Скитаний на стеклах. Кто бело
Сирени из сада
Взметелил?
Он!

Кто бросит в окно мне лиловой сирени?
Блеснут звезд далеких дрожащие четки.
О Господи! близок мой путь завершений...
За звезды! за грани решетки!
Впусти же!
Встаю на колени
И жду: буквы золотом нижешь,
Явнее на дальних планетах их тени...
На мертвых планетах, пустых — без ответа.
В короне раскаты все ближе:
Топор Твой ведь это...
Впусти же!

Вильно
23 февр. 1928 г.

ЛЕО БЕЛЬМОНТ

(Перевод с польского)

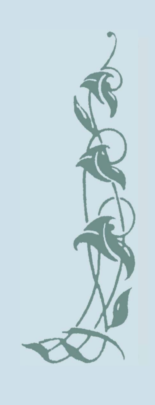
КАЖДЫЙ ШУТ

Каждый шут может золото горстью швырнуть
И проехаться в автомобиле.
Каждый шут может грязью забрызгать мне грудь,
Потому что могу ль на него не взглянуть,
На чьем лбу медь и спесь в изобилье?

На военной подлец заработал лихве,
Кожу драл и людей брал за горло.
Оттого-то, мошною тряся, и молве
Он не внемлет; меж тем, сатана в торжестве,
Что судьба в порошок меня стерла.

О поэт! жаль, что ты не рожден торгашом...
Взоры к небу искусства слать — бредни.
Ах, зачем сделал мысль я себе алтарем?
Ах, зачем жил я сердцем? Ведь люди клыком
Друг у друга кусок рвут последний!

1928 г.

* * *

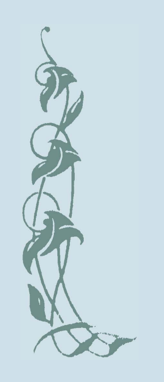
Я — Млечного пути сияние,
Дорог болотных колея.
Я изгнан адом на скитание
И добрым Богом послан я.

Земной борьбе став верным сыном,
Влюбленный в чудо тишины,
Я — свет, что бродит по трясинам,
Я — гид премудрой глубины!

Я — дьявольская пентаграмма
И я же ангела крыло.
Я — марево. Я — благость храма.
Дорога в рай. И мук чело.

Я — вихрь, грохочущий ночами.
Взметенный лист,— ни то ни се.
Я — мощь, незримая очами.
Я — слабость. Я — ничто. Я — всё!

Варшава
4 февр. 1928 г.

ЛЕОН СТОЦКИЙ

(Перевод с еврейского)

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕЛОВЕК И МИР»

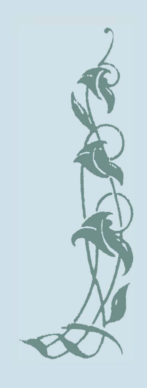
О, подлый свет,
Чей миллионом масок лик одет,
Передо мной
Не пробуй прятать лика!
Иного нет
Кумира, кроме денег — детищ бед.
Удел в них твой,
Лишь им восторги клика.

Великий Бог!
Двуногий, тот, кому стал чуждым вздох,
Святой Синай
И высмеял, и опозорил.
Мечту эпох
Он превратил в позор. Нет больше крох
Надежды. Знай —
Отчаянье во взоре.

Ты, Сатана!
Кем распростерта мрака пелена,
Везде-везде,
Тобою правда скрыта.
Тебе до дна
Душа моя отныне вручена.
Где свет? Нигде!
Повелевай открыто!

О, лживый свет!
Зачем скрывать тебе порока след?
Ведь все равно
Меня ты не обманешь.
Раз правды нет,
Открыто деньги пой, их кровь и бред...
Здесь все грешно,
И ты святой не станешь.

Вильно
1928 г.

САЛОМЕЯ НЕРИС

(Перевод с литовского)

ВЕЧЕР НА МОРЕ

Был закат. Волна горела.
Гасли берега.
Словно чайка, парус белый
Плыл издалека.

Челн, куда спешишь? Ты где же?
Не оставь. Хоть раз
Звезды в море ночью свежей
Приласкают нас.

Усть-Нарва
1940 г.

СКАЗКИ БАБУШКИ

Индевеют наши зимы:
Бело все, куда ни глянь.
Малышам неотразима
В теплых избах сказок ткань.

Про блуждающих во вьюге,
О пропаже солнца кос,
И о том, как без натуги
К небу гусь себя вознес.

О волках, медведе белом,
Чарах, шалостях чертей,
О водах, текущих смело
Из серебряных ключей.

Об Иване (то ль не бег ли!
То ль, брат, третий не ездок!)
О жене ужовой — Egle,—
Дети чьи — к дубку дубок.

Как ни с чем в час поздний, росный
Сирота вернулась, как
Разбрелись в сугробах сосны
И не выбредут никак.

Спят в сугробах гномы. Рыбка
Золотая подо льдом.
Поспешает ведьма шибко,
Не оставив след притом.

И о ласковой сиротке,
И о мачехе презлой...
Но... старушка дремлет кротко,
И конец, знать, сказке той.

Усть-Нарва
Янв. 1940 г.

УГРОЗЫ ВОЛН

Чайка стонет перед бурей,
Сердце вспугнуто дрожит.
Солнце рдеет. В мрачной хмури
Берег чем-то нам грозит.

Что столпились? Сердце никнет
В жути? Каждый жутью полн?
Сердце рабье не постигнет
Вольности лазурной волн.

Манит моря дух, и мчится
В даль ладья, ей нет преград.
Я ведь с тем, кто не стремится
Плыть волнами, что грезят.

Усть-Нарва
1940 г. Январь

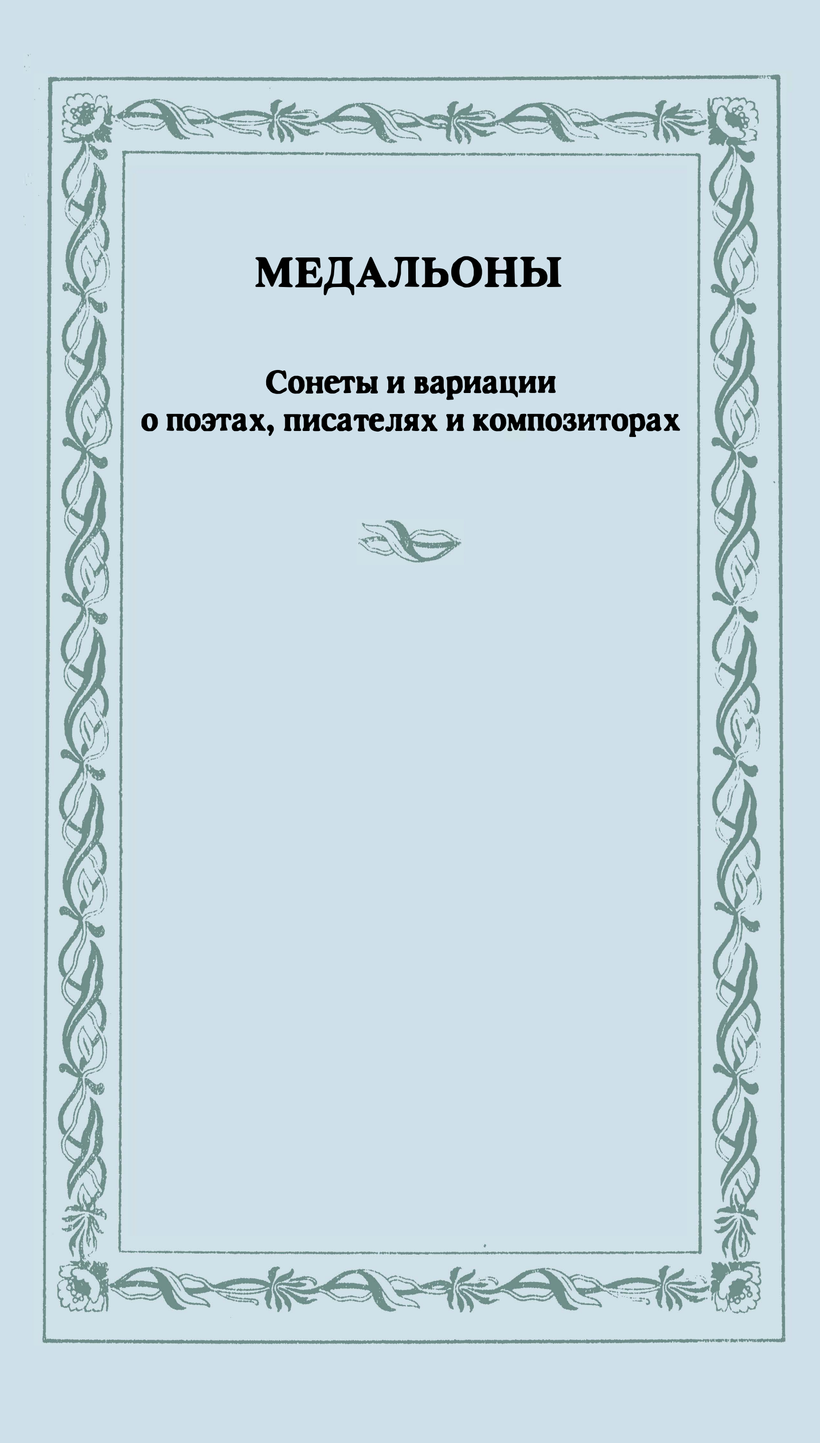
НА ДИКОМ КОНЕ

На коне на диком с вихрем буйным мчится.
Смех ее ликует — как его забыть?
Это моя юность, грозных бурь девица,
Кто ее удержит?.. как ее добыть?

А схватить захочешь, через пропасть в гонке,
Деву ту за косы черные,— на слом
Голову сломаешь. В скалах хохот звонкий
Дико загрохочет, точно горный гром.

Усть-Нарва
янв. 1940 г.

МЕДАЛЬОНЫ

Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах

1. АНДРЕЕВ

Предчувствовать грядущую беду
На всей земле и за ее пределом
Вечерним сердцем в страхе омертвелом
Ему ссудила жизнь в его звезду.

Он знал, что Космос к грозному суду
Всех призовет, и, скорбь приняв всем телом,
Он кару зрил над грешным миром, целом
Разбитостью своей, твердя: «Я жду».

Он скорбно знал, что в жизни человечьей
Проводит Некто в сером план увечий,
И многое еще он скорбно знал,

Когда, мешая выполненью плана,
В волнах грохочущего океана
На мачту поднял бедствия сигнал.

1926

2. АПУХТИН

Вы помните ли полуанекдот,
Своей ничтожностью звучащий мило,
Как девочка у матери спросила,
Смотря на вздутый недугом живот:

«Он настоящий дядя или вот,
Нарочно так?» — Мы, посмотрев уныло,—
По-девочкину, на его чернила,
Вопрос предложим вкусу самый тот...

Из деликатности вкус не ответит.
Но вы — вы, подрастающие дети,
Поймете, верю, чутче и живей

Красноречивое его молчанье.
Тебе ж, певец, скажу я в оправданье:
— Ты был достоин публики своей.

1926

3. АРЦЫБАШЕВ

Великих мало в нашей жизни дней,
Но жизнь его — день славный в жизни нашей.
Вам, детки, солидарные с папашей,
Да будет с каждым новым днем стыдней.

Жизнь наша — бред. Что Санин перед ней? —
Невинный отрок, всех вас вместе краше!
Ведь не порок прославил Арцыбашев,—
Лишь искренность, которой нет родней.

Людей им следовать не приглашая,
Живописал художник, чья большая,—
Чета не вашим маленьким,— коря

Вас безукорно, нежно сострадая,
Душа благоуханно-молодая
Умучена законом дикаря.

1927

4. АХМАТОВА

Послушница обители Любви
Молитвенно перебирает четки.
Осенней ясностью в ней чувства четки.
Удел — до святости непоправим.

Он, Найденный, как сердцем ни зови,
Не будет с ней в своей гордыне кроткий
И гордый в кротости, уплывший в лодке
Рекой из собственной ее крови.

Уж вечер. Белая взлетает стая.
У белых стен скорбит она, простая.
Кровь капает, как розы, изо рта.

Уже осталось крови в ней немного,
Но ей не жаль ее во имя Бога;
Ведь розы крови — розы для креста...

1925

5. БАЙРОН

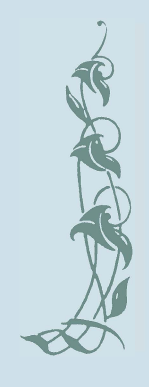
Не только тех он понял сущность стран,
Где он искал — вселенец — Человека,
Не только своего не принял века,—
Всех,— требовательный, как Дон-Жуан.

Британец, сам клеймящий англичан,
За грека биться, презирая грека,
Решил, поняв, что наилучший лекарь
От жизни — смерть, и стал на грани ран.

Среди аристократок и торговок
Искал внутри хорошеньких головок
Того, что делает людей людьми.

Но женщины для песнопевца воли
Объединились вплоть до Гвиччиоли
В угрозу леди Лэмб: «Remember me» *.

1927

* Помни меня (*англ.*).

6. БАЛЬЗАК

В пронизывающие холода
Людских сердец и снежных зим суровых
Мы ищем согревающих, здоровых
Старинных книг, кончая день труда.

У камелька, оттаяв ото льда,
Мы видим женщин, жизнь отдать готовых
За сон любви, и, сравнивая новых
С ушедшими, все ищем их следа.

Невероятных призраков не счесть...
Но «вероятная невероятность» есть
В глубинных книгах легкого француза,

Чей ласков дар, как вкрадчивый Барзак,
И это имя — Оноре Бальзак —
Напоминанье нежного союза...

1925

7. БЕТХОВЕН

Невоплощаемую воплотив
В серебряно-лунящихся сонатах,
Ты, одинокий, в непомерных тратах
Души, предвечный отыскал мотив.

И потому всегда ты будешь жив,
Окаменев в вспененностях девятых,
Как памятник воистину крылатых,
Чей дух — неумысляемый порыв.

Создатель Эгмонта и Леоноры,
Теперь тебя, свои покинув норы,
Готова славить даже Суета,

На светоч твой вперив слепые очи,
С тобой весь мир. В ответ на эту почесть —
Твоя презрительная глухота.

1927

8. БИЗЕ

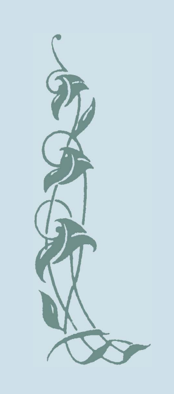
Искателям жемчужин здесь простор:
Ведь что ни такт — троякий цвет жемчужин.
То розовым мой слух обезоружен,
То черный власть над слухом распростер.

То серым, что пронзительно остер,
Растроган слух и сладко онедужен,
Он греет нас, и потому нам нужен,
Таланта ветром взбодренный костер.

Был день — толпа шипела и свистала.
Стал день — влекла гранит для пьедестала.
Что автору до этих перемен!

Я верю в день, всех бывших мне дороже,
Когда сердца вселенской молодежи
Прельстит тысячелетняя Кармен!

1926

9. БЛОК

Красив, как Демон Врубеля для женщин,
Он лебедем казался, чье перо
Белей, чем облако и серебро,
Чей стан дружил, как то ни странно, с френчем...

Благожелательный к меньши́м и ме́ньшим,
Дерзал — поэтно видеть в зле добро.
Взлетел. Срывался. В дебрях мысли брел.
Любил Любовь и Смерть, двумя увенчан.

Он тщетно на земле любви искал:
Ее здесь нет. Когда же свой оскал
Явила Смерть, он понял: — Незнакомка...

У рая слышен легкий хруст шагов:
Подходит Блок. С ним — от его стихов
Лучащаяся — странничья котомка...

1925

10. БОДЛЕР

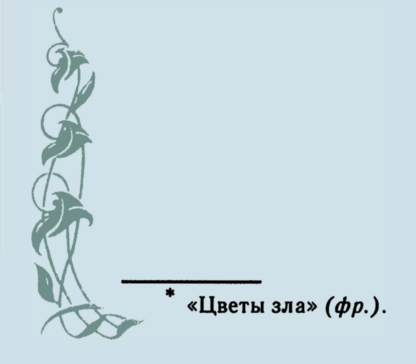
В туфле ли маленькой — «Les fleurs du mal» *,
В большом ли сердце — те же результаты:
Не злом, а добродетелью объяты
Земнившие небесную эмаль.

В днях юности — семи грехов скрижаль
И одуряющие ароматы.
Благочестивые придут закаты,
И целомудрия до боли жаль.

Ты в комнаты вечерний впустишь воздух,
О ледяных задумаешься звездах,
Утончишь слух, найдешь для тела тишь.

И выпрыгнут обиженно в окошки
Грехом наэлектриченные кошки,
Лишь пса раскаянья ты присвистишь.

1926

* «Цветы зла» *(фр.)*.

11. БОРАТЫНСКИЙ

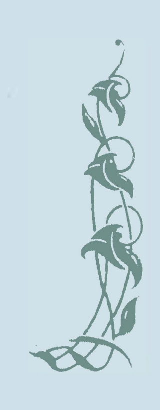
Ложь радостей и непреложье зол
Наскучили взиравшему в сторонке
На жизнь земли и наложили пленки
На ясный взор, что к небу он возвел.

Душой метнулся к северу орел,
Где вздох крылатый теплится в ребенке,
Где влажный бог вкушает воздух тонкий,
И речи водопада внемлет дол.

Разочарованному обольщенья
Дней прежних не дадут отдохновенья
И горького не усладят питья.

С оливой мира смерть, а не с косою.
Так! в небе не смутит его земное,
Он землю отбывал без бытия...

1926

12. БРЮСОВ

Его воспламенял призывный клич,
Кто б ни кричал — новатор или Батый...
Не медля честолюбец суховатый,
Приемля бунт, спешил его постичь.

Взносился грозный над рутиной бич
В руке самоуверенно зажатой,
Оплачивал новинку щедрой платой
По-европейски скроенный москвич.

Родясь дельцом и стать сумев поэтом,
Как часто голос свой срывал фальцетом,
В ненасытимой страсти все губя!

Всю жизнь мечтая о себе, чугунном,
Готовый песни петь грядущих гуннам,
Не пощадил он — прежде всех — себя...

1926

13. ПОЛЬ БУРЖЕ

Как должного ему я не воздам,
Как я пройду своей душою мимо
Того, кем нежно, бережно хранима
Благая сущность девствующих дам?

Сквернит мужская черствость часто храм
Душ, на земле взыскавших серафима,
Есть тонкий аромат в удушье дыма
Так называемых «мещанских» драм.

Как будто обыватель без души?..
И как его ты, критик, ни круши,
Блажен, в душе найти сумевший душу.

И если, кончив том, вздохнешь: «Уже?..»
Я думаю, я правды не нарушу,
Признав твой возглас честью для Бурже!

1925

14. БУНИН

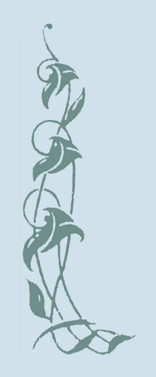
В его стихах — веселая капель,
Откосы гор, блестящие слюдою,
И спетая березой молодою
Песнь солнышку. И вешних вод купель.

Прозрачен стих, как северный апрель.
То он бежит проточною водою,
То теплится студеною звездою,
В нем есть какой-то бодрый, трезвый хмель.

Уют усадеб в пору листопада.
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.

Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.

1925

15. БЕЛЫЙ

В пути поэзии,— как бог, простой
И романтичный снова в очень близком,—
Он высится не то что обелиском,
А рядовой коломенской верстой.

В заумной глубине своей пустой —
Он в сплине философии английском,
Дивящий якобы цветущим риском,
По существу, бесплодный сухостой...

Безумствующий умник ли он или
Глупец, что даже умничать не в силе —
Вопрос, где нерассеянная мгла.

Но куклу заводную в амбразуре
Не оживит ни золото лазури,
Ни переплеск пенснэйного стекла...

1926

16. ВЕРБИЦКАЯ

К ней свысока относится Парнас,
Ее поставив вне литературы:
Ах, Искренность! твоей фюрирутуры
Хрусталинки на крыльях — бред для нас...

Парнасу вторит Критика: «Она
Способна развратить, всмотритесь в туры
Ее идей...» И вот для креатуры
Читательской она, как грех, нужна...

Но несмотря на все ее бессилье
(Верней — благодаря ему!), обилье
Поклонников — печалящий симптом:

Находит в ней охотник за бациллой
Разврата то, роднящее с гориллой,
Чего она не вкладывала в том...

1926

17. ВЕРДИ

Поют на маскированном балу
Сердца красавиц, склонные к измене.
А преданный сердцам певучий гений
Подслушивает их, таясь в углу.

О сквозь столетья розовую мглу,
Впитав исполненную наслаждений
Песнь их сердец, пред нами будит тени
Мелодий, превратившихся в золу...

Пусть эта песнь в огне своем истлела!
Ренато, Риголетто и Отелло,
Эрнани, Амонасро и Фальстаф,

Перепылав, все растворилось в тверди,
Взнесенные в нее крылами Верди,
Нас и золою греть не перестав.

1926

18. ВЕРЛЕН

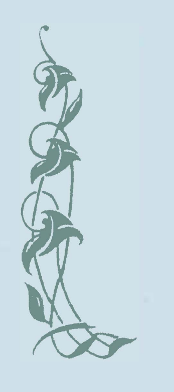
Абсент, питавший грубость апаша,
В нем ласковые пробуждал оттенки.
Телесные изничтожала стенки
Полетом опьяненная душа.

Он, глубь души вином опустоша,
Уподоблял себя демимонддэнке,
Кого врач Ужас выбрал в пациентки,
И умерщвлял с улыбкой, не спеша.

Он веет музыкальною вуалью,
Он грезит идеальною печалью,
В нем бирюзового тумана плен.

В утонченностях непереводимый,
Ни в чем глубинный, в чуждости родимый.
Ни в ком неповторимый Поль Верлен.

1926

19. ЖЮЛЬ ВЕРН

Он предсказал подводные суда
И корабли, плывущие в эфире.
Он фантастичней всех фантастов в мире
И потому — вне нашего суда.

У грез беспроволочны провода,
Здесь интуиция доступна лире,
И это так, как дважды два — четыре,
Как всех стихий прекраснее — вода.

Цветок, пронизанный сияньем светов,
Для юношества он и для поэтов,
Крылатых друг и ползающих враг.

Он выше ваших дрязг, вражды и партий.
Его мечты на всей всемирной карте
Оставили свой животворный знак.

1927

20. ВИСНАПУ

В нем есть протест, простор и глубина,
И солнце в колыбель ему запало:
В цветок огнистый ночи под Купала
Поверил он, в чьем имени — весна.

Он умудрен,— и песнь его грустна:
Мерцанье в ней печального опала.
Ах, буря не одна его трепала!
Он молчалив. Душа его ясна.

Он, патриотом будучи, вселенен,
Трудолюбив, но склонен к бодрой лени
Благочестивых северных полей.

Вот он идет по саду, поливая
Возделанный свой сад, а полевая
Фиалка за оградой все ж милей...

Замок Hrastovec Slovenija
22-IX-1933

21. ГАМСУН

Мечта его — что воск, и дух — как сталь.
Он чувствовать природу удостоен.
Его родил безвестный миру Лоэн —
Лесной гористый север Гудбрансталь.

Норвежских зим губительный хрусталь,
Который так божественно спокоен.
Дитя и зверь. Анахорет и воин.
Фиорда лед и оттепели таль.

Его натуре северного Барда
Изменнически-верная Эдварда,
Пленительная в смутности, ясна.

А город ему кажется мещанкой,
«С фантазиею, вскормленной овсянкой»,
Что в клетку навсегда заключена.

1925

22. ГИППИУС

Ее лорнет надменно-беспощаден,
Пронзительно-блестящ ее лорнет.
В ее устах равно проклятью «нет»
И «да» благословляюще, как складень.

Здесь творчество, которое не на день,
И женский здесь не дамствен кабинет...
Лью лесть ей в предназначенный сонет,
Как льют в фужер броженье виноградин.

И если в лирике она слаба
(Лишь издевательство — ее судьба!) —
В уменье видеть слабость нет ей равной.

Кровь скандинавская прозрачней льда,
И скован шторм на море навсегда
Ее поверхностью самодержавной.

1926

23. ГЛИНКА

В те дни, когда уже, казалось, тмила
Родную музу муза чуждых стран,
Любимую по-русски звал Руслан
И откликалась русская Людмила.

Мелодию их чувств любовь вскормила.
Об их любви поведал нам Баян,
Кому был дар народной речи дан,
Чье вдохновенье души истомило.

Нелепую страну боготворя,
Не пожалел он жизни за царя,
Высоконареченного Профаном,

Кто, гениальность Глинки освистав,
Чужой в России учредил устав:
Новатора именовать болваном.

1926—1931

24. ГОГОЛЬ

Мог выйти архитектор из него:
Он в стилях знал извилины различий.
Но рассмешил при встрече городничий,
И смеху отдал он себя всего.

Смех Гоголя нам ценен оттого,—
Смех нутряной, спазмический, язычий,—
Что в смехе древний кроется обычай:
Высмеивать свое же существо.

В своем бессмертье мертвых душ мы души,
Свиные хари и свиные туши,
И человек, и мертвовекий Вий —

Частица смертного материала...
Вот, чтобы дольше жизнь не замирала,
Нам нужен смех, как двигатель крови...

1926

25. ГОНЧАРОВ

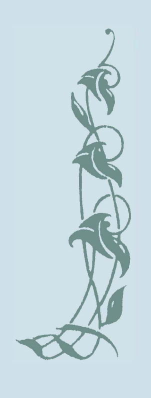
Рассказчику обыденных историй
Сужден в удел оригинальный дар,
Врученный одному из русских бар,
Кто взял свой кабинет с собою в море...

Размеренная жизнь — иному горе,
Но не тому, кому претит угар,
Кто, сидя у стола, был духом яр,
Обрыв страстей в чьем отграничен взоре...

Сам, как Обломов, не любя шагов,
Качаясь у японских берегов,
Он встретил жизнь совсем иного склада,

Отличную от родственных громад,
Игрушечную жизнь, чей аромат
Впитал в свои борта фрегат «Паллада».

1926

26. ГОРЬКИЙ

Талант смеялся... Бирюзовый штиль,
Сияющий прозрачностью зеркальной,
Сменялся в нем вспененностью сверкальной,
Морской травой и солью пахнул стиль.

Сласть слез соленых знала Изергиль,
И сладость волн соленых впита Мальвой.
Под каждой кофточкой, под каждой тальмой —
Цветов сердец зиждительная пыль.

Всю жизнь ничьих сокровищ не наследник,
Живописал высокий исповедник
Души, смотря на мир не свысока.

Прислушайтесь: в Сорренто, как на Капри,
Еще хрустальные сочатся капли
Ключистого таланта босяка.

1926

27. Т. А. ГОФМАН

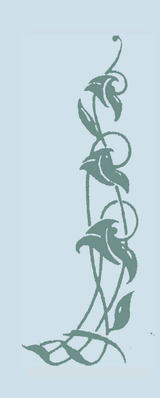
Вокруг нас жуть: в трагичном и смешном,
В сопутнике живом таится призрак.
Фарфор бездушный часто больше близок,
Чем человек. И стерта грань меж сном.

Иным заранее предрешено
Могущество ничтожного карниза.
Во всем таится месть, вражда и вызов.
Любить Мечту и то порой грешно.

Как прорицательна болезнь фантаста,
Ведущая здоровых к бездне часто,
Сокрытой их здоровьем от очей.

Провидец в лике отблесков столиких,
Не величайший ли из всех великих
Поэтов Гофман в ужасе речей?

1926

28. ГРИГ

Тяжелой поступью проходят гномы.
Все ближе. Здесь. Вот затихает топ
В причудливых узорах дальних троп
Лесов в горах, куда мечты влекомы,

Студеные в фиордах водоемы.
Глядят цветы глазами антилоп.
Чьи слезы капают ко мне на лоб?
Не знаю, чьи, но как они знакомы!

Прозрачно капли отбивают дробь,
В них серебристо-радостная скорбь,
А капли прядают и замерзают.

Сверкает в ледяных сосульках звук.
Сосулька сверху падает на луг,
Меж пальцев пастуха певуче тает.

1927

29. ГУМИЛЕВ

Путь конквистадора в горах остер.
Цветы романтики на дне нависли.
И жемчуга на дне — морские мысли —
Трехцветились, когда ветрел костер.

Их путешественник, войдя в шатер,
В стихах свои писания описьмил.
Уж как Европа Африку не высмей,
Столп огненный — души ее простор.

Кто из поэтов спел бы живописней
Того, кто в жизнь одну десятки жизней
Умел вместить? Любовник, Зверобой,

Солдат — все было в рыцарской манере.
...Он о Земле тоскует на Венере,
Вооружась подзорною трубой.

1926—1927

30. ДОСТОЕВСКИЙ

Его улыбка — где он взял ее? —
Согрела всех мучительно-влюбленных,
Униженных, больных и оскорбленных,
Кошмарное земное бытие.

Угармонированное свое
В падучей сердце — радость обреченных,
Истерзанных и духом исступленных —
В целебное он превратил питье.

Все мукой опрокинутые лица,
Все руки, принужденные сложиться
В крест на груди, все чтущие закон,

Единый для живущих — Состраданье,
Все, чрез кого познали оправданье,
И — человек почти обожествлен.

1926

31. ДУЧИЧ

«Любовь к тебе была б тебе тюрьмой:
Лишь в безграничном женщины — граница».
Как тут любить? И вот Дубровник снится,
Возникший за вспененною кормой.

Ах, этой жизни скучен ход прямой,
И так желанна сердцу небылица:
Пусть зазвучит оркестр, века немой,
Минувшим пусть заполнится страница.

«Земная дева ближе к небесам,
Чем к сердцу человеческому»,— сам
Он говорит, и в истине той — рана.

Как тут любить? А если нет любви,
Сверкни, мечта, и в строфах оживи
Всю царственность республики Ядрана.

Замок Hrastovec Slovenija
5-IX-1933

32. ДЮМА

Дни детства. Новгородская зима.
Листы томов, янтарные, как листья.
Ах, нет изобразительнее кисти,
Как нет изобретательней ума.

Захватывающая кутерьма
Трех мушкетеров, участь Монте-Кристья.
Ты — рыцарство, ты — доблесть бескорыстья,
Блистательнейший Александр Дюма.

Вся жизнь твоя подобна редкой сказке.
Объектом гомерической огласки
Ты был всегда, великий чародей.

Любя тебя, как и во время оно,
Перед тобой клоню свои знамена,
Мишень усмешек будничных людей.

1927

33. ЕСЕНИН

Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и веселым вкусом,
К усладам жизни солнышком влеком.

Но вскоре бунт швырнул свой грязный ком
В сиянье глаз. Отравленный укусом
Змей мятежа, злословил над Иисусом,
Сдружиться постарался с кабаком...

В кругу разбойников и проституток,
Томясь от богохульных прибауток,
Он понял, что кабак ему поган...

И богу вновь раскрыл, раскаясь, сени
Неистовой души своей Есенин,
Благочестивый русский хулиган...

1925

34. ЖЕРОМСКИЙ

Он понял жизнь и проклял жизнь, поняв.
Людские души напоил полынью.
Он постоянно радость вел к унынью
И, утвердив отчаянье, был прав.

Безгрешных всех преследует удав.
Мы видим в небе синеву пустынью.
Земля разделена с небесной синью
Преградами невидимых застав.

О, как же жить, как жить на этом свете,
Когда невинные — душою дети —
Обречены скитаться в нищете!

И нет надежд. И быть надежд не может
Здесь, на земле, где смертных ужас гложет,—
Нам говорил Жеромский о тщете.

1926

35. ЗОЩЕНКО

— Так вот как вы лопочете? Ага! —
Подумал он незлобиво-лукаво.
И улыбнулась думе этой слава,
И вздор потек, теряя берега.

Заныла чепуховая пурга,—
Завыражался гражданин шершаво,
И вся косноязычная держава
Вонзилась в слух, как в рыбу — острога.

Неизлечимо-глупый и ничтожный,
Возможный обыватель невозможный,
Ты жалок и в нелепости смешон!

Болтливый, вездесущий и повсюдный,
Слоняешься в толпе ты многолюдной,
Где все мужья своих достойны жен.

1927

36. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

По кормчим звездам плыл суровый бриг
На поиски угаснувшей Эллады.
Во тьму вперял безжизненные взгляды
Сидевший у руля немой старик.

Ни хоры бурь, ни чаек скудный крик,
Ни стрекотанье ветреной цикады,
Ничто не принесло ему услады:
В своей мечте он навсегда поник.

В безумье тщетном обрести былое
Умершее, в живущем видя злое,
Препятствовавшее венчать венцом

Ему объявшие его химеры,
Бросая морю перлы в дар без меры,
Плыл рулевой, рожденный мертвецом.

1926

37. ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

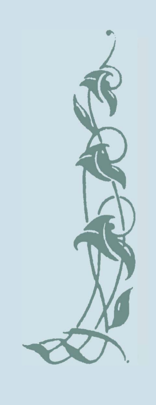
Во дни военно-школьничьих погон
Уже он был двуликим и двуличным:
Большим льстецом и другом невеличным,
Коварный паж и верный эпигон.

Что значит бессердечному закон
Любви, пшютам несвойственный столичным,
Кому в душе казался всеприличным
Воспетый класса третьего вагон.

А если так — все ясно остальное.
Перо же, на котором вдосталь гноя,
Обмокнуто не в собственную кровь.

И жаждет чувств чужих, как рыбарь — клева;
Он выглядит «вполне под Гумилева»,
Что попадает в глаз, минуя бровь...

1926. Valaste

38. ИНБЕР

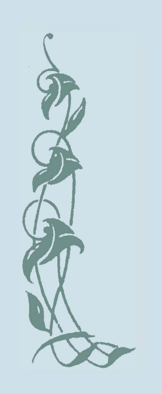
Влюбилась как-то Роза в Соловья:
Не в птицу роза — девушка в портного,
И вот в давно обычном что-то ново,
Какая-то остринка в нем своя...

Мы в некотором роде кумовья:
Крестили вместе мальчика льняного —
Его зовут Капризом. В нем родного —
Для вас достаточно, сказал бы я.

В писательнице четко сочетались
Легчайший юмор, вдумчивый анализ,
Кокетливость, печаль и острый ум.

И грация вплелась в талант игриво.
Вот женщина, в которой сердце живо
И опьяняет вкрадчиво, как «мумм».

1927

39. КЕЛЛЕРМАН

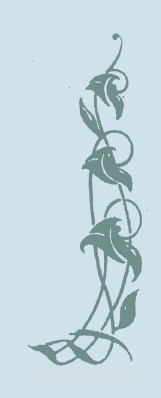
Материалистический туннель
Ведет нежданно в край Святого Духа,
Над чем хохочет ублажитель брюха —
Цивилизации полишинель.

Хам-нувориш, цедя Мускат-Люнель,
Твердит вселенной: «Покорись, старуха:
Тебя моею сделала разруха,—
Так сбрось капота ветхую фланель...»

Но в дни, когда любовь идет по таксе,
Еще не умер рыцарь духа, Аксель,
Чьей жизни целью — чувство к Ингеборг.

И цело завещанье Михаила
С пророчеством всему, что было хило,
Любви вселенческой познать восторг!

1926

40. КИПЛИНГ

Звериное... Зуб острый. Быстрый взгляд.
Решительность. Отчаянность. Отвага.
Борьба за жизнь — девиз кровавый флага.
Ползут. Грызутся. Скачут. И палят.

Идиллии он вовсе невпопад:
Уж слишком в нем кричат инстинкты мага.
Пестрит пантера в зарослях оврага.
Ревет медведь, озлясь на водопад.

Рисует он художников ли, юнг ли,
Зовет с собой в пустыни или джунгли,
Везде и всюду — дым, биенье, бег.

Забыть ли нам (о нет, мы не забудем!),
Чем родственен звероподобным людям
Приявший душу зверя человек...

1926

41. КОЛЬЦОВ

Его устами русский пел народ,
Что в разудалости веселой пляса,
Век горести для радостного часа
Позабывая, шутит и поет.

От непосильных изнурен забот,
Чахоточный, от всей души пел прасол,
И эту песнь подхватывала масса,
Себя в ней слушая из рода в род.

В его лице черты родного края.
Он оттого ушел, не умирая,
Что, может быть, и не было его

Как личности: страна в нем совместила
Все, чем дышала, все, о чем грустила,
Неумертвимая, как божество.

1925

42. КОНАН ДОЙЛЬ

Кумир сопливого ученика,
Банкира, сыщика и хулигана,
Он чтим и на Камчатке, и в Лугано,
Плод с запахом навозным парника.

Помилуй Бог меня от дневника,
Где детективы в фабуле романа
О преступленьях повествуют рьяно,
В них видя нечто вроде пикника...

«Он учит хладнокровью, сметке, риску,
А потому хвала и слава сыску!» —
Воскликнул бы любитель кровопийц,

Меня всегда мутило от которых...
Не ужас ли, что землю кроет ворох
Убийственных романов про убийц?

1926

43. КУЗМИН

В утонченных до плоскости стихах —
Как бы хроническая инфлуэнца.
В лице все очертанья вырожденца.
Страсть к отрокам взлелеяна в мечтах.

Запутавшись в эстетности сетях,
Не без удач выкидывал коленца,
А у него была душа младенца,
Что в глиняных зачахла голубках.

Он жалобен, он жалостлив и жалок.
Но отчего от всех его фиалок
И пошлых роз волнует аромат?

Не оттого ль, что у него, позера,
Грустят глаза — осенние озера,—
Что он,— и блудный,— все же Божий брат?..

1926

44. КУПРИН

Писатель балаклавских рыбаков,
Друг тишины, уюта, моря, селец,
Тенистой Гатчины домовладелец,
Он мил нам простотой сердечных слов...

Песнь пенилась сиреневых садов —
Пел соловей, весенний звонкотрелец,
И, внемля ей, из армии пришелец
В душе убийц к любви расслышал зов...

Он рассмотрел вселенность в деревеньке,
Он вынес оправданье падшей Женьке,
Живую душу отыскал в коне...

И чином офицер, душою инок,
Он смело вызывал на поединок
Всех тех, кто жить мешал его стране.

1925

45. ЛЕРМОНТОВ

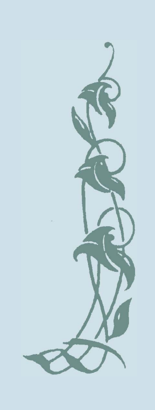
Над Грузией витает скорбный дух —
Невозмутимых гор мятежный Демон,
Чей лик прекрасен, чья душа — поэма,
Чье имя очаровывает слух.

В крылатости он, как ущелье, глух
К людским скорбям, на них взирая немо.
Прикрыв глаза крылом, как из-под шлема,
Он в девушках прочувствует старух.

Он в свадьбе видит похороны. В свете
Находит тьму. Резвящиеся дети
Убийцами мерещатся ему.

Постигший ужас предопределенья,
Цветущее он проклинает тленье,
Не разрешив безумствовать уму.

1926

46. МИРРА ЛОХВИЦКАЯ

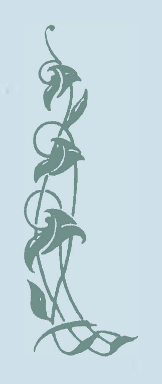
Я чувствую, как музыкою дальней
В мой лиственный повеяло уют.
Что это там? — фиалки ли цветут?
Поколебался стих ли музыкальный?

Цвет опадает яблони венчальной.
В гробу стеклянном спящую несут.
Как мало было пробыто минут
Здесь, на земле, прекрасной и печальной!

Она ушла в лазурь сквозных долин,
Где ждал ее мечтанный Ванделин,
Кто человеческой не принял плоти,

Кто был ей верен многие века,
Кто звал ее вселиться в облака,
Истаясь обреченные в полете...

1926

47. ЛЕСКОВ

Ее низы — изморина и затерть.
Российский бабеизм — ее верхи.
Повсюду ничевошные грехи.
Осмеркло все: дворец и церкви паперть.

Лжет, как историк, даже снега скатерть:
Истает он, и обнажатся мхи,
И заструят цветы свои духи,
Придет весна, светла как божья матерь,

И повелит держать пасхальный звон,
И выйдет, как священник на амвон,
Писатель, в справедливости суровый,

И скажет он: «Обжора Шерамур,
В больной отчизне дураков и дур
Ты самый честный, нежный и здоровый».

1927

48. МЕТЕРЛИНК

В земных телах подземная душа,
В своем же доме все они не дома,
Тревожит их планет других истома.
Дышать им нечем: дышат не дыша.

Луч солнечный — угрозней палаша
В глубоком преломленье водоема.
Жизнь на Юпитере кому знакома,
Что жизнь земных дворцов и шалаша?

Они глухие здесь, они слепые —
Все умирающие неживые,
Как с белыми ресницами Мален.

Но зрячи в слепоте и тонкосухи
Глухонемые к трепетанью мухи,—
Как и они,— попавшей в липкий плен.

1926

49. МАЙН РИД

Я знаю, в детстве увлекались вы
Страной, где тлеет кратера воронка,
Где от любви исходит квартеронка
И скачут всадники без головы.

Где из высокой — в рост людской — травы
Следит команч, татуирован тонко,
За играми на солнышке тигренка,
И вдруг — свистящий промельк тетивы.

О той стране, где в грезах вы гостили
И о которой в снах своих грустили,
Красноречиво с вами говорит

Вождь светлых душ, в чьем красочном колчане
Таланта стрелы, скромный англичанин,
Друг юношества, капитан Майн Рид.

1925

50. МАРГЕРИТ

Стыдом и гневом грудь моя горит,
Когда себя не видя в мальчуганке,
Морализирующие поганки
Грязь льют на имя — «Виктор Маргерит».

От гнева и немой заговорит,
Когда амфоры превратив в лоханки,
Бездушье безразличной элегантки
Грязнит вино помоями корыт...

Что ж, торжествуйте, хамы-нувориши,
Кто подлостью набил дома под крыши,
Чей мозг не более, чем камамбер...

«Вселенная в границах. Беспредельна
Одна лишь глупость человечья»,— дельно
Уже давно сказал Густав Флобер.

1926

51. МАЯКОВСКИЙ

Саженным — в нем посаженным — стихам
Сбыт находя в бродяжьем околотке,
Где делает бездарь из них колодки,
В господском смысле он, конечно, хам.

Поет он гимны всем семи грехам,
Непревзойденный в митинговой глотке.
Историков о нем тоскуют плетки
Пройтись по всем стихозопотрохам...

В иных условиях и сам, пожалуй,
Он стал иным, детина этот шалый,
Кощунник, шут и пресненский апаш:

В нем слишком много удали и мощи,
Какой полны издревле наши рощи,
Уж слишком он весь русский, слишком наш!

1926

52. МОПАССАН

1

Трагичный юморист, юмористичный трагик,
Лукавый гуманист, гуманный ловелас,
На Францию смотря прищуром зорких глаз,
Он тек по ней, как ключ — в одебренном овраге.

Входил ли в форт Beaumonde [1] — пред ним
спускались флаги.
Спускался ли в Разврат — дышал как водолаз,
Смотрел, шутил, вздыхал и после вел рассказ
Словами между букв, пером не по бумаге.

Маркиза ль, нищая, кокотка ль, буржуа,—
Но женщина его пленительно свежа,
Незримой, изнутри, лазорью осиянна...

Художник-ювелир сердец и тела дам,
Садовник девьих грез, он зрил в шантане храм,
И в этом — творчество Гюи де Мопассана.

Апрель 1912
Петербург

---

[1] Высший свет (*примеч. автора*).

53. МОПАССАН

2

Все, что на паруснике «Bel-ami» [1]
Продумал он о людях непреложно:
Людьми не возмущаться невозможно,
Кто знал зверей, зовущихся людьми.

Понять способный суть войны, пойми:
В ее обожествленье все безбожно,
Как и в ее величье все ничтожно,
Как в чести здесь — в бесчестье для семьи...

Все на земле — с землею соразмерно:
Непривлекательна земная скверна,
И преходяща дней земных гряда.

Семь муз земных — лишь семеро уродов...
Для всех времен, как и для всех народов,
Одно есть постоянство: Никогда.

1926

---

[1] «Милый друг» (*фр.*).

54. НАДСОН

Любовью к ближним щедро оделен,
Застенчивый, больной, несчастный лично,
Без голоса он вздумал петь публично,
Хвалой толпы бесслухой окрылен.

Он за глагол глаголов награжден
При жизни был. Стих плакал паралично.
Всё в этой славе было неприлично:
Хвала глупцов и книги льнущей лен...

Неопытная в стиле юнокудрость,
Идейную в нем отыскала мудрость,
Его своим поэтом нарекла.

И умер Надсон, сам того не зная,
Что за алмазы приняла родная
Страна его изделья из стекла...

1926

55. НЕКРАСОВ

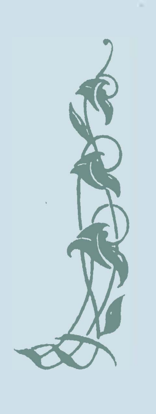
Блажен, кто рыцарем хотя на час
Сумел быть в злую, рабскую эпоху,
Кто к братнему прислушивался вздоху
И, пламенея верой, не погас.

Чей хроменький взъерошенный Пегас
Для Сивки скудную оставил кроху
Овса, когда седок к царю Гороху
Плелся поведать горестный рассказ...

А этот царь — Общественное Мненье,—
В нем видя обладателя именья
И барственных забавника охот,

Тоску певца причислил к лицемерью;
Так перед плотно запертою дверью
Рыдал Некрасов, русский Дон Кихот.

1925

56. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Его возжег огнистый Дагестан
И Грузия, жемчужина Кавказа.
Ему дан дар цветистого рассказа,
Воображенья лебедь с детства дан.

Ни перед кем свой моложавый стан
Он не склонял. Не закрывая глаза,
Он в битвы шел, исполненный экстаза,
Но человека чтил всех в мире стран.

Скиталец по векам, свободы друг,
Он север ощущает, как и юг,
И двести книг создав, он сам не книжник.

Он — наш Жюль Верн, он — истинный поэт.
И, юноша восьмидесяти лет,
Он — Генерала Белого сподвижник.

1925

57. ОДОЕВЦЕВА

Все у нее прелестно — даже «ну»
Извозчичье, с чем несовместна прелесть...
Нежданнее, чем листопад в апреле,
Стих, в ней открывший жуткую жену...

Серпом небрежности я не сожну
Посевов, что взошли на акварели...
Смущают иронические трели
Настороженную вышину.

Прелестна дружба с жуткими котами,—
Что изредка к лицу неглупой даме,—
Кому в самом раю разрешено

Прогуливаться запросто, в побывку
Свою в раю вносящей тонкий привкус
Острот, каких эдему не дано...

1926

58. ЭЛИЗА ОЖЕШКО

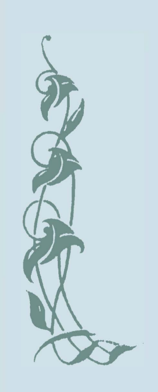
Отпенился фруктовый сад. И рьян
Луч солнечный, встревожив ароматы.
Незримая душа струится мяты,
И с ней сливает струйку валерьян.

Заполонил бушующий бурьян
Куртины роз. Гортензии изъяты.
Крокетусы запущенно-лохматы.
Глядит на голубой цикорий Ян.

И голубеет в пахаре преданье
О тезке-предке, выбравшем заданье:
Мечту труда увидеть наяву.

«Рви лебеду — и там, где было немо,
Жизнь зазвенит»,— подбадривает Неман,
Любовно омывающий Литву.

1926

59. ОФФЕНБАХ

Трагические сказки! Их лишь три.
Во всех мечта и колдовство фантазий,
Во всех любовь, во всех душа в экстазе,
И всюду смерть, куда ни посмотри.

О сказочные звуки, где внутри
Тщета любви и нежность в каждой фразе...
Какая скорбь почти в святом рассказе!
О, Время! ты глаз Памяти не три.

Пусть сон мотивов, сказочно-тревожных,
Мне сердца чуть не рвущих, невозможных
В уловленной возможности своей,—

Пусть этот сон всю жизнь мою мне снится,
Дабы иным ему не замениться,—
Сон музыки, которой нет больней!

1921

60. РЕЙМОНТ

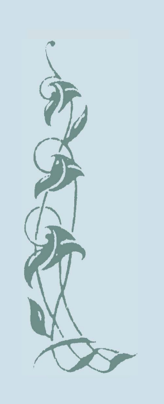
Сама земля — любовница ему,
Заласканная пламенно и нежно.
Он верит в человечество надежно
И человеку нужен потому.

Я целиком всего его приму
За то, что блещет солнце безмятежно
С его страниц, и сладко, и элежно
Щебечущих и сердцу, и уму.

В кромешной тьме он радугу гармоний
Расцвечивал. Он мог в кровавом стоне
Расслышать радость. В сердце мужика —

Завистливом, себялюбивом, грубом —
Добро и честность отыскав, с сугубым
Восторгом пел. И это — на века.

1926

61. РЕМАРК

Он, как Евангелье, необходим
И, как насущность, он евангеличен.
Тем отличителен, что он отличен
От славословящих огонь и дым.

Пусть не художник он, но, раз своим
Пером способен быть междуязычен
И необычным, будучи обычен,
Нас волновать, преклонимся пред ним.

Покуда Конторек — заметь, историк! —
Городит чушь, наш жребий будет горек,
И нам сужден в удел вороний карк.

Я требую, чтоб дети с первой парты
Усвоили, что для вселенской карты
Священно имя скромное — Ремарк.

Toila
21 янв. 1933

62. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Мы любим с детства ночь под Рождество,
Когда бормочет о царе Салтане
И о невесте царской няня Тане,
Ушедшей в майской ночи волшебство.

Дивчата с парубками, в колдовство
Вовлечены, гуторят на поляне,
Как пел Садко в глубоком океане,
Пленен морским царем, пленив его.

К ним выйдя в эту пору, ты увидишь
Сервилию, невидимый град Китеж,
Кащея, Золотого петушка...

Взгрустнется о Снегурочке. Сев в санки,
О Младе вспомнив, ставши к Псковитянке
Искать путей, не сыщешь ни вершка...

1926

63. РОЛЛАН

Чистейший свет струится из кустов
Пред домиком в Вильневе под Лозанной,
Свет излучающий и осиянный,
Каким всю жизнь светился Жан-Кристоф.

О, этот свет! В нем аромат цветов!
Свободу духа встретил он «Осанной»!
Свободы царь, свободы раб, внестанный
Мятеж души воспеть всегда готов.

Быть на земле нетрудно одиноким
Лишь тем, кто подвигом горит высоким,
Кто заключил в душе своей миры,

Кому насилья демон ненавистен,
Кто ищет в жизни истину из истин,
Вдыхая холод с солнечной горы.

1926

64. РОМАНОВ

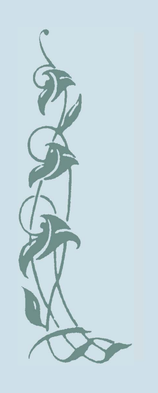
В нем есть от Гамсуна, и нежный весь такой он:
Любивший женщину привык ценить тщету.
В нем тяга к сонному осеннему листу,
В своих тревожностях он ласково спокоен.

Как мудро и печально он настроен!
В нем то прелестное, что я всем сердцем чту.
Он обречен улавливать мечту.
В мгновенных промельках, и тем он ближе вдвое.

Здесь имя царское воистину звучит
По-царски. От него идут лучи
Такие мягкие, такие золотые.

Наипленительнейший он из молодых
И драгоценнейший. О, милая Россия,
Ты все еще жива в писателях своих!

1927

65. РОССИНИ

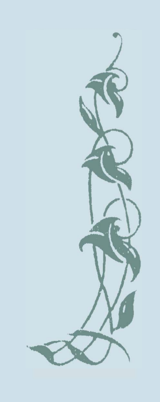
Отдохновенье мозгу и душе
Для девушек и правнуков поныне:
Оркестровать улыбку Бомарше
Мог только он, Эоловый Россини.

Глаза его мелодий ярко-сини,
А их язык понятен в шалаше.
Пусть первенство мотивовых клише
И графу Альмавиве, и Розине.

Миг музыки переживет века,
Когда его природа глубока,—
Эпиталамы или панихиды.

Россини — это вкрадчивый апрель,
Идиллия селян «Вильгельма Телль»,
Кокетливая трель «Семирамиды».

1917

66. РОСТАН

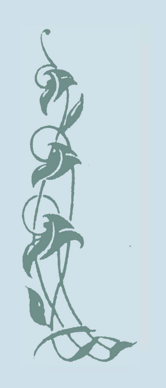
Убожество действительных принцесс
Не требует словесного сраженья:
Оно роскошно. Но воображенья
Принцессу чту за чудо из чудес!

И кто из нас отъюнил юность без
Обескураживающего жженья
Крови, вспененной в жилах от броженья,
Вмещая в землю нечто от небес?

Кто из живущих не был Шантеклером,
Сумевшим в оперении беспером
Себе восход светила приписать?

Кто из жрецов поэзии — и прозы! —
Не сотворил в себе Принцессы Грезы,
О ком вздохнуть,— и на глазах роса?..

1926

67. САДОВНИКОВ

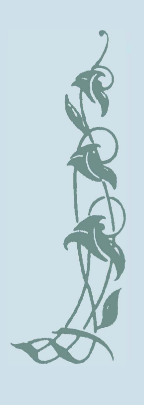
Как смеет быть такой поэт забыт,
Кто в русских красках столь разнообразен,
В чьих песнях обессмертен Стенька Разин
И выявлен невольниц волжских быт.

Моря на паруса судов зыбит,
До красоты в разгуле безобразен,
Плывет Степан и, чувствуя, что сглазен
Святой разбой, он гневом весь кипит...

О, не умолкнет песнь о Стеньке долго,
Пока не высохнет до капли Волга,—
Но автора родной не вспомнит край...

«Прощай, страна, река и в поле колос,
Прощай меня»,— его я слышу голос...
— Нет, ты, поэт, страну свою прощай!

1926

68. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Не жутко ли,— среди губернских дур
И дураков, туземцев Пошехонья,
Застывших в вечной стадии просонья,
Живуч неумертвимый помпадур?

Неблагозвучьем звучен трубадур,
Чей голос, сотрясая беззаконье,
Вещал в стране бесплодье похоронье,
Чей смысл тяжел, язвителен и хмур.

Гниет, смердит от движущихся трупов
Неразрушимый вечно город Глупов —
Прорусенный, повсюдный, озорной.

Иудушки из каждой лезут щели.
Страну одолевают. Одолели.
И нет надежд. И где удел иной?

1926

69. СОЛОГУБ

Неумолимо солнце, как дракон.
Животворящие лучи смертельны.
Что ж, что поля ржаны и коростельны? —
Снег выпадет. Вот солнечный закон.

Поэт постиг его, и знает он,
Что наши дни до ужаса предельны,
Что нежностью мучительною хмельны
Земная радость краткая и стон.

Как дряхлый триолет им омоложен!
Как мягко вынут из глубоких ножен
Узором яда затканный клинок!

И не трагично ль утомленным векам
Смежиться перед хамствующим веком,
Что мелким бесом вертится у ног?..

1926

70. СТАНЮКОВИЧ

Они умеют с бурею бороться,
Влюбленные в морской ультрамарин,
Будь то изнеженный гардемарин
Иль, с сиплым басом, грубый, пьяный боцман.

Им глубь морей — не то же ль, что колодца
Глубь для крестьян? Пусть койки без перин,—
Их в каждом порте ждет восторг «смотрин»,
Им без хлопот туземка отдается...

Они плывут от гавани и — до,
Где офицеры подзовут ландо,
И на кривых ногах пойдут матросы

Искать в тавернах женщин и вина —
В немудрых радостях земного дна
Об океанском дне залить вопросы...

1926

71. ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто,

Фокстротт, кинематограф и лото —
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над вечно первенствующей планетой...
Он — в каждой песне, им от сердца спетой,—
Иронизирующее дитя.

1926

72. КАРОЛИНА ПАВЛОВА

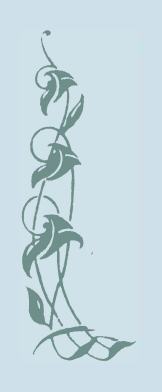
«В пример развенчан Божьим Рим судом
Вам, мира многогранные владыки.
Земля и Небо, отвращая лики,
Проходят, новый обреча Содом».

Так возвещала Павлова о том,
Что наболело в сердце горемыки,
И те, кто духом горни и велики,
Почли ее стихов ключистый том.

И вся она, с несбывшеюся славой —
Неаполь, город, вымощенный лавой —
Застывшими отбросами горы.

Вселенен лик ее Маркиза Позы,
Вошедшего в девические грезы,
Ей стих сберегшего до сей поры...

1926

73. ПАСТЕРНАК

Когда в поэты тщится Пастернак,
Разумничает Недоразуменье.
Мое о нем ему нелестно мненье:
Не отношусь к нему совсем никак.

Им восторгаются — плачевный знак.
Но я не прихожу в недоуменье:
Чем бестолковее стихотворенье,
Тем глубже смысл находит в нем простак.

Безглавых тщательноголовый пастырь
Усердно подновляет гниль и застарь
И бестолочь выделывает. Глядь,

Состряпанное потною бездарью
Пронзает в мозг Ивана или Марью,
За гения принявших заурядь.

1928. 29—III

74. ПОТЕМКИН

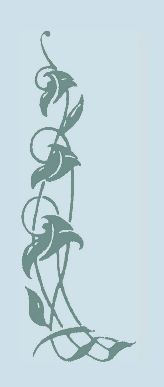
Его я встретил раза два в гостиной
У Сологуба в грешный год войны,
Когда мы были пьяны и гнойны
Своей опустошенностью гордынной...

Американцем он казался: длинный,
Проборчатый — как янки быть должны —
В сопровождении своей жены —
Красавицы воистину картинной.

О чем он пел? Кому он отдал рань
Своей души? Простецкая герань
К цветам принадлежит, что ни скажите...

Над пошлостью житейскою труня,
Незлобивость и скромность сохраня,
Посильно он рассказывал о быте...

1926

75. ПРУТКОВ

Как плесень на поверхности прудков,
Возник — он мог возникнуть лишь в России —
Триликий бард, в своей нелепой силе
Не знающий соперников, Прутков.

Быть может, порождение глотков
Струй виноградных,— предков не спросили,—
Гимнастика ль умов, но,— кто спесивей
Витиеватого из простаков?

Он, не родясь, и умереть не может.
Бессмертное небытие тревожит:
Что, если он стране необходим?

Что, если в нежити его живучей
Она, как в зеркале, находит случай
Узреть себя со всем житьем своим?..

1927

76. ПУШКИН

Есть имена как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!

Но понимает ли моя страна —
Все эти старцы, юноши и дети,—
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?

Его хвалить! — пугаюсь повторений...
Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?

Убив его, кому все наши вздохи,
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...

1926

77. ПШИБЫШЕВСКИЙ

Свершает он, подвластный Сатане,
Строй черных месс запретным обаяньям.
Он одиночным вверился скитаньям,
Его сопровождает черный снег.

Мысль видит избавленье в смертном сне
Своим мучительным воспоминаньям,
И всей земле с ее непониманьем
Начертан им девиз надменный: «Вне».

В час чуда город мертвых аметисты
Прольет из глаз. Раскаяньем пречисты,
Для вечной сказки все сыны земли

Во имя счастья оросят слезою
Свои глаза. Но Каина стезею
Идущий не поверит им вдали...

1926

78. ТАГОР

За синим кружевным массивом гор,
Где омывает ноги Ганг у йога,
Где вавилонская чужда тревога
Блаженной умудренности озер,

Где благостен животворящий взор
Факиров, аскетически и строго
Ведущих жизнь — отчизна полубога
Под именем Рабиндранат Тагор.

Он — Простота, а в ней — душа вселенной.
Знай, европейских предрассудков пленный:
Твой ложен путь, проложенный в тщете.

Услады ложны. Ложны мысли. Ложны
Дела твои. Внемли, что полубожный
Твердит поэт, чье сердце — в простоте.

1927

79. МАРК ТВЕН

На Самуэле Клеменсе был грим,
Как на шуте, комического дара
Дремала в нем волнующая чара,
Но до поры он миром не был зрим.

Путь к славе расстилался перед ним,
Уже звучать готовилась фанфара:
«Ты смеха царь, так вот тебе тиара,—
Бери победоносный псевдоним!»

Я не решился бы держать пари,
Что вы не знали Финна Гекльберри,
Что не пленял вас в юности Том Сойер,

Что чуть не выливалась кровь из вен,
Кто б ни были вы — индус, швед иль боэр,—
Когда вас обвораживал Марк Твен!

1925

80. АЛЕКСЕЙ К. ТОЛСТОЙ

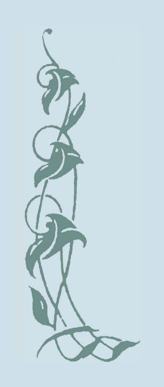
Языческие времена Днепра,
Обряд жрецов Перуну и Яриле,
Воспламенив, поэта покорили,
Как и Ивана Грозного пора.

Их воскрешал нажим его пера:
Являемы для взоров наших были
Высокопоэтические были,
Где бились души чище серебра...

А как природу пела эта лира!
А как смертельно жалила сатира!
Как добродушный юмор величав!

Гордясь своею родиной, Россией,
Дыша императрицею Марией,
Он пел любовь, взаимности не ждав.

1925

81. АЛЕКСЕЙ Н. ТОЛСТОЙ

В своих привычках барин, рыболов,
Друг, семьянин, хозяин хлебосольный,
Он любит жить в Москве первопрестольной,
Вникая в речь ее колоколов.

Без голосистых чувств, без чутких слов
Своей злодольной родины раздольной,
В самом своем кощунстве богомольной,
Ни душ, ни рыб не мил ему улов...

Измученный в хождениях по мукам,
Предел обретший беженским докукам,
Не очень забираясь в облака,

Смотря на жизнь, как просто на ракиту
Бесхитростно прекрасную, Никиту
Отец не променяет на века...

1925

82. ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Он жил в Утопии. Меж тем в Москве
И в целом мире, склонные к причуде,
Забыв об этом, ждали, что все люди
Должны пребыть в таком же волшебстве.

И силились, с сумбуром в голове,
Под грохоты убийственных орудий,
К нему взнести умы свои и груди,
Бескрылые в толстовской синеве...

Солдат, священник, вождь, рабочий, пьяный
Скитались перед Ясною Поляной,
Измученные в блуде и во зле.

К ним выходило старческое тело,
Утешить и помочь им всем хотело
И — не могло: дух не был на земле...

Ноябрь 1925

83. ТОМА

Его мотив — для сердца амулет,
А мой сонет — его челу корона.
Поют шаги: Офелия, Гамлет,
Вильгельм, Реймонт, Филина и Миньона.

И тени их баюкают мой сон
В ночь летнюю, колдуя мозг певучий.
Им флейтой сердце трелит в унисон,
Лия лучи сверкающих созвучий.

Слух пьет узор нюансов увертюр,
Крыла ажурной грацией амур
Колышет грудь кокетливой Филины.

А вот страна, где звонок аромат,
Где персики влюбляются в гранат,
Где взоры женщин сочны, как маслины.

1912

84. ТУМАНСКИЙ

Хотя бы одному стихотворенью
Жизнь вечную сумевший дать поэт
Хранит в груди божественный секрет:
Обвеевать росистою сиренью.

Что из того, что склонны к засоренью
Своих томов мы вздором юных лет!
Сумей найти строфу, где сора нет,
Где стих зовет ползучих к воспаренью!

Восторга слезы — как весенний дождь!
Освобожденная певица рощ
Молилась за поэта не напрасно:

Молитве птичьей вняли небеса,—
Любим поэт, кто строки набросал,
Звучащие воистину прекрасно!

1926

85. ТУРГЕНЕВ

Седой колосс, усталый, старый лев
С глазами умирающей газели,
Он гордый дух*, над ним всю жизнь висели
Утесы бед и смерть, оскалив зев...

Как внятен женских русских душ напев
Ему в его трагичной карусели
От Франции и до страны метели,
Где тлел к нему неправый, мелкий гнев...

Его натуре хрупкой однолюба,
Кому претило все, что в жизни грубо,
Верна любовь к певунье, в чье гнездо

Он впущен был, и — горькая победа,—
Ему давала в роли Людоеда
Тургеневу! — Полина Виардо...

1925

---

* Выражения М. Ковалевского, А. Писемского, Гонкура.

86. ТЮТЧЕВ

Мечта природы, мыслящий тростник,
Влюбленный раб роскошной малярии,
В душе скрывающий миры немые,
Неясный сердцу ближнего, поник.

Вечерний день осуеверил лик,
В любви последней чувства есть такие,
Блаженно безнадежные. Россия
Постигла их. И Тютчев их постиг.

Не угасив под тлеющей фатою
Огонь поэтов, вся светясь мечтою,
И трепеща любви, и побледнев,

В молчанье зрит страна долготерпенья,
Как омывает сорные селенья
Громокипящим Гебы кубком гнев.

1926

87. ТЭФФИ

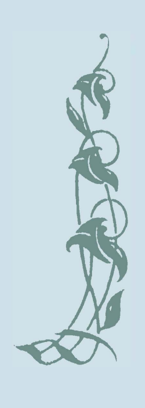
С Иронии, презрительной звезды,
К земле слетела семенем сирени
И зацвела, фатой своих курений
Обволокнув умершие пруды.

Людские грезы, мысли и труды —
Шатучие в земном удушье тени —
Вдруг ожили в приливе дуновений
Цветов, заполонивших все сады.

О, в этом запахе инопланетном
Зачахнут в увяданье незаметном
Земная пошлость, глупость и грехи.

Сирень с Иронии, внеся расстройство
В жизнь, обнаружила благое свойство:
Отнять у жизни запах чепухи...

1925

88. УАЙЛЬД

Его душа — заплеванный Грааль,
Его уста — орозненная язва...
Так: ядосмех сменяла скорби спазма,
Без слез рыдал иронящий Уайльд.

У знатных дам, смакуя Ривезальд,
Он ощущал, как едкая миазма
Щекочет мозг,— щемящего сарказма
Змея ползла в сигарную вуаль...

Вселенец, заключенный в смокинг денди,
Он тропик перенес на вечный ледник,—
И солнечна была его тоска!

Палач-эстет и фанатичный патер,
По лабиринту шхер к морям фарватер,
За Красоту покаранный Оскар.

С.-Петербург
1911
(ассо-сонет)

89. УИТМЕН

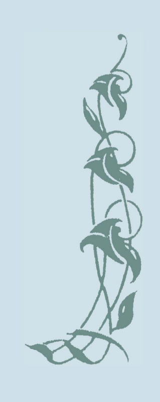
«О, тени тень, всесильный человек,
Проспавший самого себя, я знаю:
Премудрость скрыта, равная Синаю,
В твоей златовенчанной голове.

Кто б ни был ты, привет твоей листве,
Снежинкам, ручейкам, цветам и маю,
Я человечество воспринимаю,
Бессмертье видя в бренном естестве».

Так говорит поэт страны рассудка,
Кому казалась домом проститутка,
Мертвецкой страсти и дворцом греха,

Кто видел в девке, смертью распростертой,
Громадный дом, уже при жизни мертвый,
Где тел мужских кипели вороха...

1926

90. ФЕТ

Эпоха робкого дыханья... Где
Твое очарованье? Где твой шепот?
Практичность производит в легких опыт,
Что вздох стал наглым, современным-де...

И вот взамен дыханья — храп везде.
Взамен стихов — косноязычный лопот.
Всех соловьев практичная Европа
Дожаривает на сковороде...

Теперь — природы праздный соглядатай —
О чем бы написал под жуткой датой
Росистым, перламутровым стихом?

В век, деловой красою безобразный,
Он был бы не у дел, помещик праздный,
Свиставший тунеядным соловьем...

1926

91. ФОФАНОВ

Большой талант дала ему судьба,
В нем совместив поэта и пророка.
Но властью виноградного порока
Царь превращен в безвольного раба.

Подслушала убогая изба
Немало тем, увянувших до срока.
Он обезвремен был по воле рока,
Его направившего в погреба.

Когда весною — в божьи именины,—
Вдыхая запахи озерной тины,
Опустошенный, влекся в Приорат,

Он, суеверно в сумерки влюбленный,
Вином и вдохновеньем распаленный,
Вливал в стихи свой скорбный виноград...

1926

92. ЦВЕТАЕВА

Блондинка с папироскою, в зеленом,
Беспочвенных безбожников божок,
Гремит в стихах про волжский бережок,
О в персиянку Разине влюбленном.

Пред слушателем, мощью изумленным,
То барабана дробный говорок,
То друга дева, свой свершая срок,
Сопернице вручает умиленной.

То вдруг поэт, храня серьезный вид,
Таким задорным вздором удивит,
Что в даме — жар и страха дрожь — во франте...

Какие там «свершенья» ни верши,
Мертвы стоячие часы души,
Не числящиеся в ее таланте...

1926

93. ЧАЙКОВСКИЙ

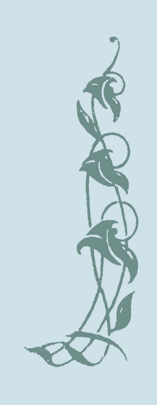
Прослышанье потусторонних звуков.
Безумье. Боль. Неврастения. Жуть.
Он разбудил звучащую в нас суть
И, показав, исчезнул, убаюкав.

Как жив он в нас, он будет жив для внуков,
Он, чьим мотивом можно бы вздохнуть.
Его забыть ли нам когда-нибудь,
Кто в сердце оживлял так много стуков?

И позабыть ли нам порыв простой,
Как на канавке Зимней в час пустой
Во встречу с Лизой верили упрямо?

И знали на Литейном особняк,
Где перед взорами ночных гуляк
Мелькала в окнах Пиковая Дама...

1926

94. ЧЕХОВ

Не знаю, как для англичан и чехов,
Но он отнюдь для русских не смешон,
Сверкающий, как искристый крюшон,
Печальным юмором серьезный Чехов.

Провинциалки, к цели не доехав,
Прощались с грезой. Смех их притушен.
И сквозь улыбку мукою прожжен
Удел людей разнообразных цехов.

Как и тогда, как много лет назад,
Благоухает наш вишневый сад,
Где чувства стали жертвой мелких чувствец...

Как подтвержденье жизненности тем —
Тем пошлости — доставлен был меж тем
Прах Чехова в вагоне из-под устриц...

1925

95. ЧИРИКОВ

Вот где окно, распахнутое в сад,
Где разговоры соловьиной трелью
С детьми Господь ведет, где труд безделью
Весны зеленому предаться рад.

Весенний луч всеоправданьем злат:
Он в схимническую льется келью,
С пастушескою он дружит свирелью,
В паркетах отражается палат.

Не осудив, приять — завидный жребий!
Блажен земной, мечтающий о небе,
О души очищающем огне,

О — среди зверства жизни человечьей —
Чарующей, чудотворящей речи,
Как в вешний сад распахнутом окне!..

1926

96. ШЕКСПИР

Король, возвышенный страданьем, Лир
Обрел слова: «Нет в мире виноватых».
Всегда рассветным не пребыть в закатах
И не устать их славить строю лир.

Но оттого не лучше бренный мир,
В каких бы взору ни был явлен датах.
В его обманах изнемог проклятых
Мучительно любивший жизнь Шекспир.

Проклятого не прокляв, веря глухо
В бессмертье человеческого духа,
Чем выше возлетел, тем глубже пасть

Был обречен, мифически нездешний,
Мудрец постиг, в истоме ночи вешней,
Что душу обессмерчивает страсть.

1927

97. ШМЕЛЕВ

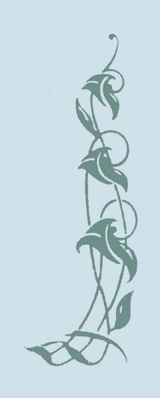
Все уходило. Сам цветущий Крым
Уже задумывался об уходе.
В ошеломляемой людьми природе
Таилась жуть. Ставало все пустым.

И море посинелым и густым
Баском ворчало о людской свободе.
И солнце в безучастном небосводе
Светило умирающим живым.

Да, над людьми, в страданьях распростертых,
Глумливое светило солнце мертвых
В бессмысленно-живом своем огне,

Как злой дракон совсем из Сологуба,
И в смехе золотом все было грубо
Затем, что в каждом смерть была окне...

1927

98. ШОПЕН

Кто в кружева вспененные Шопена,
Благоуханные, не погружал
Своей души? Кто слаже не дрожал,
Когда кипит в отливе лунном пена?

Кто не склонял колени — и колена! —
Пред той, кто выглядит, как идеал,
Чей непостижный облик трепетал
В сетях его приманчивого плена?

То воздуха не самого ли вздох?
Из всех богов наибожайший бог —
Бог музыки — в его вселился opus,

Где все и вся почти из ничего,
Где все объемны промелькй его,
Как на оси вращающийся глобус!

1926

99. ГЕОРГ ЭБЕРС

Его читатель оправдать злодея,
Как император Каракалла, рад,
В Александрию из Канопских врат
Входя в лучах Селены, холодея.

Не у него ль береза ждет Орфея,
Надев свой белый праздничный наряд,
И ламия с эмпузой вдоль оград
Скользят, Гекаты мрачным царством вея?

Изнежив ароматом древних стран,
Слепя сияньем первых христиан,
Прогнав тысячелетние туманы,

Он, точно маг, из праха нас вознес
К годам, где чудо деял, как Христос,
Премудрый Аполлоний из Тианы.

1926

100. ХРИСТО БОТЕВ

О многом мог бы рассказать Дунай:
Хотя б о том, как на пути к немецкой
Земле, австрийский пароход «Радецкий»
Был полонен одной из смелых стай.

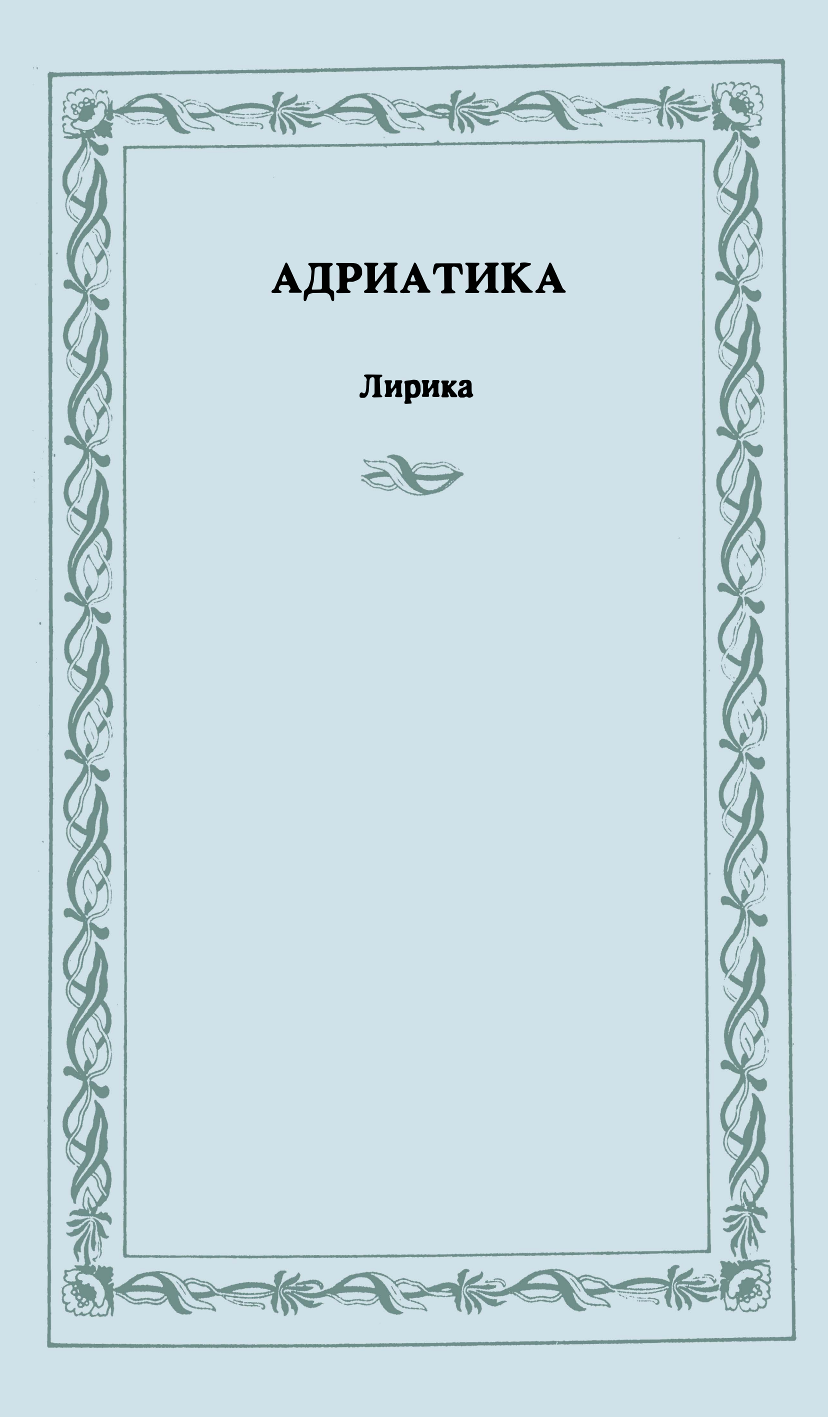
Попробуй в простолюдине узнай
Борца за независимость, в чьей детской
Душе взметнулся пламень молодецкий:
Мечта поэта, крылья распластай!

Так из Румынии, страны напротив,
Водитель чет, отважный Христо Ботев,
Свою дружину сгрудил в Козлодуй,

И на Врачанском окружен Балкане
Турецкою ордой, на поле брани
Сражен, воззвал он к смерти: «Околдуй!»

София
25-XII-1933

АДРИАТИКА

Лирика

АДРИАТИЧЕСКАЯ БИРЮЗА

Как обвораживает мне глаза
Адриатическая бирюза!

Облагораживает мне уста
Непререкаемая красота.

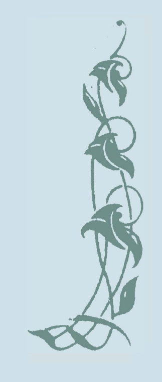
Обескураживает вышина,
От туч разглаживает лик луна.

И разгораживает небеса
Семисияющая полоса.

Обезображивает чары мест
Предсмертным кактусом взращенный шест.

Омузыкаливает мой слух,
Обеспечаливает мой дух.

Париж
25 февр. 1931 г.

ДРИНА

В. В. Берниковой

О ядовито-яростно-зеленая,
Текущая среди отвесных скал,
Прозрачна ты, как девушка влюбленная,
И я тобою душу оплескал!

А эти скалы — голубые, сизые.
С лиловостью, с янтарностью, в дубах
С проржавленной листвой — бросают вызовы
Вам в городах, как в каменных гробах!

Ведь есть же мощь, почти невероятная,
Лишь в сновиденьях мыслимая мощь,
Взволновывающая и понятная,
И песенная, как весенний дождь!

Ведь есть же красота, еще не петая,
Способная дивить и восторгать,
Как эта Дрина, в малахит одетая,
Как этих скал застывшая пурга!

Босния. Горажда
15 янв. 1931 г.

ГОРНЫЙ САЛЮТ

Та-ра-ра-ррах! Та-ра-ра-ррах!
Нас встретила гроза в горах.
Смеялся молний Аметист
Под ливня звон, под ветра свист.

И с каждым километром тьма
Теплела, точно тон письма
Теплеет с каждою строкой,—
Письма к тому, кто будет твой.

Неудивительно: я вез
В край мандаринов и мимоз
Рябины с вереском привет,—
Привет от тех, кого здесь нет...

Я вез — и бережно вполне —
Адриатической волне
Привет от Балтики седой,—
Я этой вез привет от той.

Я Север пел,— не пел я Юг.
Но я поэт, природы друг,
И потому салют в горах:
Та-ра-ра-ррах! Та-ра-ра-ррах!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
18 янв. 1931 г.

ЯНВАРЬ НА ЮГЕ

Л. Н. Бенцелевич

Ты представь, снег разгребая на дворе:
Дозревают апельсины... в январе!
Здесь мимоза с розой запросто цветут.
Так и кажется — немые запоют!

А какая тут певучая теплынь!
Ты, печаль, от сердца хмурого отхлынь.
И смешит меня разлапанный такой,
Неуклюжий добрый кактус вековой.

Пальм захочешь — оглянись-ка и гляди:
Справа пальмы, слева, сзади, впереди!
И вот этой самой пишущей рукой
Апельсин могу сорвать — один, другой...

Ты, под чьей ногой скрипит парчовый снег,
Ты подумай-ка на миг о крае нег —
О Далмации, чей облик бирюзов,
И о жившей здесь когда-то Dame d'Azow.

И еще о том подумай-ка ты там,
Что свершенье предназначено мечтам,
И одна из них уже воплощена:
Адриатику я вижу из окна!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
18 янв. 1931 г.

ВОЗДУХ — РАДОСТЬ

М. А. Сливинской

Это не веянье воздуха,
а дыханье Божества
В дни неземные, надземные
Божественного Рождества!

Воздух вздохнешь упояющий,—
разве ж где-то есть зима?
То, что зовется здесь воздухом —
радость яркая сама!

Море и небо столь синие,
розы алые в саду.
Через прозрачные пинии
Бога, кажется, найду,

Господи! Голубоватые
вижу брызги на весле.
Это же просто немыслимо:
неземное на Земле!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
24 дек. 1931 г.

РОЖДЕСТВО НА ЯДРАНЕ

А. В. Сливинскому

Всего три слова: ночь под Рождество.
Казалось бы, вмещается в них много ль?
Но в них и Римский-Корсаков, и Гоголь,
И на земле небожной божество.

В них — снег хрустящий и голубоватый,
И безалаберных веселых ног
На нем следы у занесенной хаты,
И святочный девичий хохолок.

Но в них же и сиянье Вифлеема,
И перья пальм, и духота песка.
О сказка из трех слов! Ты всем близка.
И в этих трех словах твоих — поэма.

Мне выпало большое торжество:
Душой взлетя за все земные грани,
На далматинском радостном Ядране
Встречать святую ночь под Рождество.

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
Ночь под Рождество 1931 г.

ПОЛДЕНЬ ПЕРВОГО ДНЯ

Е. И. Поповой-Каракаш

Море оперного цвета
Шелковело вдалеке.
Роза жаждала расцвета,
Чтоб увясть в твоей руке.

Море было так небесно,
Небо — морево. Суда
В отдаленьи неизвестно
Шли откуда и куда.

И в глаза взглянула зорко
Встреченная на молу
Ласковая черногорка,
Проносившая смолу.

Было солнечно слепяще.
Вновь поэтом стал я весь.
Было так ненастояще,
Как бывает только здесь!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
25 дек. 1931 г.

ПРОГУЛКА ПО ДУБРОВНИКУ

Т. И. Хлытчиевой

Шевролэ нас доставил в Дубравку на Пиле,
Где за столиком нас поджидал адмирал.
Мы у юной хорватки фиалок купили,
И у женского сердца букет отмирал...

Санто-Мариа влево, направо Лаврентий...
А Ядранского моря зеленая синь!
О каком еще можно мечтать монументе
В окружении тысячелетних святынь?

Мы бродили над морем в нагорном Градаце,
А потом на интимный спустились Страдун,
Где опять адмирал, с соблюденьем градаций,
Отголоски будил исторических струн.

Отдыхали на камне, горячем и мокром,
Под водою прозрачною видели дно.
И мечтали попасть на заманчивый Локрум
Да и с лодки кефаль половить заодно...

Под ногами песок соблазнительно хрупал
И советовал вкрадчиво жить налегке...
И куда б мы ни шли, виллы Цимдиня купол,
Цвета моря и неба, синел вдалеке.

Мы, казалось, в причудливом жили капризе,
В сновиденьи надуманном и непростом.
И так странно угадывать было Бриндизи
Там за морем, на юге, в просторе пустом...

Toila
4 июня 1931 г.

КОНАВЛЯНКИ

Уже автобус на Конавлю
Готов уйти. У кабачка
Я с конавлянками лукавлю,
Смотрящими исподтишка.

Они интеллигентнолицы,
Их волоса то смоль, то лен.
Не зря презрительный патриций
Был в их прабабушек влюблен!

Порабощен Наполеоном
И дав безбрачия обет,
Недаром к Чилипийским склонам
Послал он сына для побед...

Красавиц стройность не случайна,
Высокий рост и вся их стать:
На них веков почила тайна,
И им в наследственность — блистать.

От Ерцегнови до Изовиата
Ядран ядрен и осиян —
Республика аристократа —
Последними из могикан.

Toila
17 июля 1932 г.

ПЕРАСТ

Пересекаем бухту на пароме,
В автомобиле сидя. В глубине
Белеет город. Пусто в каждом доме.
Безлюдье в золотистой белизне.
Пераст! Пераст! Что видишь ты во сне?

Сна твоего не видно нам в бинокли.
Покинутость, заброшенность везде.
И остров твой — припомнился мне Беклин —
Мертвяще мрачен в бухтовой воде.
Пераст! Пераст! Где жизнь былая? где?

Где век, когда ты был гнездом пиратов,
Певец, любовник, воин, оргиаст?
Когда, сокровища в себе запрятав,
Окружных гор киркой тревожил пласт?
И вот — как нет тебя, Пераст, Пераст!

Toila
6 июня 1931 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Мы взбираемся на Ловчен.
Мы бежим под облака.
Будь на поворотах ловче,
Руль держащая рука!

Сердце старое не старо,
Молодо хотя б на час:
У подножья гор Каттаро
Двадцать восемь встало раз!

Почему так много? — спросим.
На вопрос ответ один:
Потому что двадцать восемь,
Двадцать восемь серпантин!

Мы пьянеем, пламенеем
От развернутых картин.
Грандиозным вьются змеем
Двадцать восемь серпантин!

Адриатика под нами,
Мы уже в снегах вершин.
В тридцать километров знамя —
Двадцать восемь серпантин!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
20 янв. 1931 г.

ПОРТРЕТ ДАРИНКИ

Вас. Вит. Шульгину

Я хожу по дворцу в Цетинье —
Невзыскательному дворцу,
И приводит меня уныние
К привлекательному лицу.

Красотою она не блещет,
Но есть что-то в ее глазах,
Что заставит забыть про вещи,
Воцарившиеся в дворцах.

Есть и грустное, и простое
В этом профиле. Вдумчив он.
В этом профиле есть такое,
Что о нем я увижу сон.

Гид назвал мне ее. Не надо!
Мне не имя — нужны глаза.
Я смотрю на деревья сада.
Я смотрю, и в глазах — слеза.

Цетинье. Черногория.
20 янв. 1931 г.

ПЕРЕВАЛ ЧЕРЕЗ ЛОВЧЕН

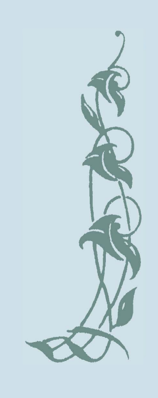
Час назад, в миндалями насыщенных сумерках,
Золотые лимоны, как дети луны.
А теперь, в легком заморозке, в лунных высверках
Колеи оснеженной, стал Ловчен уныл.

Мы уже на горе, на вершине двухтысячной,
Час назад, там, в Катарро, стояла весна.
А теперь, в горьковатом сиянии месячном,
Всех мехов своих выдвинули арсенал.

Мы нахохлились зябко, как сонные совушки,
И, должно быть, прохожим немного смешны:
Нам смеются вослед черногорские девушки,
Их слова заглушаются хрупотом шин.

Скользок путь. Скользок смех. Проскользнули
и Негуши.
Из-за выступа вымолнил автомобиль,
Чуть нас в пропасть не сбросив, как хрусткую
ракушку,
Ту, что давишь, не думая сам истребить...

Париж
20 февр. 1931 г.

КАЛЕМЕГДАН В АПРЕЛЕ

Как вь глядит без нас Калемегдан —
Нагорный сад над Савой и Дунаем,
Где бь л толчок одной поэме дан,
Поэме той, которой мы не знаем?..

Там, вероятно, все теперь в цвету,
Не то что здесь — мороз, снега, метели,
И, может быть, там встретить можно ту,
Кто, так и кажется, сошла с пастели...

Она в тоске,— заметно по всему,—
Глядит в тоске, как мутно льется Сава,
Как вдалеке туманится Земун,
И все ее волнует чья-то слава...

Ей не хотелось бы идти домой,
На замкнутую улицу в Белграде,
Где ждет ее... Но кто он ей такой,
Я лучше умолчу, приличья ради...

Красавица она. Она тиха.
Не налюбуешься. Но скажет слово...
Я, впрочем, предназначил для стиха
Совсем не то... Начну-ка лучше снова:

Как выглядит теперь Калемегдан —
Бульвар над Савой, слившейся с Дунаем,
Где был толчок одной поэме дан,
Которой никогда мы не узнаем?..

Toila
8 апр. 1931 г.

В ДОЛИНЕ НЕРЕТВЫ

Я чуть не отдал жизнь в твоих горах,
Когда, под горохот каменно-железный,
Наш поезд, несшийся на всех парах,
Низринулся — из-за обвала — в бездну.

Когда в щепы разбитый паровоз
И в исковерканный — за ним — багажный
Уперся наш вагон, а злой откос
Вдруг превратил его в многоэтажный,

Мы очутились в нижнем этаже.
Стал неприступно скользок линоле́ум.
Мы вверх не шли, нет, мы ползли уже
И скатывались под наклоном левым,

Но и тогда, почти касаясь дна,
Дна пропасти и неповторной жизни,
Очаровательнейшая страна,
Поэт тебя не предал укоризне.

Он только в памяти запечатлел
Ночь, ветер, дождь — пособников лавине,—
И нет чудеснее на всей земле
Долины Неретвы в Герцеговине!

Париж
25 февр. 1931 г.

ПО ШВЕЙЦАРИИ

Агате Вебер

Мы ехали вдоль озера в тумане,
И было нескончаемо оно.
Вдали горели горы. Час был ранний.
Вагон дремал. Меня влекло окно.

Сквозь дымку обрисовывались лодки,
Застывшие на глади здесь и там.
Пейзаж был блеклый, серенький и кроткий,
Созвучный северным моим мечтам.

Шел пароход откуда-то куда-то.
Я знал — на нем к кому-то кто-то плыл.
Кому всегда чужда моя утрата,
Как чужд и мне его восторг и пыл.

Неслись дома в зелено-серых тонах.
Вдруг возникал лиловый, голубой.
И лыжницы в костюмчиках зеленых
Скользили с гор гурьбой наперебой.

Базель
31 янв. 1931 г.

ТРИ ПЕРЕВОДА ИЗ ИОВАНА ДУЧИЧА

ВИНО ИЗ ДУБРОВНИКА

(с сербского)

Разлеглось спокойно море перед садом,
Тихо, неподвижно. Бьет струя фонтана.
А из синих лавров похотливым взглядом
Смотрит лик блудливый мраморного Пана.

Пропиталась страстной музыкой долина.
Общество в саду в беседах возбужденных
Был обед чудесен, выдержаны вина,
Весело гостям в аллеях освещенных.

Возникают танцы. Беспорядок нежный.
И уже условность склонна к нарушеньям:
Капитан псалмы цитирует мятежно,
А доминиканцу — мандолина с пеньем...

Анна де-Доце, девица тонных правил
И особа столь же правильного тона,
В окруженьи дам, уже считает вправе
Рассказать новеллу из Декамерона...

Белград
18 ноября 1930 г.

МАДРИГАЛ ИЗ ДУБРОВНИКА

(с сербского)

Вечером у князя мы в разгаре бала,
О Madame, станцуем, как когда-то, снова
Бурный вальс. С улыбкой мы пройдем вдоль зала
Будто между нами ничего былого...

А затем придут веселые кадрили,
Музыка, как буря, забушует страстно.
В шелк венецианский дамы стан обвили,
А мужчины — в бархат черный и прекрасный.

Позже в разговорах общество потонет:
Юность — о поэтах, винах и геройстве,
Старость — о схоластике и о Платоне,
И об Августине, и о неба свойстве...

Мы же, между тем, в глубинах зала сядем,
Утопая в креслах, толки поразвеяв.
И сонетом грустным, как бы шутки ради,
Я почту Ваш легкий, милый сердцу, веер...

Белград
18 ноября 1930 г.

ИНОК ИЗ ДУБРОВНИКА

(с сербского)

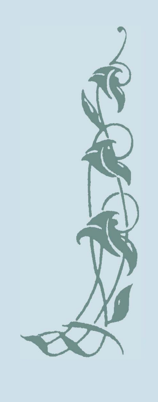
Тысяча шестьсот (ах, все равно, какого!)
Года некий инок был зимой в Версале.
И Люи Каторз представлен, образцово
Выказал усердье на приеме в зале.

В честь республиканского посла устроен
В Трианоне вечер (блеск любила эра!)
На котором гость почтен и удостоен
Музыкой Люли и труппою Мольера.

Крошечные, в пудре, всю-то ночь маркизы
На носках сатиновых нарядных туфель
Ткали менуэт, и колебались бризы
Вееров по залу, нежа тонкий профиль...

В это время гость расхаживал по залу,
Про Адриатического моря церкви
Говоря торжественному кардиналу,
Думая о туфельке изящной мерки...

Белград
1930 г.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

Всех женщин все равно не перелюбишь.
Всего вина не выпьешь все равно...
Неосторожностью любовь погубишь:
Раз жизнь одна и счастье лишь одно.

Не разницу характеров, а сходство
В подруге обретенной отмечай.
Побольше верности и благородства.
А там и счастлив будешь невзначай...

Не крылья грез — нужней земному ноги.
С полетами, бескрылый, не спеши.
Не лучше ли, чем понемногу многим,
Немногой много уделить души?

В желаньи счастья — счастье. Повстречались.
Сошлись. Живут. Не в этом ли судьба?
На Голубой цветок обрек Новалис,—
Ну, что ж: и незабудка голуба...

Toila
26 июня 1931 г.

НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

Ни в жены, ни в любовницы, ни в сестры:
Нет верности, нет страстности, нет дружбы,
Я не хотел бы с ней попасть на остров
Необитаемый: убила глушь бы.

Когда любим и любишь, счастьем рая
Глушь может стать. Но как любить такую?
Как быть с ней вечно вместе, созерцая
Не добрую и вместе с тем не злую?

Вечерние меня пугали б тени,
Не радовал бы и восход румяный:
Предаст. Расстроит. Омрачит. Изменит,
Раз нет мужчин, хотя бы с обезьяной.

Toila
23 февр. 1932 г.

НАСТУПАЕТ ВЕСНА...

Наступает весна... Вновь обычность ее необычна,
Неожиданна жданность и ясность слегка неясна.
И опять — о, опять! — все пахуче, цветочно и
птично.
Даже в старой душе, даже в ней наступает весна!

Мох в еловом лесу засинел — забелел в перелесках.
О, подснежники, вы — обескрыленные голубки!
И опять в ущербленьях губчатых, коричневых,
резких
Ядовитые ноздри свои раздувают сморчки.

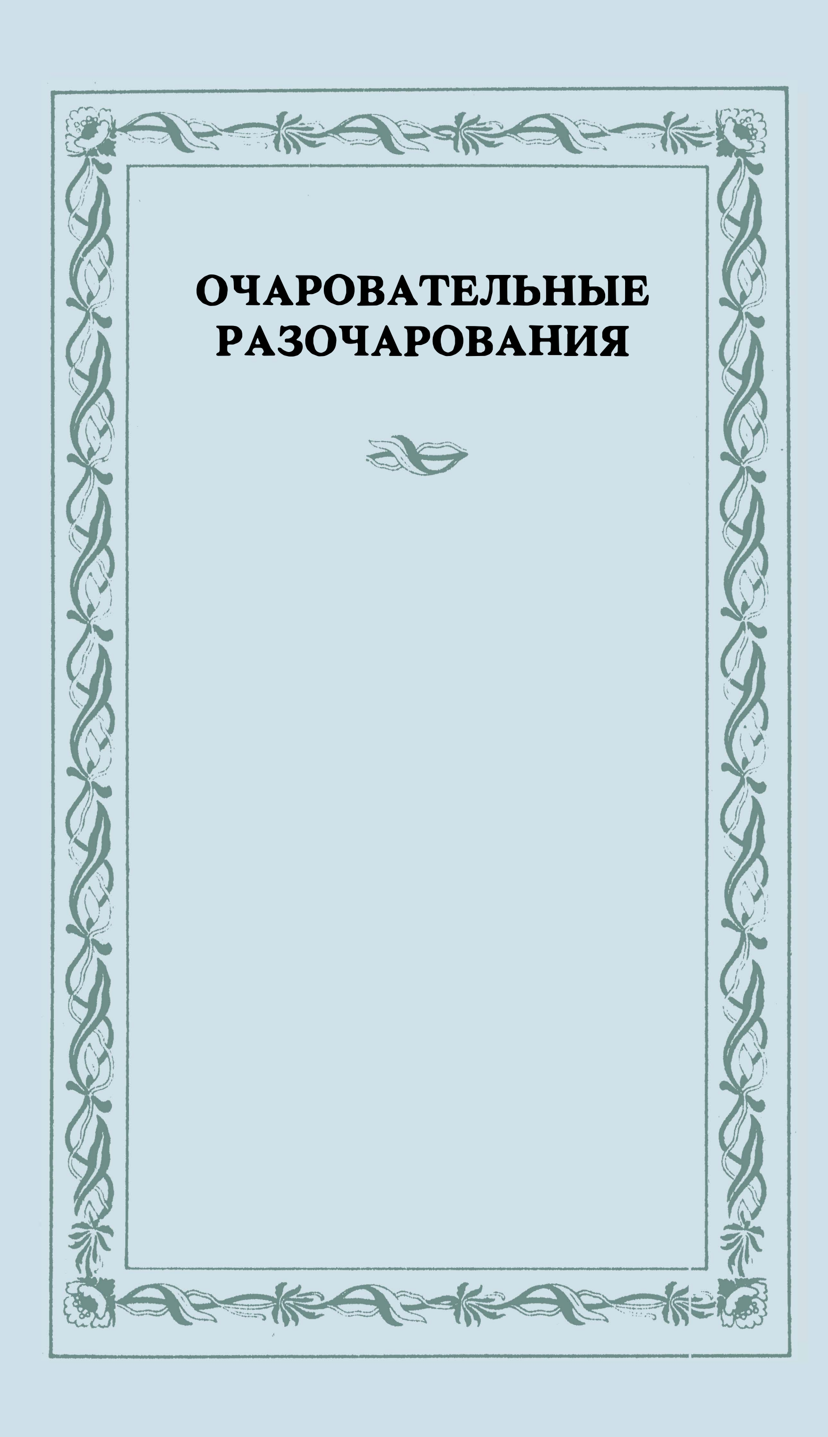
И речонка безводная вновь многоводной рекою
Стала, рыбной безрыбная, сильной лишенная сил,
Соблазнительною, интересною стала такою,
Что, поверив в нее, я удилище вновь оснастил.

Я ушел на нее из прискучивших на зиму комнат,
Целодневно бродя вдоль извилин ее водяных,
Посещая один за другим завлекающий омут,
Где таятся лохи, но кто знает — в котором из них?

Этот лох, и сморчок, и подснежник незамысловатый,
Эта юнь, эта даль, что влекуще-озерно-лесна,
Все душе, упоеньем и радостью яркой объятой,
Говорит, что опять, что опять наступает весна!

Toila
7 мая 1932 г.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ
РАЗОЧАРОВАНИЯ

ОЗЕРНЫЙ ПРОМЕЛЬК

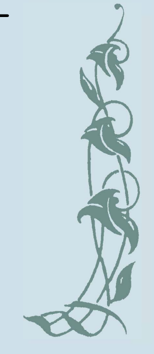
1. Я ГРУЩУ

Я грущу не о том, что себя отдала ты другому,
что до встречи со мной ты была не одна, а вдвоем,
что лишь гостьей прошла по убогому нашему дому,—
Не о том... не о том...

Не о том, что уехала в город, что сам я уеду
далеко и надолго в края за Балканским хребтом,
что и впредь без тебя одержу над сердцами победу,—
Не о том... не о том...

А о том я грущу, что два месяца были неделей,
что их нет, что они позади в чем-то мертвом, пустом,
что уже никогда мы с тобой не пойдем на форелей,—
Вот о чем!..

Тойла
23 августа 1930

2. КОГДА ОЗЕРО СПАТЬ ЛЕГЛО

Встала из-за стола,
Сказала: «Довольно пить»,
Руку всем подала,—
Преступную, может быть...

Женщина средних лет
Увела ее к себе,
На свою половину, где след
Мужчины терялся в избе...

Долго сидели мы,
Курили почти без слов,
За окнами — топи тьмы,
Покачивание стволов.

Когда же легли все спать,
Вышел я на крыльцо:
Хотелось еще, опять
Продумать ее лицо...

На часах фосфорился час.
Туман возникал с озер.
Внезапно у самых глаз
Бестрепетный вспыхнул взор.

И руки ее к моим,
И в жестоком нажиме грудь,
Чуть веющая на́гим,
Податливая чуть-чуть...

Я помню, она меня —
В глаза — в уста — в чело,
Отталкивая, маня,
Спокойная, как стекло...

А озеро спать легло.

Я пил не вино,— уста,
Способные усыпить.
Бесстрастно, сквозь сон, устав,
Шепнула: «Довольно пить...»

Тойла
Лето 1930

3. РЫБКА ИЗ ПРУДА

Вся сдержанная, молодая,—
Нежно выдержанное вино! —
Она способностями обладает
Грешить, пожалуй что, и не грешно.

Во всяком случае, почти безгрешна
Мозг обвораживающая сеть,
Зло выбираемое столь поспешно,
Что жертве некогда и повисеть.

Но в ограниченности безграничья
Кипящей чувственности столько льда,
Несовместимого ни с чем приличья,
Что эта молодость не молода.

Да, в безошибочности есть ошибка,
И в образцовости сокрыт изъян.
В пруде выращиваемая рыбка
Живет, не ведая про океан.

Тойла 1930

У МАЯКА

1. БЕЙ, СЕРДЦЕ, БЕЙ...

Бей, сердце, бей лучистую тревогу! —
Увидеть бы
Ту, для кого затрачу на дорогу
Весь день ходьбы...

Я в солнечное всматриваюсь море
И — некий знак —
Белеет в сентябреющем просторе
Ее маяк.

А там, где он, там — светел и бревенчат —
Быть должен дом
Прелестной, самой женственной из женщин,
Кем я влеком.

Спущусь с горы и к вечеру на пляже
Уж буду с ней,
Чтоб целовать уста, каких нет слаже
И горячей!

Тойла
20 сентября 1930

2. ТЫ ВЫШЛА В САД...

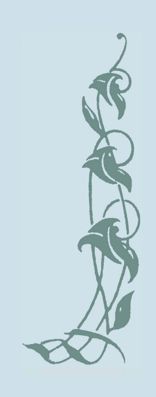
Ты вышла в сад, и ты идешь по саду,
И будешь ты до вечера в саду.
Я чувствую жестокую досаду,
Что я с тобой по саду не иду.

О, этот сад! Он за морскою далью...
Он за морскою далью, этот сад!
Твои глаза, налитые печалью,
Ни в чьи глаза — я знаю — не глядят.

Я вижу твой, как мой ты видишь берег,
Но — заколдованы на берегах —
Ты не придешь кормить моих форелек,
А я — понежиться в твоих цветах.

Что море нам! Нас разделяют люди,
И не враги, а — что страшней — друзья...
Но будет день — с тобой вдвоем мы будем,
Затем что нам не быть вдвоем нельзя!

Тойла
1930

3. МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА

Маленькая женщина с крупными глазами,
Вы во всем случившемся виноваты сами.

Разве интересною можно быть такою
И в глаза заглядывать с вкрадчивой тоскою?

Обладать раздумчивой шелковой походкой?
Быть всегда приманчиво-обреченно-кроткой?

Так картавить ласково, нежно и наивно
Самое обычное необычно — дивно?

Все о Вас я думаю, мысленно лаская,
Маленькая женщина, славная такая.

Да и как не думать мне, посудите сами,
Маленькая женщина с теплыми глазами?..

Тойла
12 сентября 1930

4. СОЛНЕЧНЫМ ПУТЕМ

Как ты придешь ко мне, когда седою
Мать покачивает скорбно головой?
Как ты придешь, когда твоей сестрою
Не одобряется поступок твой?

Как ты придешь ко мне? Что скажешь брату
На взор его участливый: «Куда?»
Я обречен на новую утрату:
Не отыскать желанного следа.

Мы не соседи, чтобы мимолетно
Встречаться нам и часто и легко.
Хотела бы... О, верю я охотно,
Но, близкая, живешь ты далеко!

Поля, леса и речки с ручейками
Разъединяют наши две судьбы.
О, женщинам с влекущими глазами,
До этих глаз ведь целый день ходьбы!

Ну я пойду, допустим: что мне стоит
Проделать ежедневный солнца путь,
Чтоб выслушать из уст твоих простое,
Улыбчивое: «Хочешь отдохнуть?»

Но ты оберегаема, и будет
Обидно истолкован мой приход
Во вред тебе. И чей-то взор осудит,
И скосится в усмешку чей-то рот.

Налгать — «уехать на три дня к подруге» —
И очутиться у озер в лесу,
Где будут дни насыщенно-упруги
И выявят предельную красу.

Но — как, когда с минуты на минуту
Проехать должен тот, кому родня
Тебя лелеет, всяческую смуту
От дней твоих заботливо гоня?

И вот, разъединенные лесами,
Тоскуем мы и все чего-то ждем.
О, женщина с влекущими глазами,
В чей дом приходят солнечным путем!

Тойла
2 октября 1930

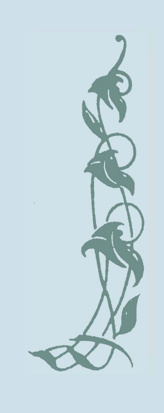
5. О, ЕСЛИ Б ТЫ...

Что принесет с собой весна
Обворожительного севера?
О, если б ты — «Судьба ясна:
В разлуке я себя проверила...»

О, если б то — «Склонись в траву...
Взгляни, я нежностью охвачена...»
«Так значит,— я тебя прерву,—
Все это было предназначено».

«А ты не знал? Сбылись мечты...»
Раскрылись, точно центрифолии...
О, если б ты... О, если б ты
Была сама собой — не более!..

Рига
26 октября 1930

ТИНА В КЛЮЧЕ

1. ЕЕ ПРИЧУДЫ

Ты отдавалась каждому и всем.
Я понял все, я не спросил — зачем:
Ты отдавалась иногда и мне.
Любил с тобою быть наедине
И знал, что в миг, когда с тобою я,
Что в этот миг ты целиком моя.

Вчера ты отказала: «Не могу.
Я верность мужу берегу».
Я прошептал: «Ты замужем давно.
И уж давно тобою все дано,
И я не понимаю, почему ж
Теперь меж нами возникает муж?»

И смерила ты с ног до головы
Меня в ответ: «Мой друг, ошиблись Вы.
Приснился Вам довольно странный сон».
Я был ошеломлен, я был смущен:
Та женщина, что каждому и всем...
Но понял вновь и не спросил — зачем.

А завтра ты, о милая, опять,
Я знаю, будешь мне принадлежать
И на руках моих лежать без сил,
Дав все, чего бы я не попросил.
И если я умру, то скажешь: «Да,
Мужчины понимают... иногда...»

Тойла
24 февраля 1932

2. СЕРЕНЬКИЙ ДОМИК

Твой серенький домик мерещился мне
Нередко в далекой балканской стране.
Я в Боснии думал, взирая на Дрину:
«Ее не забуду, ее не отрину...»

В Далмации яркой, смотря на Ядран,
Я думал о лучшей из северных стран,
Которую ты украшаешь собою,
Подруга с прохладной душой голубою.

В Румынии, девушек нежа чужих,
Я думал о родственных ласках твоих
И ночью, читая какой-нибудь томик,
Заглядывал сердцем в твой серенький домик.

В Словении, в замке, при чуждой луне,
Твой серенький домик мерещился мне,
И я променял бы дворец без оглядки
На право с тобою жить в серенькой хатке!

Тойла
28 июня 1934

3. В РЕДКОМ СЛУЧАЕ

В тебе так много обаяния,
И так ты хороша собой,
Что у меня одно желание —
Быть исключительно с тобой.

Мне очень многие наскучили,
Спустя полгода, много — год.
И лишь с тобою — в редком случае! —
Страсть пресыщенья не дает.

Прикосновенья так изысканы,
И так нежны, и так остры.
Живою радостью обрызганы
Глаза изласканной сестры...

Твои слова льнут в душу вкрадчиво
И дремлют в ней, но не уснут.
Удел твой — жизни укорачивать
Обжогом пламенных минут.

Связь наша странно-неразрывная
Седьмой насчитывает год.
В чужих краях, подруга дивная,
Всегда тебя недостает.

Тойла
15 июля 1934

4. ИЗ ОБЛАКА ЧУДЕСНОГО

Телеграмма:

Белград. Университет. Северянину.
«ГЕНИЮ СЕВЕРА ЕДАН ПОЗДРАВЪ СА ЮГА».
Остров Коргула на Адриатике (Ядран).

Имя. Фамилия.

В громадном зале университета,
Наполненном балканскою толпой,
Пришедшей слушать русского поэта,
Я вел концерт, душе воскликнув: «Пой!»

Петь рождена, душа моя запела
И целый зал заполнила душа.
И стало всем крылато, стало бело,
И музыка была у всех в ушах.

И думал я: «О, если я утешу
И восхищу кого-нибудь, я — прав!»
В антракте сторож подал мне депешу —
От неизвестной женщины «поздравъ».

И сидя в лекторской, в истоме терпкой,
И говоря то с этим, то с другим,—
Я полон был восторженною сербкой
С таким коротким именем тугим.

...Два года миновало. Север. Ельник.
Иное все — природа, люди, свет.
И вот опять, в Рождественский сочельник,
Я получаю от нее привет.

Уж я не тот. Все глубже в сердце рана.
Уж чаще все впадаю я в хандру.
О, женщина с далекого Ядрана —
Неповстречавшийся мне в жизни друг!

Тойла
Ночь под Рождество 1932

ВИОРЕЛЬ

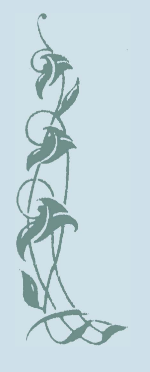
1. ПРОХЛАДНАЯ ВЕСНА

Весен всех былых весна весенней
Предназначена мне в этот год:
Девушка из детских сновидений
Постучалась у моих ворот.

И такою свежею прохладой
Вдруг повеяло от милых уст,
Что шепчу молитвенно: «Обрадуй.—
Докажи, что мир не вовсе пуст...»

А она и плачет, и смеется,
И, заглядывая мне в глаза,
Неземная по-земному бьется
Вешняя — предсмертная! — гроза.

Кишинев
5 апреля 1933

2. ГРУСТЬ РАДОСТИ

О, девушка, отверженная всеми
За что-то там, свершенное семьей,
Мы встретимся в условленное время
Пред нашею излюбленной скамьей!

Походкой чуть наклонной и скользящей
Ты пойдешь, проста как виорель.
И скажешь мне: «Единый! Настоящий!
Возможно ли? Послушай... Неужель?»

И болью затуманенные взоры,—
По существу веселые ключи,—
Блеснут так радостно, как из-под шторы
Пробившиеся в комнату лучи.

Ты — точно серна в золотистой дрожи:
Доверчивость. Восторженность. Испуг.
Что может быть нежней и вместе строже
Твоих — не искушенных в страсти — рук?

Что может быть больней и осиянней
Еще не вовсе выплаканных глаз?
Что может быть печальней и желанней
Уст, бредовых не говоривших фраз?

Газель моя, подстреленная злыми!
Подснежник бессарабский — виорель!
Виктория! И грустно это имя,
Как вешняя плакучая свирель.

Кишинев
12 апреля 1933

3. ВЫСОКИЙ ЛАД

Благодарю за незабвенное,
Тобой дарованное мне.
Проникновенно-сокровенное,
Что выявлено при луне.

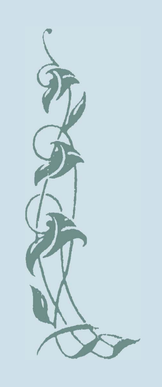
За обнаженность интонации,
За обостренность чувств и слов,
За красоту предельной грации
Остановившихся часов.

Там, у тюрьмы, у стен кладбищенских,
Изведать было мне дано,
Что в ощущеньях века нищенских
Не все еще умерщвлено,

Что есть, что есть еще крылатое
В земном бескрылии и мгле,
Что не совсем уж все проклятое
На опустившейся Земле,

Что есть такие озарения,
Какие впору тем векам,
Когда нас посещали гении
И радости дарили нам!

Кишинев
14 апреля 1933

4. МНЕ ЛЮБО

Мне любо, обнявши тебя, приподнять
И, стоя, почувствовать вес твой.
Такой невесомый, что трудно понять,
Как сделался воздух невестой...

Мне любо в налуненном, там, где из мглы
Сквозит лучевая пролаза,
Увидеть, что цвет золотой марсалы
Стал цветом девичьего глаза...

Мне любо, тебя отделив от земли,
Разнежась полетною позой,
Подумать, ну как эти губы могли
Вдруг стать упояющей розой...

Аккерман
23 апреля 1933

5. ВСЕ ЯСНО ЗАРАНЕ

Не надо раздумий, не надо сомнений,
Доверься порыву — и двинемся в путь!
Да разве я мог бы, о день мой весенний,
Когда-нибудь нежность твою обмануть?

Да разве тебе, мотылек златотканный,
Тенёты паучьи любовью совью?
В тебе, искупительно Богом мне данной,
Найду предрешенную гибель свою.

«Ах, нет упоительней творчества в свете.
Стихи твои пьются, как струи Аи! —»
Сказала ты вкрадчиво нежно, и эти
Люблю ненаслышные речи твои.

Упорны в стремленьях своих северяне,
У моря взращенные в крепком лесу:
Ты будешь моею. Все ясно заране.
Погибнуть — погибну, но раньше спасу!

Аккерман
25 апреля 1933

6. МЫ БЫЛИ ВМЕСТЕ...

Мы были вместе до рожденья,
До появленья на земле.
Не оттого ль в таком волненьи
Тебя встречаю, обомлев?

Мне все, мне все в тебе знакомо.
В тебе есть то, чего ни в ком.
Что значит дом? Лишь там я дома,
Где дышишь ты, где мы вдвоем.

Я север брошу, юг приемлю,
Немыслимое восприму,
Твою любить готовый землю
Покорный зову твоему.

Бухарест
8 мая 1933

7. ЧТО НИ ВЕРСТА...

Что ни верста — все отдаленней
Виктория, любовь моя!
Что ни верста — я все влюбленней
И все неотвратимей я!

Что ни верста — мне все больнее,
И дышется уже с трудом.
Что ни верста — все больше с нею,
Все больше с нею я вдвоем.

Невыносимо, невозможно,
Немыслимо быть без нее.
Как бережно, как осторожно
Хранил бы счастье я свое!

Всю жизнь искать,— найти под старость
И вынужденно отложить...
Я чувствую слепую ярость:
Что значит жизнь без права жить?!.

Бухарест — Белград
Симплом-Рапид
10 мая 1933

8. ИМЯ ТВОЕ...

Имя твое означает победу
И знаменует мое бытие.
Я передам невозбранному бреду
Победоносное имя твое.

Имя твое отдает земляникой —
Спелой, просолнечной, земляной.
Ягодой алой подругу окликай —
Свежей викторией, светом хмельной.

Имя твое обессмертил Кнут Гамсун.
Северность в южных таится чертах.
Имени этому сладко предамся,
Боль оставляющему на устах!

Белград
18 мая 1933

9. ВАШИ ГЛАЗА

В недоверчивых Ваших глазах, рассеянно-мягких,
Чуть презрительных, умных глазах
Отражаются мглисто незримые маки
На журчащих безводных ручьях...

Да, забвенье без отдыха, без утоленья
Жажда жуткая — глаз Ваших суть.
Здесь, пожалуй, доха неуместна оленья —
Вас похитив, в нее завернуть...

Я смотрю в глубину безразлично-прохладных,
Скорбно-наглых и злых Ваших глаз,
Иногда золотых, иногда шоколадных,
Постигая, что мир не для Вас.

Слишком дни монотонны, а ночи надрывны,
Пошлость или капризный излом.
Человек не родился, а люди противны
И уж так примитивны при том!..

Кишинев
7 апреля 1934

10. СТИХОТВОРЕНЬЕ ЧЕРЕЗ ГОД

Потому что ты своеобразна
И в поверхностности глубока,
Как мне удержаться от соблазна —
Вознести тебя за облака!

Потому что польскою магнаткой
Выглядишь и в нищенстве своем,
Головокружительной и сладкой
Тщусь мечтою: быть с тобой вдвоем!

Как божественно твое сложенье!
Как узка и как мала рука!
А в глазах такое выраженье,
Что и гибель кажется легка.

Этот жест, как подаешь ты руку,
Свойственный тебе, тебе одной,
Или обрекающий на муку
Этот голос, нежный и грудной!

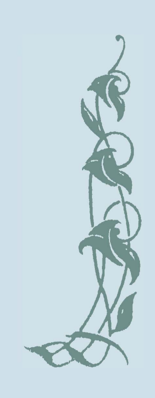
И во всем изящество такое,—
В слове, в мысли, в шаге, в звуке,— столь
Музыкальное и роковое,
Что я просто ощущаю боль...

Все в тебе сплошное обольщенье
Как ни взглянешь, что ни говоришь.
Я испытываю возмущенье,
Что от этих гор не убежишь.

Ты красноречива и логична
И до исступленности страстна.
Точно колокольчик, мелодична
И в своей веселости грустна.

Но глаза твои порой так строги,—
Есть ли сердце у тебя в груди?
Я могу уйти с твоей дороги,
Только ты с моей не уходи!

Кишинев
10 мая 1934

О ТОМ, ЧЬЕ ИМЯ ВЕЧНО НОВО...

Воображаю, как вишнево
И персиково здесь весной
Под пряным солнцем Кишинева,
Сверкающего белизной!
Ты, Бессарабия, воспета
Ведь солнцем Пушкина, и без
Сиянья русского поэта
Сияние твоих небес —
Пусть очень южных, очень синих —
Могло ли быть прекрасным столь?
Итак, с голов мы шляпы скинем
И скинем с душ тоску и боль,
Ежеминутно ощущая,
Что в беспредельности степей
С цыганами, в расцвете мая,
Скитался тот, кто всех светлей,
Кто всех родней, чье вечно ново,
Все напоенное весной
Благое имя, что вишнево,
Как вышний воздух Кишинева,
Насыщенного белизной!

Кишинев
13 марта 1933

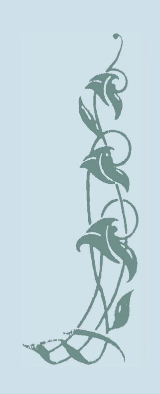

РОЗЫ ВО ЛЬДУ

Твоей души я не отрину:
Она нагорна и морска.
Рождественскому мандарину
Благоуханием близка.

Ты вне сравнений: ты едина.
Ты вне сомнений: ты — мечта.
Ты — озарительная льдина
С живыми розами Христа.

София
2 января 1934

ОНА РАЗЛЮБИТ

Она разлюбит. Она забудет.
О, как я знаю, что это будет!

Мне будет странно. Пожалуй, стыдно.
Чуть-чуть туманно. И так обидно.

Потом утешусь. И сам забуду.
Ах, так со всеми. Ах, так повсюду.

Потом другую — уже другую? —
Я так же ласково поцелую.

И та разлюбит. И та забудет.
Зачем я знаю, что это будет?..

Тойла
1 августа 1934

ИЗВЕЧНЫЙ ПЛЕН

Итак, в три месяца — три моря,
Три женщины и три любви.
Не слишком ли? Как ни лови,
Безумец, счастья, кроме горя
Ты не познаешь ничего.
В глубинах сердца твоего
Мечте почила неизменность,
И ряд земных твоих измен —
Не прегрешенье, а неценность:
Мгновенный плен — извечный плен...

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
4 июня 1933

РОКОВАЯ РАЗОБЩЕННОСТЬ

Невесело мне в городе большом,
Который принято считать веселым,
Где каждый, расфуфыренный шутом,
Мне видится невыносимо голым.

Отталкивающая нагота
Обыкновеннейшего человека
Прожорливого — вздутость живота,
И голова — округлый сейф для чека...

Они объединяются затем,
Чтоб повод выискать к разъединенью.
А эта общность чувствец, общность тем
Есть разобщенность взлета и паденья.

Париж
3 февраля 1931

ВЕЧЕРНЕЕ МЕТРО

Не оскорбить их, скорбных, оскорбленьем,
Скребущим дух: как скарб, у них нутро.
Скопленье тел — не духа ль оскопленье?
Войдите-ка в вечернее метро.

Попробуйте-ка впасть в неугомонный,—
Давящий стекла, рушащий скамью,—
Поток людей, стремящихся в вагоны
В седьмом часу и перед восемью.

Взгляните-ка на всех на этих в шляпах —
Сброд обездоливающей судьбы,
Вдохните тошнотворный этот запах,
И вы поймете: это все рабы!

Рабы врожденные, рабы такие,
Каких не может быть уже рабей...
Все одинаково: медведь России
И этот вот французский воробей!..

Париж
20 февраля 1933

ГОЛОСИСТАЯ МОГИЛКА

О. Л. С.

В маленькой комнатке она живет.
Это продолжается который год.

Так что привыкла почти уже
К своей могилке в восьмом этаже.

В миллионном городе совсем одна:
Душа хоть чья-нибудь так нужна!

Ну, вот, завела много певчих птиц,—
Былых ослепительней небылиц,—

Серых, желтых и синих всех
Из далеких стран, из чудесных тех,

Тех людей не бросает судьба в дома,
В которых сойти нипочем с ума...

Париж
12 февраля 1931

БОГОБОЯЗНЬ

Но это же, ведь, беспримерность:
Глумясь, святыни топчет в грязь,
Едва исчезла суеверность —
Единственная с небом связь!..

Не зная сущности религий,—
Любви,— боясь одних расплат,
Он веровал, влача вериги;
В чертей, сковороду и ад...

Итак, вся вера — страх пред казнью.
Так вот каков он, пахарь нив!
Воистину богобоязнен,
А думали — боголюбив...

Тойла
1930

ПОЕЗДКА В РИЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ (В БОЛГАРИИ)

Н. и С. Чукаловым

1. ТАВЕРНА В ДУННИЦЕ

Нам захотелось чаю. Мы в корчму
Заехали. Полна простонародья
Она была, и, ясно, никому
Мест не найти в часы чревоугодья...

Тут встал один, а там встает другой,
С улыбками опрастывая стулья,
И вскоре чай мы пили огневой
В затишье человеческого улья.

Благожелательством и теплотой
Кабак проникся не подобострастно,
Не утеряв достоинства, и в той
Среде себя я чувствовал прекрасно.

Я чувствовал, что все здесь наравне,
Что отношенья искренней и кратче
Не могут быть, и знал, что в стороне
Сочувственно на нас глядит кабатчик.

2. УЩЕЛЬЕ РИЛЫ

Была луна, когда в ущелье влез
Автомобиль и вдоль реки, накренясь,
Стал гору брать. И буковый спал лес,
Где паутина — сетки лаун-теннис.

Путь между гор правел и вдруг левел.
Жужжали вверх и с горки тормозили.
Я вспоминал, как долго не говел,
Чтоб поговеть, не делая усилий.

Уже монастырело все вокруг:
Вода в реке, луна и лес из буков.
И крутизна, и лунный плеск, и бук
Все утишало горечь, убаюкав.

Благословен холодный черный час,
Паломнический путь в автомобиле,
И монастырь, призвавший грешных нас,
Кто в похоти о страсти не забыли.

3. В КЕЛЬЕ

В нагорный вечер сердце не хандрит,
Захваченное звездной каруселью.
Нас у ворот встречал архимандрит,
Приведший нас в натопленную келью.

Нам служка подал крепкий сливовиц,
Зеленоватый, ароматный, жгучий,
Слегка зарозовивший бледность лиц,
Поблекших в колыханьи с круч на кручи.

Сто сорок километров за спиной,
Проделанных до Рилы от Софии.
Я у окна. Озарены луной
Олесенные горы голубые.

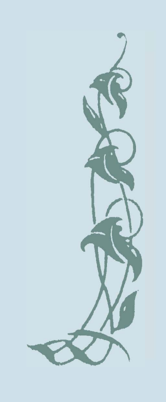
Бежит река. Покрыто все снежком.
И в большинстве опустошенных келий
Безмолвие. И странно нам вдвоем
На нашем междугорном новосельи.

4. СКИТЫ

По утреннему мы пошли леску
В далекий скит Святого Иоанна.
И сердце, отложившее тоску,
Восторгом горним было осиянно.

Бурлила речка в солнечных стволах,
И металлически листва шуршала.
Сосульки звонко таяли. В горах
Морозило, слепило и дышало.

Вот церковка. Ее Святой Лука
Построил здесь. Уютно и убого.
И голуби, белей чем облака,
Вокруг летают ангелами Бога.

Вот щель в скале. В ней узко и темно.
Тому, кто всю пролезет, не застрянув,
Тому грехов прощение дано.
Тропа уступами в скит Иоаннов.

Здесь неизменно все из года в года.
Здесь время спит. Во всем дыханье Божье.
...И кажется отсюда ваш фокстротт
Чудовищной, невероятной ложью!

Тойла
31 августа — 4 сентября 1932

ТЫРНОВО НАД ЯНТРОЙ

Опоясывает восьмеркою
Высь уступчатую река.
Воду лед покрыл тонкой коркою,
И снежок покрыл берега.

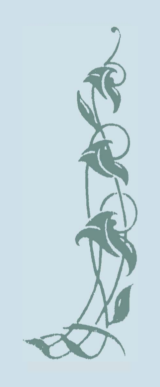
А над Янтрою, в виде мирного
И гористого городка,
Глуховатое дремлет Тырново,
Перевидевшее века.

В плотных домиках, крепко склеенных,
Понадвиснувших над рекой,
Сколько смелых чувств, чувств взлелеянных
Всей историей вековой.

И от каждой-то горной улицы,
И от каждой-то пары глаз,
И от праздничной-то разгулицы
Источается древний сказ.

В маслянистые, злато-карие,
Как их тщательно не таи,
Заглянул я в твои, Болгария,
Взоры дружеские твои...

Тойла
31 января 1932

ОДНОМУ РЕБЕНКУ

О, светлая моя Светлана,
Дитя с недетской душой,
Вообрази: в снегу поляна,
Луна и лес большой, большой...

Здесь от Словении есть что-то:
Такие же сосны и холмы.
И кажется мне отчего-то,
Что поняли б друг друга мы...

Мне жизни не снести несносной,
Мешающей мне жить шутя:
Ты знаешь... Не совсем я взрослый,
А ты... ты не совсем дитя!

Тойла
12 октября 1932

НА ЛЕТНЕМ ЯДРАНЕ

О, сколько радости и света
В живительной голубизне
Адриатического лета
На каменистой крутизне!

Здесь мглится воздух раскаленный,
Колеблет город мгла, и весь
Кирпично-палево-зеленый,
Твердит: «От зноя занавесь».

Но как и чем? Одно движенье
Забывшейся голубизны,
И — о, какое упоенье
Для изнемогшей крутизны!

Ночь, ветерок ли, дождь ли, этот
Взор к отплывающей корме...
О, сколько радости и света
Во влажной нежной южной тьме!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
5 июня 1933

ЗВОН ЛИЛИЙ

Я грусть свою перегрущу —
Я утро в комнату впущу,
И, белой лилией дыша,
Оно, волнуясь и спеша,
Заполнить комнату мою
Всем тем — всем тем, что я люблю:
Прозолоченной белизной
И гор окружных крутизной,
Лазурью неба и волны.
И станут дни мои полны
Стихами, нежностью, и вновь
Неистребимая любовь
К Несуществующей впорхнет,
Как утро — в комнату, в мой гнет,
В нужду мою, в тоску, в мой стон.
О, лилий ароматный звон!
О, Адриатика моя
Я — снова я! Я — снова я!

Дубровник (Рагуза)
Вилла «Флора мира»
5 июня 1933

СЛОВЕНКА ЛИЗА

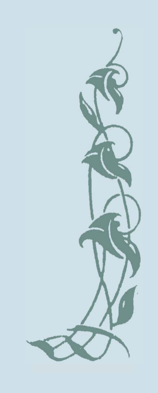
Словенка Лиза, повара жена,
Веселая красивая шатенка,
Сказала мне, в ручье отражена
(И в этом прелесть главная оттенка!):

«Закажем гуляш, чокнемся вином
В одной из нами встреченных гостилен».
Мы к столику присели под окном,
И, признаюсь, был этот завтрак стилен...

По черным тропкам, близким ей одной,
Уже с утра мы в замок шли соседний,
И этот путь, мне чуждый, ей родной,
Навеял будоражащие бредни...

И, розовая, стала от вина
Она еще, казалось, розовее,
Словенка Лиза, повара жена,
Все предрассудки смехом поразвеяв...

Кишинев
15 февраля 1934

СВЕТЛЯКИ

Мы на паре горячих буланых
Норовистых ее лошадей,
В чарах вечера благоуханных,
Возвращались домой из гостей.

Утрамбованный путь был извилист,
Пролегавший полями меж гор.
Вдалеке небеса озарились —
То зажег фонари Морибор.

Ночь, в разгаре словенского лета,
Упояла прохладным теплом,
С колокольни Святая Марьэта
За своим наблюдала селом.

Чуть шуршала в тиши кукуруза,
Дальний замок стоял на горе,
Где из «Тоски» — умерший Карузо
В граммофоне брал верхнее «ре».

Но слова,— ими все не расскажешь,—
Приблизительны и далеки.
Вот над нашим блестят экипажем
Пролетающие светляки.

Точно взят из тропической сказки
Этот путь удивительный наш.
На проселок, от гравия вязкий,
Поворачивает экипаж.

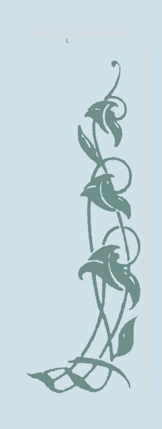
Чужд нам город, исчадье азарта,
Узаконенный переполох.
С колокольни Святого Ленарта
Хрипловатый доносится вздох.

За горами Святая Барбара
Откликается глухо ему:
Раз удар и еще два удара
Упадают в душистую тьму.

А за нами, пред нами, над нами,
В отраженьи возникшей реки,
Вьются — в явь превращенные снами
Размечтавшиеся светляки.

Кишинев
1 февраля 1934

В ТРЕТИЙ ПРИЕЗД

Третий год подъезжаю к Сараеву,
И встречает меня в третий раз
С очевидной и нескрываемой
Лаской светоч встревоженных глаз.

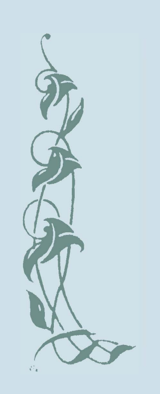
Каждоразно цветами увенчанный
И восторженностью обогрет,
С превосходною русскою женщиной
День-другой коротает поэт.

Все-то улицы испоперечены
И извдолены, где — ввечеру —
Сербки те, что давно отуречены,
Иногда поднимают чадру.

На базар, по восточному красочный,
Уж заглянуто множество раз,
И весь город, нагорный и сказочный,
Претворен в полный прелести сказ.

Но всего остального пленительней
И конечно, милее всего
Облик женщины обворожительной
И встревоженных глаз торжество.

Босния. Сараево
2 июня 1933

ОРЛИЙ КЛИЧ

Быть может, ты сегодня умерла
В родном тебе, мне чуждом Будапеште,
В горах подвергнувшись когтям орла.
Сказать врачу: «Не мучайте... не режьте...»

И, умерев венгеркой, в тот же час
Ты родилась испанкою в Севилье,
Все обо мне мечтать не разучась
И проливая слезы в изобильи.

И, может быть,— все в жизни может быть!
Увижусь я с тобой, двадцативешней,
Все мечущейся в поисках судьбы,
Больной старик, почти уже нездешний.

Ну да, так вот увидимся на миг
(Возможно, это будет в Тегеране...)
И вздрогнешь ты: «Чем близок мне старик,
Сидящий одиноко в ресторане?»

И встанет прежней жизни Будапешт:
Ты все поймешь и скажешь... по-венгерски:
«Как много с Вами связано надежд!..»

...И орлий клич, насмешливый и дерзкий,
Ты вспомнишь вдруг, не поднимая вежд...

Тойла
31 октября 1934

ПРЯМОЛИНЕЙНЫЙ СОНЕТ

Ты никого не любишь: ни меня,
Ни третьего, ни пятьдесят второго.
Ты попросту немного не здорова:
Дня не прожить тебе, не изменя.

Кому и с кем — не важно. Заманя
К себе кого-нибудь, отдаться снова.
Свой утолить инстинкт — твоя основа.
Ты холодна, и нет в тебе огня.

Ты говорить о страсти не осмелься:
Ты знаешь только похоть. Страсть на рельсы
Кладет людей. Страсть — спутница любви.

Любовь приносит жертвы. Страсть ей вторит.
Любовь не омрачает, а лазорит.
Ты похоти любовью не зови.

Тойла
31 октября 1934

СТИХИ ЯВНО ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ

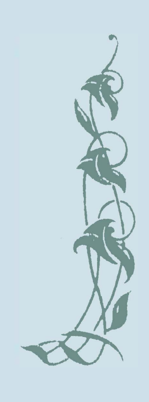
В. Я. О.

От всех невинностью виновных хамок
Я изнемог.
И в Храстовац, средневековый замок,
Сел под замок...

Я вверил ключ таким рукам прелестным,
Таким рукам,
Что перестал грустить о неизвестном
По целым дням...

И кончу тем в начальной Вашей школе,
Что петь начну,
Благодаря спасительной неволе,
Свою... жену!

Замок Hrastovac
Slovenija
1 августа 1933

ЦАРИЦА ЗАМКА

В. Я. О.

У Веры Яковлевны в доме,
Взобравшемся под облака,
Мы всё, мы всё имеем,— кроме,
Пожалуй, птичья молока.

Чего бы мы ни пожелали,
Все выполнимо без труда:
Пружинными кровати стали,
Одрами бывшие всегда...

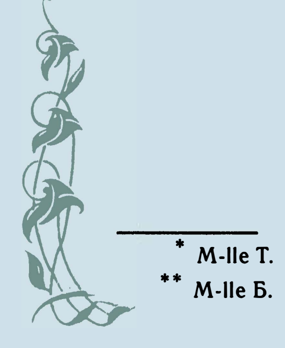
Явилось зеркало, и в вазе
Неувядаемы цветы,
И в каждой сказанной ей фразе
Оттенок некой теплоты...

И даже зонтик, старый зонтик,
Затасканный по городам,
Тот, что, казалось, только троньте,
В руках разлезется по швам,

Однажды утром стал, как новый,
И, раньше синий, стал иной:
Немножко желтый, чуть лиловый
И очень, очень голубой!..

И если я в глаза ей гляну,
Она, любя во всем контраст,
Мне в пику подарит *Любляну* *,
А нет — *Сараево* ** мне даст...

Замок Hrastovac
31 июля 1933

* M-lle T.
** M-lle Б.

ЦИКЛАМЕНЫ

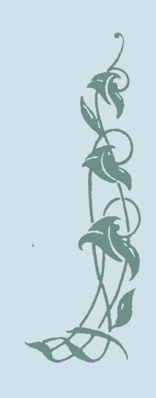
1. ЦИКЛАМЕНЫ

Лилово-розовые цикламены,
Прохладно-сладкие, в пять лепестков,
Неизменимые и в час измены
Неизменяемой Manon Lescaut,

Вы независимыми лепестками,—
Индейской перистою головой! —
Возникли вечером в лесу пред нами
И изливали аромат живой.

И страстно хочется мне перемены,
Столь неосознанной и смутной столь,
Как увлекающие цикламены,
В чьем свежем запахе восторг и боль.

Замок Hrastovac под Марибором
24 августа 1933

2. ЯБЛОНОВЫЕ РОЩИ

Яблоновые рощи на отлогих зеленых и приветливых склонах
Говорят о весеннем белорозовом нежном и мятежном цветеньи,
При таком безразличном в городах безвоздушных в ваших глупых салонах,
Где есть все, что угодно, кроме радости жизни и ее упоенья...

Я смотрю из окошка на простую природу, ах, что может быть проще?
На холмистое поле, на прохладную речку, на раскидистость буков,
На далекие Альпы и на вас, что повсюду, яблоновые рощи,
Где цветы облетели, чутко сердце поэта перед сном отаукав...

Замок Hrastovac
Над р. Пестецей
10 июля 1933

3. ПРОГУЛКА

Блузку надела яркую,—
Зеленую, ядовитую,—
И, смеясь, взяла меня за руку,
Лететь желанье испытывая.

Мы долго бродили по городу —
Красочному старому,
Своей историей гордому,—
Самозабвенною парою.

«Взгляните, как смотрят прохожие:
Вероятно мы очень странные,» —
Сказала она, похожая
На лилию благоуханную.

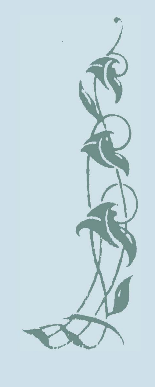
И в глаза мои заглядывая,
Склонная к милым дурачествам,
Глазами ласкала, и радовала
Своим врожденным изяществом.

Задержались перед кафаною,
Зашли и присели к столику,
Заказали что-то пряное,
А смеха-то было сколько!

Терраса висела над речкою —
Над шустрою мелкой Милячкою.
Курила. Пускала колечки.
И пальцы в пепле испачканы.

Рассказывала мне о Генуе.
О дальнем гурзуфском промельке.
Восторженная, вдохновенная,
Мечтающая о своем томике.

«Но время уже адмиральское,
И — не будем ссориться с матерью...»
С покорностью встал вассальскою,
И вот — нам дорога скатертью...

Болтая о всякой всячине,
Несемся, спешим, торопимся.
И вдруг мы грозой захвачены
Такою, что вот утопимся!..

Влетели в подъезд. Гром. Молния.
Сквозняк — ведь окно распахнуто.
Притихла. Стоит безмолвная.
И здорово ж тарарахнуло!

Прикрыла глаза улыбчиво
И пальцами нежно хрустнула.
Вполголоса, переливчиво:
«Дотроньтесь,— и я почувствую».

Ну что же? И я дотронулся.
И нет в том беды, по-моему,
Что нам не осталось соуса,
Хотя он был дорогостоимый...

Замок Hrastovac
10 июля 1933

4. ТУАЛЕТ

О, да! ты обладаешь вкусом,
И страсть к оттенкам развита:
К жемчужным тяготенье бусам
И черно-белые цвета.

Хотя бы взять вот шляпу эту,
В которой ты вчера была:
Она подобна менуэту,—
Так легкомысленно мала...

Из лакированной соломки,
Вся черная, и, как бросок,—
При том не броский и не громкий,—
Гвоздики белость на висок.

Я платьем восхищен красивым,
В котором тоже ты вчера:
Оно — как ночь, как ночь с отливом,
И тот отлив из серебра.

Белеет перевязь на темном
То где-то здесь, то где-то там.
Оно — нарядное, но скромным
Покажется в букете дам.

Твой туалет — мотив Пакэна,
Инструментованный тобой.
И потому в нем столько плена,
Что как бы мог я быть не твой?..

Замок Hrastovac
12 июля 1933

5. ПОРТРЕТ

О, золотистые каштаны
Твоих взволнованных волос,
Вы говорите мне про страны,
В которых быть не довелось!

Твой стан... твой стан! Одно движенье,
Едва заметное, слегка,—
И вот уж головокруженье,
И под ногою — облака...

Я пью твой голос. Он живящий
Затем, что был в твоих устах,
Невероятное сулящий,
Дающий больше, чем в мечтах...

Твои уста... В них полдень Явы,
В них тайна русского огня.
Ах, созданы они для славы
И — через славу — для меня!

Твой взгляд восторженно встревожен.
Он нежен, вкрадчив, шаловлив.
Ты та, кем я облагорожен,
Кем счастлив я и кем я жив!

Замок Hrastovac
12 июля 1933

6. ТВОИ СТИХИ

Твои стихи «не по сезону»:
В них дух романтики высок.
Я строгой критикой не трону
Нетронутости милых строк...

В них отзвук рыцарской эпохи:
Роброны, фижмы, менуэт,
Любовь и страсть, мечты и вздохи —
Все то, чего отныне нет.

В твоих стихах слегка жеманно,
Мечтательно, светло, тепло.
Ты нам поешь о чем-то странном,
О том, что навсегда ушло.

Обворожительно и грустно
Становится при чтеньи их:
Ты увлекаешь нас искусно
В века и дел, и чувств иных.

Ты, хрупкая, ценима мною,
И, если знать желаешь ты,
Твои стихи не что иное,
Как очень «хрупкие цветы»... *

Замок Hrastovac
В словенских горах
13 июля 1933

---

* Помещено в виде предисловия при сборнике стихов Валентины Перниковой (*примеч. автора*).

7. ИСКРЕННИЙ РОМАНС

Оправдаешь ли ты — мне других оправданий
не надо! —
Заблужденья мои и метанья во имя Мечты?
В непробуженном сне напоенного розами сада,
Прижимаясь ко мне, при луне, оправдаешь ли ты?

Оправдаешь ли ты за убитые женские души,
Расцветавшие мне под покровом ночной темноты?
Ах, за все, что я в жизни руками своими разрушил,
Осмеял, оскорбил и отверг, оправдаешь ли ты?

Оправдаешь ли ты, что опять, столько раз
разуверясь,
Я тебе протянул, может статься, с отравой цветы,
Что, быть может, и ты через день, через год или
через
Десять лет мне наскучишь, как все, оправдаешь
ли ты?

Замок Hrastovac
11 июля 1933

8. ФЕЯ СВЕТА

Я жду тебя в замке, седом и старинном,
Которому вскоре шестьсот,
Стоящем в холмистом краю у долины
В преддверьи альпийских высот.

Пока я живу в нем, я замком владею
(Кому и владеть, как не мне?).
Я жду тебя в замке, как добрую фею
Из Боснии черной, извне.

Ты пишешь: «Несу тебе солнце!» Ты пишешь:
«Тебе возрожденье несу!»
И тем, что ты пишешь, мне в сердце колышешь
Отраду в словенском лесу.

Ты слышишь ли сердца растущие стуки,
Скорбь ночью, восторг по утрам?
Ты видишь ли в муке простертые руки
За Дрину, к босанским горам?

Я гибну. Я слабну. Я гасну без света.
Почти ничего уже нет.
Я жду тебя в замке, мне данном на лето,
Как фею, несущую свет!

Замок Hrastovac
13 июля 1933

9. УЕХАЛА

Вот и уехала. Была — и нет.
Как просто все, но как невыразимо!
Ты понимаешь ли, как ты любима,
Какой в душе остался жгучий след?

Переворачивается душа:
Еще вчера — вчера! — мы были двое,
И вот — один! Отчаянье такое,
Что стыну весь, не мысля, не дыша.

Мы все переживали здесь вдвоем:
Природу, страсть и чаянья, и грезы.
«Ты помнишь, как сливались наши слезы?» —
Спрошу тебя твоим же мне стихом.

Ты из своей весны шестнадцать дней
Мне радостно и щедро подарила.
Ты в эти дни так бережно любила...
Я женщины еще не знал нежней!

Замок Hrastovac
27 августа 1933

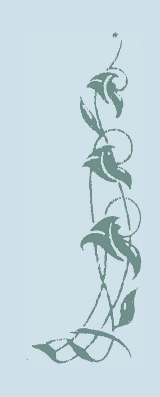
10. ТЕПЕРЬ...

Теперь о верности не говорят,
Обетов не дают и не ревнуют,
И беспрерывную любовь земную
Меняют на любвей короткий ряд.

Быть может, так и надо. Может быть,
Все это на Земле закономерно,
Где преходяще все и все неверно:
Ведь там, где смерть, бессмертной нет.

Как слышно, стал равниною Синай,
Стал плоскостью, ненужной больше ныне.
...Я не скажу тебе: «Не изменяй»,
Но так же не сказал бы: «Измени мне».

Замок Hrastovac
1 сентября 1933

11. МЕСТА...

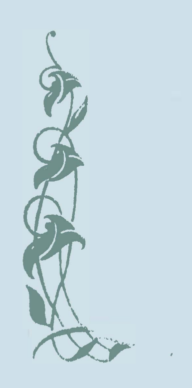
Они тобой проникнуты, места,
С тех пор, как ты уехала отсюда:
Вот, например, у этого куста
Таились от людского пересуда.

Вот, например, по этому пути,
В очарованьи платьица простого,
Ты в замок шла обычно от пяти,
Да, от пяти до полчаса шестого.

Вот, например, растущий на лугу
Поблекший чуть, голубенький цикорий.
На нем гадала ты. «Я не солгу»,—
Он лепетал в прощающем укоре.

Здесь все пропоцелуено насквозь,
И здесь слова такие возникали,
Что, если б влить в бокал их удалось,
Они вином заискрятся в бокале!

Замок Hrastovac
2 сентября 1933

12. ПО РЫЦАРСКОЙ ТРОПИНКЕ

Закатным солнцем озаренная
И солнце озарив закатное,
Влекуще-недоговоренная,
Идет высокая и статная.

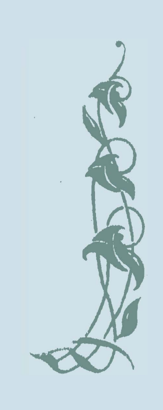
Идет тропинкой средь акации
Под ветками ореха грецкого.
И столько романтичной грации
В движеньях тела полудетского.

Тропа все круче между выемки.
Лицо идущей так мечтательно.
И платье бежевое с синеньким
На ней сидит очаровательно.

А я в окно смотрю, трепещущий
И упоенье предвкушающий,
На стан ее, в закате блещущий,
Прикосновений ожидающий...

И вот уж входит бессловесная,
Самоуверенно-смущенная,
Желанная, всегда прелестная
И, может быть, слегка влюбленная...

Замок Hrastovac
2 сентября 1933

13. ДИВО

Я видел свершенное диво.
Узнав, будешь им пленена.
В той роще, где было правдиво,
Взошли наших чувств семена.

В той роще, куда и откуда
Ходили с тобой по утрам,
Я видел свершенное чудо,
И роща отныне — мой храм.

Ты помнишь ли наши посевы?
Всю искренность помнишь ли ты?
О, все вы,— о, все вы,— о, все вы
Теперь превратились в цветы!

И алостью дикой гвоздики
Покрылась земля, где твоим
Ставал под усладные всклики,
Где двое ставали одним...

И так как все слишком правдиво
Для правду забывшей земли,
Свершилось воистину диво,
И чувства цветами взошли!..

Замок Hrastovac
7 сентября 1933

14. МОГЛО БЫТЬ ТАК...

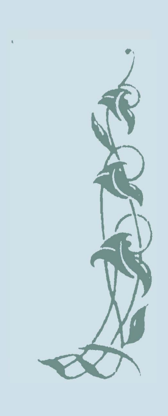
Могло быть так: лет двадцать пять назад,
Там, на воспетой Пушкиным Неве,
Слегка желтел зеленый Летний сад,
В осенней было небо синеве.

И Мраморный дворец стоял в плюще,
Пустело поле марсовых потех.
Я в мягкой черной шляпе и плаще
Дорожкой проходил с одной из тех...

И бонну с девочкою лет пяти
Мы у Крылова встретили тогда
Дитя у нас сверкнуло на пути,—
Как с неба падающая звезда.

Могло быть так.
...И вот, лаская Вас,
Отделаться от мыслей не могу:
Оно — одно: сиянье Ваших глаз
И — девочка на невском берегу!

Замок Hrastovac
16 сентября 1933

15. ТЫ ОТДАЛАСЬ...

Ты отдалась вчера на редкость мило:
Так радостно, так просто отдалась.
Ты ждущих глаз своих не опустила,
Встревоженных не опустила глаз.

Была скромна. Слегка порозовела.
Чуть улыбнулась уголками губ.
Покорливое трогательно тело,
И вступ в него — упругий, сладкий вступ.

Ты девушкою, женщина, казалась
По некоторым признакам, но все ж
По-женски и со вкусом отдавалась,
Да так, что, вспомнив, вздрогнешь и вздохнешь.

Замок Hrastovac
15 августа 1933

16. В ТЕ ДНИ...

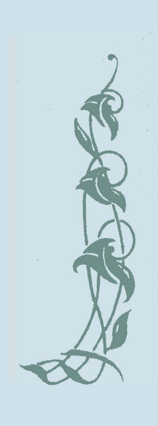
В те дни, отмеченные всходом
Медовых наших двух недель,
Когда цветы нам пахли медом
Затем, что их касался Лель,

В те дни, когда на лов морены
Шел к мельничному колесу,
И засыпали цикламены
Под вечер в буковом лесу,—

В те дни ты мне принадлежала
Так много ярких, острых раз
И губ своих вонзала жало
Мне в губы меж дурманных фраз.

В те дни все пахло оголтело,
Но больше прочих мне сродни
Был запах женственного тела,
Изнеможенного в те дни...

Замок Hrastovac
16 сентября 1933

СТАРЕЮЩИЙ ПОЭТ

Стареющий поэт... Два слова — два понятья.
Есть в первом от зимы. Второе — все весна.
И если иногда нерадостны объятья,
Весна — всегда весна, как ни была б грустна.

Стареющий поэт... О, скорбь сопоставленья!
Как жить, как чувствовать и, наконец, как петь,
Когда душа больна избытком вдохновенья
И строфы, как плоды, еще готовы спеть?

Стареющий поэт... Увлажнены ресницы,
Смущенье в голосе и притушенный вздох.
Все чаще женщина невстреченная снится,
И в каждой встреченной мерещится подвох...

Стареющий поэт... Наивный, нежный, кроткий
И вечно юный, независимо от лет.
Не ближе ли он всех стареющей кокотке,
Любовь возведший в культ стареющий поэт?

Замок над Дравой.
Словения.
11 сентября 1933

В ПОИСКАХ ИСТИН

Я в поисках истин по свету езжу,
Но всюду лишь похоть, коварство, расчет.
И женщина стала почти что вещью,
Листком, что рассчитан на скользкий прочёт:

Рекламной листовкой, что в руки наспех
Суют на проспекте — скорей бы раздать!
Сойдешься с такою, и будут распри:
Ты сирина ловишь — поймаешь дрозда...

Где женщина — книга страниц на триста,
Причем не хватает не меньше двухсот?
Вот их бы восполнить мечтою артиста,
Страницы душистей сиреневых сот!

Тойла
10 ноября 1934

НИЧТО В ЧЕМ-ТО

Во встречи вдумываясь впроскользь,
И от скольжений изнеможен,
«Ты, тающая, не из воска ль?» —
Я вопрошаю таящих жен,

Таящих таянье и, в силу
Уплыва в темень небытия,
Дающих все, что б ни спросила
Душа взыскующая моя.

И знаю: ужас в том, что ровно
В таящих что-то нет ничего,
Что таящие хладнокровно
Не стоят пламени моего...

Тойла
10 ноября 1934

НЕЧТО СОЛОВЬИНОЕ...

У меня есть громадное имя,
Ослепительней многих имен.
Ах, я мог потягаться бы с ними,
Но для этого слишком умен...

Я — единственный и одинокий,
Не похожий совсем на других:
Легкомысленный, но и глубокий
И такой неудобный для них...

О бессмертьи своем не забочусь
И пою, как поет соловей.
Я влюбляюсь в мелькнувшую тотчас,
Остываю, пожалуй, скорей...

Да и как бы могло быть иначе,—
Часто ль плоть принимает Мечта?
Но чем чаще мои неудачи,
Но чем лживее женщин уста,

Тем все крепче и пламенней вера,
Что я гибну в напрасной алчбе,
Что искать ее в новых — химера,
Что она, как и раньше, в тебе.

Тойла
3 октября 1934

ЯБЛОНЬКИ

Ах, убежал бы я в предлунье бежевое,
Но обессиливает шаг тоска:
Вот эти яблоньки меня удерживают
И их сажавшая ее рука...

Рука под шарфиком парижским, зябленькая,
Оберегавшая мой каждый шаг.
Не удивительно, что с яблоньками
Связует нежного моя душа...

Вновь целомудрие подруги ландышевое
Мне ль, опрометчивому, уязвить?
Душа вечерняя, от мук оранжевая,
Изнемогающей полна любви...

Тойла
9 февраля 1935

СОЛНЦУ ПРЕДВЕШНЕМУ!

Так и хочется перекреститься на Солнце,
Потому что в нем больше, чем в ком-нибудь, Бог —
Полевого, лесного предвестник зелёнца
И румянца на лицах, гонящего вздох!

Этот воздух, пьянительный и богомольный,
Говорит, что начнется на днях ледоход,
Говорит мне о Пасхе, такой колокольной,
Что еще на Земле я остался на год...

Что еще — о, восторг! — ты, загарная бронза,
Позлатишь мой мертветь начинающий лик...
Так и хочется перекреститься на Солнце,
Потому что я Бога в нем видеть привык!

Тойла
20 февраля 1935

КАПЕЛЬ

Вы понимаете, что значит
Просолнеченная капель? —
Зима, смеясь, от счастья плачет,
Весны качая колыбель.
О, зиму смерть не озадачит:
Растаять — план ее и цель...

...В глазах моих лучится влага —
Капель зимы души моей.
Ах, в ней отчаянья отвага:
Познать восторг последних дней.
Торопит смерть при спуске флага,
И я... я помогаю ей.

Тойла
26 февраля 1935

ДАЛМАТИНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

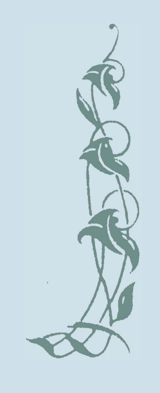
Ты слышишь, Аллочка, как захрустели шины?
Мы поднимаемся на снежные вершины.
Каттарро ниже все. Все ближе — ближе Ловчен —
Вершина зовкая, какой нет в мире зовче...

Ты в исступлении. Ты плачешь: «Вот где наше!»
И губ гранатные протягиваешь чаши.
«Вдыхай букетики моих мечтаний»,— шепчешь,
И прижимаешься ко мне все крепче, крепче...

О, возвышающее вышины изгнанье!
Адриатическое сникло побережье.
Дух изумрудящийся опрозрачен синью.
«Дай мне замерзнуть здесь,— ступай один
в Цетинье...»

Пять лет не встретившись, одним дышали вздохом:
Отдать ли смерти то, что собрано по крохам?
Само ведь Счастье едет с нами в экипаже.
Дай губы, Аллочка: тебя нигде нет слаже...

Тойла
3 марта 1935

ПИСЬМО ДО ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ

Знаешь, Ляля, милая, родная,
Дорогая Лялечка моя,
Что тебе скажу я, умирая,
Потому что жить не в силах я?

Я скажу тебе, что слишком поздно
Ты была дарована судьбой
С ласковой своею и серьезной
И с такою родственной душой.

Я скажу тебе, мой день весенний,
Мой лесной прохладный ручеек,
Что устал я слишком от сомнений,
Что совсем, совсем я изнемог.

Женщин ведь встречал я богомольно,
Видит Бог, и честно, и светло!
Ну и что же? было больно, больно
Под конец и очень тяжело:

Все не тех судьба мне даровала,
Да и сам для них бывал не тот.
А душа тебя одну искала,
И летел за годом новый год.

И летел и к сроку в бездну падал.
Я же в поисках изнемогал.
Мне тебя, тебя лишь было надо,—
Я во всех одну тебя искал!

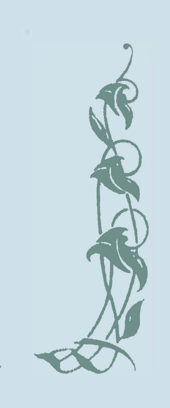
И теперь, когда уж нет ни силы,
Ни огня былого,— ничего,
Я тебя встречаю, друг мой милый
Гаснущего сердца моего.

Что могу теперь и что я смею,
Мученик, измучивший других?
Как же мне назвать тебя моею
В грустных обстоятельствах таких?

Не могу я жить, тебя печаля:
Не вместит греха такого грудь.
Откажись, пока не поздно, Ляля,
От меня! Забудь меня, забудь!..

Тойла
23 декабря 1934

* * *

Моя любовь к тебе вне срока:
Что значит время при любви?
О не пытай меня жестоко,—
На искус мой благослови!

Со мною ты — светло я счастлив,
Но и в разлуке ты со мной!
Я верю в звезды, что не гасли б,
Когда б весь мир погас земной.

Я знаю, рано или поздно
Мы две судьбы в одну сольем.
Не бойся жить до срока розно:
Порука — в имени моем.

Таллинн
18 марта 1935

ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Ты идешь по бездорожью,
Ищешь троп куда-нибудь.
Возвратись в природу Божью:
Это самый верный путь.

Город давит, город в тягость
Тем, кто выращен не в нем,
Вешних трав кто знает благость,
Кто святым горит огнем.

Ах, недаром в час досуга
За город уходишь ты,
Где в пыли томятся луга
Пригородные цветы.

Бедные цветы-калеки:
Им лишь грезить о полях,
Что прорезывают реки
В колосистых берегах.

Таллинн
21 мая 1935

В ЧЕРЕМУХЕ

В черемухе, цветущей над рекой,
Живет скворец, чьи перья — бронза в черни.
Под деревом ужу я в час вечерний.
С другою я, но сам я не другой.

Я тот же все: такой же одинокий,
Как и всегда, упрямый и больной.
Я знаю, под поверхностью стальной
Идет голавль, гордец голубобокий.

Я чувствую его незримый ход,
И убежден, что он достойно клюнет.
И, в бой вступив со мной, лесу наструнит
И будет мною вытащен из вод.

Но женщине меня не победить,
Как властно головля я побеждаю,
И не удастся рыболову Маю
Меня на дамский пальчик подцепить.

Pühajõgi
Лето 1935

ВИНИТЬ ЛИ?

У каждого правда своя,
И каждый по-своему прав.
Винить ли тебе соловья
За песню греховных отрав?

Винить ли невинный цветок,
В чьем запахе скрыта вина?
Винить ли бурливый поток,
Вздымающий камни со дна?

Винить ли за жало змею,
Спасающуюся у ржи?
Винить ли подругу мою
За чуточку бережной лжи?

Pühajõgi
Лето 1935

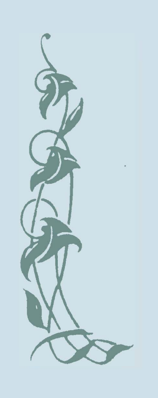
ОТРЕКШАЯСЯ ОТ СЕБЯ

Из-за ненужной, ложной гордости
Она, прожив с ним много лет,
Нашла в себе довольно твердости
Представить, что былого нет.

А между тем, в былом вся молодость,
Все счастье, вся она сама.
О, сколько скопческого холода!
Без проблесков весны зима!

Я знаю, дружба настоящая
Все оправдает, все поймет.
Свята душа, в скорбях горящая,
Бескрыл и низок сердца лет.

Pühajõgi
Лето 1935

НЕГРЫ НА СЕВЕРЕ

У шоколаднотелой Персюльки
В ушах забавно-пестрые висюльки.
На побережье северной реки
Она сидит в сквозной зеленой тюльке.

Пасет стада баранов Фертифлюр
Под медленно алеющей рябиной,
И Пепекеке, грустен и понур,
Над суковатой трудится дубиной.

Десятый год не видели песков
Взрастившей их, живившей их Сахары.
Десятый год живут в стране снегов,
Про африканские забыв загары.

Я иногда люблю под вечерок
Пройти в деревню черных колонистов
И к Персюльки усевшись на порог,
Изнежить душу в соловьиных свистах.

Вокруг голубоватые белки
Глаз негритянских, грустных на чужбине.
О дальнем юге грезит Персюльки
И о цветущей — пусть в мечтах! — пустыне.

И старый Марля ужин подает,
Такой невкусный вкусам африканским.
И сердце мне горячей болью жжет,
Когда сердцам я внемлю чужестранским.

Pühajõgi
24 августа 1935

ЗАБОТЫ ПЕРСЮЛЬКИ

Смотрит из окошка Персюльки́,
Как несет из лавочки кульки
С клюквой, сельдью, брюквой и шпеком
Фертифлюр, пловец по южным рекам.

И ревниво думает: «А вдруг
К Ильме заходил кудлатый друг.
И, разнежась, отдал Ильме той,
Что принадлежит лишь мне одной.

Ах, недаром Ильма каждый раз
Бирюзу своих лучистых глаз
Льет в его пылающий агат,
А бездельник, кажется, и рад.

Подожди ж ты, глупый Фертифлюр!
Вот затронет сердце мне амур,—
Отомщу тебе я в добрый час.
Бирюза и у мужских есть глаз.

Не забудь, что вправо, за горой,
Да не день, а вот уж год второй
Златокудрый Эльмар, эст-кузнец
Предлагает мне сковать венец.

Пепекеке нас благословит!..»
А пока печалью взор повит.
И сквозь слезы трудно счесть кульки
Из окна глядящей Персюльки.

Pühajõgi
24 августа 1935

ПЛЕННИК ГОРОДА

Я осень убиваю в городе,
Распластываю святотатственно,
Привыкший различать в аккорде
Ее лесов зов некий явственно.

Из обволакиваний осени
В былые годы — ясно помнится —
Я песни создавал на озере,
Когда душа была паломница.

Лик девственный проституирован
Моей души бездарным городом,
Но все ж его победа — Пиррова
Над тем, кто был и будет гордым.

Таллинн
14 октября 1935

ЗАБЫТЫЕ ДУШИ

Она, с кем четверть странствия земного
Так ли, иначе протекла,
Она меня оставила без крова
И на бездомность обрекла.

В совместно нами выстроенном доме,
В его прохладной теплоте,
Уже никто не обитает, кроме
Двух душ, забытых в пустоте...

Таллинн
14 октября 1935

ЗДЕСЬ — НЕ ЗДЕСЬ

Я здесь, но с удочкой моя рука,
Где льет просолнеченная река
Коричневатую свою волну
По гофрированному ею дну.

Я — здесь, но разум мой... он вдалеке —
На обожаемою моей реке,
Мне заменяющей и все и вся,
Глаза признательные орося...

Я — здесь, не думая и не дыша...
А испускающая дух душа
На ней, не сравниваемой ни с чем,
Реке, покинутой... зачем? зачем?

Таллинн
14 октября 1935

ГАРМОНИЯ КОНТРАСТОВ

Летишь в экспрессе — жди крушенья!
Ткань доткана — что ж, в клочья рви!
Нет творчества без разрушенья —
Без ненависти нет любви...

Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу...
Застыть пристойно изваянью,
А не живому существу!

Таллинн
14 октября 1935

ОДНА ВСТРЕЧА

О пушкинской мне говорит Татьяне
Уснувшей уходящее лицо!
Я остерегся бы (мы с ней в романе!)
Пред нею стать невольно подлецом.

Она уютно незамысловата,
Обезоруживающе проста.
Целую я растроганно и свято
Ее покорствующие уста.

В своих противоречьях гармонична
И в низостях невинных высока,
В своей обыденности необычна,
Она ведь та, кого я так ласкал!

Вот так ручей щебечет на поляне,
А поглядишь — его почти и нет.
О пушкинской напомнила Татьяне
Мне эта встреча на отлете лет.

Таллинн
10 октября 1935

КОЛЫБЕЛЬ ЖЕНСТВЕННОСТИ

У женщины должен быть лунный характер,
И чтобы в ней вечно сквозила весна,
Манящая с нею кататься на яхте —
Качели солено-зеленого сна...

И ревность должна ее быть невесомой,
И верность должна ее быть, как гранит.
О, к ласковой, чуткой, влекуще-влекомой
Мужчина всегда интерес сохранит.

За женственность будет любить голубую,
За желтые, синие солнышки глаз.
Ах, можно ли женщину бросить такую,
Которая всячески радует вас?!.

Таллинн
Октябрь 1935

ТЩЕТНАЯ МЕЧТА

Я женской женственности жду,
Той, исключающей вражду,
Той, в силу всяческих вещей,
Так успокаивающей...

Но не развратных хитрых дур
Ждет женственности трубадур:
В избытке брошен сей товар
На повседневности базар...

Нет, женственность моя четка:
Она добра, тонка, чутка
И очень нравственна при том,
И изобилует умом...

Когда взор женский мягко-лжив,
Я от страданья полужив.
Когда же честен, но суров,
Я от досады нездоров.

О, где ты, женственность-мечта,
Та восхитительная, та
Со всепрощением в очах
И восхищением в ночах?

Таллинн
26 октября 1935

ВЛАСТЬ ДЕРЕВНИ

Города выдумывают войны
И навязывают их деревне,
Потому что помыслы их гнойны
В бестолочи пакостной и нервной.

Стоит их деревне не послушать,
Нечего им сразу станет кушать.
Перестанут грозно хмурить брови:
Ах, голодным будет не до крови...

— Господа с портфелями! Довольно
Претворять кошмар корыстный в были.
Дайте жить деревне богомольно,
То есть так, как вы давно забыли.

Таллинн
27 октября 1935

СОНЕТ О ВЕРНОСТИ

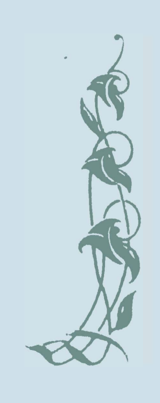
Не будучи сам верным по натуре,
Я верность в женщине ценить привык.
Я сдержанный люблю ее язык
И глаз тепло прохладное лазури.

Я не хочу, чтоб колыхали бури
Безоблачный и девственный дневник.
И, вместе с тем, чтоб в грусти не поник
Росистый взор, и стан не стал понурей.

Я умудреннее с годами стал.
Неверностью довольно я блистал
И даже почернеть успел от блеска...

Уж не бренчу я звеньями измен:
Должно быть, предыдущая Кармен
На сердце след отпечатлела резко.

Таллинн
27 октября 1935

ПЕРВЫЙ УЛОВ

Как трогателен колкий окушок,
Тобой на днях уловленный впервые!
Смеялась глуповато-хорошо,
Таща его в часы вечеровые.

О, видел я, как ты была горда
Сознаньем первой выловленной рыбы.
Ты в этот миг постигла города:
Не более, чем каменные глыбы.

Благословен да будет твой улов,
От города навек тебя отнявший,
Отдавший мне тебя без лишних слов
И пробудивший нежность к речке нашей.

Я не устану славить некий шок,
Тебя потрясший вдруг при первой рыбе.
Как восхитителен твой окушок,
На вечеревшем пойманный изгибе.

Таллинн
27 октября 1935

В ЛЕСУ ОСЕННЕМ

В лесу осеннем, обезлиственном,
Вдыхая прелый аромат,
Я стану вновь поэтом истинным,
Уйдя от городских громад.

Ногой по мшистой топи хлюпая
И жадно вслушиваясь в тишь,
Предам забвенью вздорно-глупое,
Что, город, ты в себе таишь.

Мне так неудержимо хочется
К сплошь проозёренным лесам,
Где станет вновь душа пророчицей
И я собою стану сам!

Таллинн
29 октября 1935

ГИМН ВОКЗАЛУ

Даже странно себе представить,
На кирпичный смотря забор,
Что, оставив плевок заставе,
Можно в черный умчаться бор!

В бор, где вереск, грибы да белки,
Воздух озера молодой
И ручьи, что чисты и мелки,
Влагой бьющие золотой.

Шеломящие мозг подводы
На булыжниках городских,—
Тишины моей антиподы,—
Боже, как я устал от них!

Город душу обрек страданью,
Город душу мою связал.
Потому нет прекрасней зданья
В каждом городе, чем вокзал!

Таллинн
31 октября 1935

ТОСКА НЕБЫТИЯ

Не страшно умереть, а скучно:
Смерть — прекращение всего,
Что было, может быть, созвучно
Глубинам духа твоего.

Не слышать музыки восхода,
Вечерней не узреть воды —
Всего, что может дать природа
Тебе в награду за труды;

Не упиваться лаской милой
Любимой женщины твоей,
Стать смрадной падалью могилы,
Безмозглых жертвою червей,—

Ах, что же может быть скучнее
И безотрадней доли той?
О, жизнь! Уходит вместе с нею
Восторг, повсюду разлитой!

И скука делается страшной,
И так ужасно знать, что впредь
Не повторится день вчерашний
Для тех, кто должен умереть!

Таллинн
3 ноября 1935

МАТЕРИ

Как часто матери причиной
Несчастья в жизни дочерей
Своей сухой любовью чинной
И деспотичностью своей!

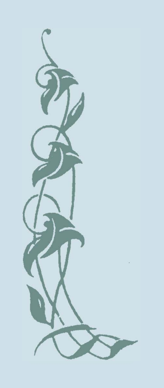
Муж хочет так, а мать иначе,
И вот, мечась меж двух огней,
Несчастная горюче плачет,
Увы, взывая тщетно к ней...

Несовместимы долг дочерний
И долг жены: как обнимать
Без муки мужа в час вечерний,
Когда меж ними в мыслях мать?

Тут охлажденье неизбежно,
И муж бросает ей в укор,
Зачем незаслуженно-нежно
На мать ее направлен взор...

...О, женщина! утишь свой ужас.
В Евангельи благая высь:
«Оставь родителей и к мужу
Душой и телом прилепись...»

Таллинн
3 ноября 1935

НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ

Нас двадцать лет связуют — жизни треть,
Но ты мне дорога совсем особо.
Мне при тебе мешает умереть:
Твоя — пускай и праведная — злоба.

Хотя ты о любви не говоришь,
Твое молчанье боле, чем любовно.
Белград, Берлин, София и Париж —
Всё это только наше безусловно.

Всегда был благосклонен небосклон
К нам в пору ту, когда мы были вместе:
Пусть в Сербии нас в бездну влёк вагон,
Пусть сотрясала почва в Бухаресте,

Пусть угрожала, в ход пустив шантаж,
Убийством истеричка в Кишиневе,—
Всегда светло заканчивался наш
Нелегкий путь, и счастье было внове.

Неизвиняемо я виноват
Перед тобой, талантом налитая.
Твоих стихов отчетлив аромат,
По временам из дали налетая.

Тебя я знал, отвергнувшую ложь,
В веселом вешнем платьице подростка.
Тобой при мне, тобою гордым сплошь,
Ах, не одна уловлена лососка!

А как молитвенно ты любишь стих
С предельной — предусмотренной! — красою.
Твой вкус сверкает на стихах моих —
Лет при тебе — живящею росою.

Тебе природа оказала честь:
Своя ты в ней! Глазами олазоря
Сталь Балтики, как любишь ты присесть
На берегу, мечтаючи, дочь моря!

Таллинн
5 ноября 1935

ГОЛУБИ

Непередаваемая грусть в душе моей
В этом старом городе, полном голубей:
Ничего-то птичьего в этой птице нет,—
Сколько безразличного! Ни мотоциклет,
Ни фигура варварски-грохотных подвод,
Ни почти ступающий на хвост пешеход —
Не пугают голубя: он невозмутим,
Он огорожанился, стал совсем ручным,
И на птицу гордую больше не похож,—
Что-то в нем куриное, чем его проймешь!
Больше не тоскует он о глухих лесах,
Не парит презрительно в вольных небесах.
Как напоминает он человека мне:
Птица электричество предпочла луне!
Поселилась в городе, смрадном и гнилом,
Разучилась действовать данным ей крылом...
Оттого-то в городе, полном голубей,
Непередаваемая грусть в душе моей!

Таллинн
6 ноября 1935

СКАНДАЛ В СЕМЬЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

Из-за окна, забытого открытым,
Произошел скандал в семье дурех,
И подавилась впопыхах бисквитом
Одна из старых теток четырех.

И барышне, ведьмообразной дылде,
Пришлось писать записку на стене,
Что, вот, знакомый доктор запретил-де
Ругаться при распахнутом окне...

А под конец записка возгласила
Проклятье воздуху, слова воздев —
Затем, что в воздухе таится сила,
Невинности лишающая дев...

Таллинн
27 ноября 1935

НА ОЗЕРЕ

1. ДОМИК НА ДИВАНЕ

Дом стоит как будто на диване:
Две горы — под домиком и над.
Озеро в предутреннем тумане,
И разлапанный фруктовый сад.

Хлюпкое и мшистое болотко
В чахлой, сохлой поросли сосны.
Днищем вверх повернутая лодка
В яблочном цвету — снегу весны.

Озеро Uljaste
7 января 1936

2. ЕЛКА В ЛЕСУ

Лошадка, что булана и борза,
Домчала нас в избушку в тихий вечер
Рождественский. В ней елочные свечи —
Растягивающиеся глаза.

Рыбак сидел у старых клавесин
И пел слова наивного хорала.
Изба стояла в рощице осин,
Над озером изба его стояла.

Жена сбирала ласково на стол
Колбасы деревенские и студень.
Махровым цветом мир в избушке цвел,
И Праздник был похож на скромный будень.

А мальчики — восьми и десяти —
Старательно и тонко подпевали.
О, Боже, в эту ночь нас посети,
Хоть зрить Тебя достойны мы едва ли!

Озеро Uljaste
5 января 1936

3. НА ГРУСТНОМ ОЗЕРЕ

В этой местности вечно печально,
Уж когда б я в нее ни попал.
Дремлет озеро первоначально
И луны озыбляет опал.

И поросшие соснами горы
(Берега ведь гора на горе!),
Глазки клюквы в болотном просторе
И морошка в живом янтаре,

И к раките подплывшая тихо
И смотрящая из глубины,
Ключевой и прозрачной, лещиха —
Все печальной полно тишины.

Десять лет я на озере не был,
И опять потянуло к нему
От прогорклого в городе хлеба
В зимних сумерек серую тьму.

Озеро Uljaste
4 января 1936

4. НА ЛЬДУ

Плечо к плечу вдоль озера мы шли,
В воде ища забвенья от земли,
Такой никак не подходящей нам,
Нам, преданным без выполненья снам.

Твои глаза таили жизни жуть,
Ты отдохнуть молила где-нибудь,
Уставшая в бессмысленном труде.
Где? Все равно: раз почвы нет — в воде...

Я так тебя жалел, я так скорбел.
Озерный лед лучисто голубел,
И проруби во льду — то здесь, то там —
Об отдыхе нашептывали нам...

О, девочка, постой, повремени:
Еще настанут радостные дни!
Как озера влекущая вода
Весной освободится ото льда,

Так мы избавимся от наших бед,
И будет нами жизни гимн пропет,
И скорбь уйдет из добрых глаз твоих,
И будет целый мир для нас двоих!

Озеро Uljaste
5 января 1936

5. КЛАВЕСИНЫ

Твоя душа летит к иным долинам:
Она погружена в цветенье лип.
Ты подошла, мечтая, к клавесинам,
И подошел к мечтам твоим Делиб.

В благочестивый вечер под Крещенье
Мы, притаясь в пролесенной глуши,
С тобой испытывали восхищенье
От всей, лишенной города, души!

Рояль твой в городе стоял закрытым,
Твоя душа молчала, как рояль.
Лишь здесь, соприкоснувшись с новым бытом,
Она позванивает, как хрусталь.

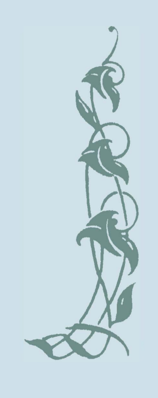
Озеро Uljaste
6 января 1936

ПЕСКАРИ

Скорей, скорей, скорей, скорей
Идем на ловлю пескарей!
При расцветении зари
Клюют так дружно пескари.
Одна есть грустная черта:
У их обиженного рта
Свисают усики-рожки,
Глаза — стеклянные кружки,
И вся в квадратиках спина —
Полусера, получерна.
Не очень важен червячок,—
Лишь бы слегка прикрыть крючок
Кусочком малым червячка:
Вмиг рыбу с ликом старичка
Поймаешь ты в быстринке той,
Что в солнце мнится золотой.
Итак, готовьте сухари:
К обеду будут пескари!

Таллинн
20 ноября 1935

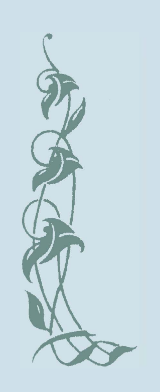

* * *

Ты души своей не растаскивай,
Чтобы бабушек ублажить...
Ты пойми, мой ребенок ласковый,
Что самой тебе надо жить,

Что душа твоя предназначена
Мне, единому, навсегда,
Что не может быть впредь потрачена
Часть души твоей никуда!

Pühajõgi
3 июля 1935

ПРОМЕЛЬК

Весною осененный ясень
Под синью неба прояснел
И грустненький пейзаж украсил
Своею радостью весне.

Таллинн
27 февраля 1936

ПЕСНЯ О ЦВЕТАХ

О подснежниках синеньких,
Первых вешних цветах,
Песню, сердце, ты выкинь-ка
Чтоб звучала в устах!

О бокальчатых ландыщах,
Ожемчуживших мох,
В юность давнюю канувших,
Вновь струящих свой вздох.

О фиалочках северных,
Лиловатых слегка,
Запах чей неуверенный
Пьем на скате леска.

О жасмине, клубникою
Полыхающем нам
В мае ночь светлоликую
По окрестным садам.

И о бархатном ирисе,
Чья окраска чиста,
Песню, сердце, ты выброси
Нам скорей на уста!

Таллинн
6 марта 1936

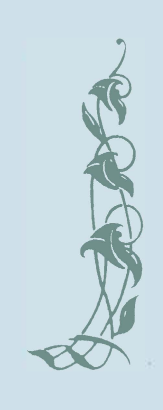
ЗА ДНЕПР ОБИДНО

За годом год. И с каждым годом
Все неотступней, все сильней
Влечет к себе меня природа
Великой родины моей.

Я не завистлив, нет, но зависть
Святую чувствую порой,
Себе представив, что мерзавец —
Турист какой-нибудь такой,—

Не понимающий России,
Не ценящий моей страны,
Глядит на Днепр в часы ночные
В сияньи киевской луны!..

Таллинн
6 марта 1936

ПОЮЩИЕ ВЕСНЫ

Мы ярко чувствуем весну:
Во всем ее мотив.
Бросает звонче в вышину
Гудки локомотив.

И самый воздух стал ясней,
И стал длиннее день.
Весна! Все мысли снова с ней,
Куда бы их ни день.

При свете радостной зари
В оранжевом соку
Уж вскоре будут глухари
Томиться на току.

И реки вновь взломают лед
И унесут в моря.
В душе сиянье и полет,
Весне благодаря.

Заслышав вешнюю свирель,
Я отдаюсь ей весь.
Весна — единственная цель
Существованья здесь!

Таллинн
2 марта 1936

* * *

Эта пара из двух разных гробов,
Которые будут зарыты в двух разных странах.
А пока что, она крутит любовь
И вопит о сердечных ранах.
Как глупо, как гнусно-смешно,
Когда будущие покойники любятся!
Женщина бросится в раскрытое окно,
А мужчину переедет авто на улице.

Таллинн
13 ноября 1935

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПОСЛЕ ВЕЧЕРА ЛИТЕРАТУРЫ

Возьми ведёрко клейстера
И кистью стены мажь.
Из двух гимназий шестеро
Пришли на вечер наш!

Нам пять дала казенная,
Другая — одного.
Ах, это ль не законное
Искусства торжество?

И смеют говорить еще
Про нравственный падёж!
Возьму-ка я да вычищу
Стихами молодежь.

Заслуга в этом явная
Господ учителей,
Дающий столь исправное
Мировоззренье ей.

Как не сказать, что в Азию
Прорубят нам окно
Две русские гимназии...
Вот то-то и оно!

Недаром юнь опризена
За спорт, в чем я профан.
Живи, герой Фонфизина —
Бессмертный Митрофан!

Таллинн
30 марта 1936

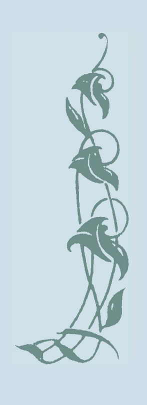
БЕЗ НАС

От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Не нами, другими, без нас...

Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена все ж.
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поешь!

И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,—
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.

Таллинн
Март 1936

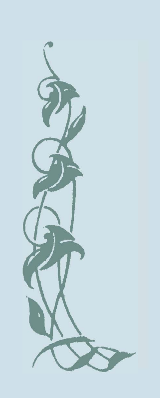
ТЩЕТА НАДЕЖД

Искать Любовь в безлюбьи — верить в чудо.
Но я поэт: я верю в чудеса!
Что ж, тем больней... Я ухожу отсюда,
Где по кусочкам сердце разбросал.

И еле жив, давя в себе рыданья,
Удостоверившись — в который раз? —
В тщете надежд, я ставлю впредь заданье:
Не пополнять Любви иконостас.

И умудрен последнею попыткой —
Повыискать надземное в земном,
Я ухожу, терзаем жгучей пыткой,
В убогий свой, в заброшенный свой дом.

Таллинн
7 апреля 1936

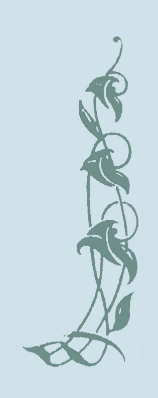
ГРУСТНЫЙ ОПЫТ

Я сделал опыт. Он печален:
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идет весна к дверям моим.

Еще одна весна. Быть может,
Уже последняя. Ну, что ж,
Она постичь душой поможет,
Чем дом покинутый хорош.

Имея свой, не строй другого.
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

Таллинн
2 апреля 1936

СОНЕТЫ О РЕВЕЛЕ

1

Зеленый исчерна свой шпиль Олай
Вознюсит высоко неимоверно.
Семисотлетний город дремлет мерно
И молит современность: «Сгинь... Растай...»

Вот памятник... Собачий слышу лай.
Преследуемая охотой серна
Летит с горы. Разбилась насмерть, верно,
И — город полон голубиных стай.

Ах, кто из вас, сознайтесь, не в восторге
От встречи с «ней» в приморском Кадриорге,
Овеселяющем любви печаль?

Тоскует Линда, сидя в волчьей шкуре.
Лучистой льдинкой в северной лазури
Сияет солнце, опрозрачив даль.

Таллинн
11 декабря 1935

2

Здесь побывал датчанин, немец, швед
И русский, звавший город Колыванью.
С военною знавались стены бранью,
Сменялись часто возгласы побед.

На всем почил веков замшелых след.
Все клонит мысль к почтенному преданью.
И, животворному отдав мечтанью
Свой дух, вдруг видишь то, чего уж нет:

По гулким улицам проходит прадед.
Вот на углу галантно он подсадит,
При отблеске туманном фонаря,

Жеманную красавицу в коляску.
А в бухте волны начинают пляску
И корабли встают на якоря.

Таллинн
12 декабря 1935

3

Здесь часто назначают rendez-vous *,
У памятника сгинувшей «Русалки»,
Где волны, что рассыпчаты и валки,
Плодотворят прибрежную траву.

Возводят взоры в неба синеву
Вакханизированные весталки.
Потом — уж не повинны ль в этом галки? —
Об этих встречах создают молву.

Молва бежит, охватывая Таллинн.
Не удивительно, что зло оставлен
Взор N., при виде ненавистной Z.,

Которой покупаются у Штуде
Разнообразных марципанов груды
И шьется у портнихи crêpe-georgette **.

Таллинн
13 декабря 1935

---

* rendez-vous — свидание (*фр.*).

** Креп-жоржет — мягкая прозрачная ткань из натурального или искусственного шелка (*фр.*).

Поль Верлен

МЕЛАНХОЛИЯ

ШЕСТЬ СОНЕТОВ

1. NEVERMORE

Чего ты от меня, былое, ждешь?
Дрозд улетал и воздух сек осенний.
Как монотонна солнечная дрожь
В лесу, где норд взорвался в желтой сени.

Она и я, мечтая шли вдвоем.
Мечты и пряди колебал нам ветер.
Внезапно взор волнующий — в моем.
«Какой бы был твой лучший день на свете?» —

Исполнен золота живого, вдруг
Спросил меня,— о, нежный этот звук! —
Подругин, ангельского тембра, голос.

Улыбка тайная была в ответ.
Навек — благоуханная веселость
Цветов и шепот: «да», лучащий свет.

2. СПУСТЯ ТРИ ГОДА

Я в маленьком разгуливал саду,
Войдя сквозь колебание калитки.
Цветы во влажных искрах — солнца слитки! —
Чуть золотились в утреннем ладу.

Я вновь увидел ту же череду:
Беседку (виноград в лозах в избытке!),
Тростник индийский стульев, струек нитки,
Осину, жалоба на чьем роду.

Как прежде, розы трепетно молчали.
Головки гордо лилии качали.
Здесь каждый жаворонок — знаю — знал меня.

И гипс,— облупленная Velléda,—
Себя в конце аллеи затеня,
Казался ослабевшим: — ...резеда.

3. ОБЕТ

Ах, первая властительница: милость!
Цветенье кожи, золото волос,
Глаз бирюза, душистый тела лоск
И ласки добровольной боязливость...

Как отдалились искренность и живость.
Их унесла весна напрасных слез.
От черных зим ей скрыться удалось
Скорбей, чей снег — усталость и брезгливость.

Разочарован я, и в сердце страх.
Я — прадеда оледенелый прах.
Я — сирота, сестры лишенный старшей.

О, женская любовь — тепло и лесть!
Что вдумчивой и удивленной краше?
Как мать, целуешь в лоб. Ну что ж, так есть.

4. ИЗНЕМОЖЕНИЕ

Во имя нежности, прекрасная, умерь
Любовной лихорадки исступленья:
Во время наибольшего кипенья
Порой беспомощною лучше быть, поверь.

Будь томной, лаской усыпи, красивый зверь,
Знай, что ревнивые любви прикосновенья
Не стоят поцелуя, упоенья,
Пусть лживого, но сладкого теперь.

Но в золотом сердечке у тебя
Не бродит ли, скажи, в свой рог трубя,—
Дай руку мне! — страсть та, что без рассудка.

Пусть подлая сама себе трубит!
Давай обет, что завтра позабыт.
Проплачем ночь, о пылкая малютка!

5. МОЯ ПРИВЫЧНАЯ МЕЧТА

Со мною трогательно грустная мечта
О женщине, совсем мне незнакомой,
О любящей, любимой и влекомой.
То та она, порой она не та.

Во мне ясна ей каждая черта,
И сердце, что прозрачней водоема,
Лишь ей одной понятно. Лба истому
Она свежит слезой: в ней теплота.

Брюнетка, рыжая ль она, блондинка? —
Не знаю. Имя? В памяти заминка.
У нежных, жизнью изгнанных, оно.

И взгляд ее подобен взгляду статуй.
А голос — как туманно! как давно! —
Навеки смолкшие, но милые когда-то.

6. ЖЕНЩИНЕ

Вам в дар стихи, дарованные мне
Глаз крупных Ваших милостью утешной?
Глаз и души прекрасной и нездешней,
Те, что возникли в скорби в глубине

Подобный волчьей яростной грызне,
Кошмар ревнивый сумасшедший спешке
Меня влечет, преследуя, в кромешный
Кровавый мрак. Я с ним наедине.

Что пред моими горести Адама,
Навеки утерявшего Эдем?
Эклога пастуха, не боле, прямо

Пустяк. Заботы Ваши, между тем,
Как ласточки в полдневном ясном небе
Сентябрьский день мой охлаждает жребий.

Таллинн
6—13 декабря 1935

МЕДАЛЬОНЫ

АЛДАНОВ

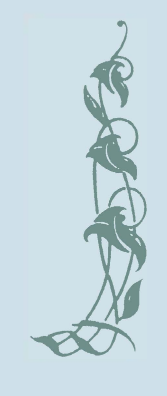
Кого бы ни характеризовал,—
Будь то Разумовский иль Бетховен,—
Всегда изображаемый греховен,
И слабостей в нем всяческих завал.

Он ничего ни в ком не прозевал,
Как евнух, желчен и нахмуребровен.
Он людям в душах не простил часовен
Затем, что сам святыни не знавал...

Удушливых и ледяных пустынек
В нем безвоздушный воздух. Скрыт в нем циник,
Развенчивающий любой венец.

Тлетворное его прикосновенье
Губительно. Его грызет сомненье.
Он мудр, как может мудрым быть скопец.

Кишинев. 1 марта 1934

БАЛЬМОНТ

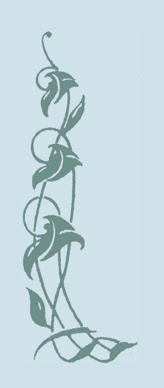
Коростеля владимирских полей
Жизнь обрядила пышностью павлиней.
Но помнить: нет родней грустянки синей
И севера нет ничего милей...

Он в юношеской песенке своей,
Подернутой в легчайший лунный иней,
Очаровательнее был, чем ныне
В разгульно-гулкой радуге огней.

Он тот поэт, который тусклым людям
Лученье дал, сказав: «Как Солнце, будем!»
И рифм душистых бросил вороха,

Кто всю страну стихийными стихами
Поверг к стопам в незримом глазу храме,
Воздвигнутом в честь Русского стиха.

Кишинев. 3 марта 1934

ВЕРТИНСКИЙ

Душистый дух бездушной духоты
Гнилой, фокстротной, пошлой, кокаинной.
Изобретя особый жанр кретинный,
Он смех низвел на степень смехоты.

От смеха надрывают животы
И слезы льют, смотря, как этот длинный
Делец и плут, певец любви перинной,
Жестикулирует из пустоты.

Все в мимике его красноречиво:
В ней глубина бездонного обрыва,
Куда летит Земля на всех парах.

Не знаю, как разнузданной Европе,
Рехнувшейся от крови и утопий,
Но этот клоун мне внушает страх.

Тойла. 1926 г.

А. Н. ИВАНОВ

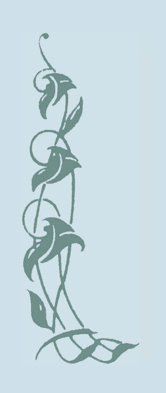
«Страдание рождает Красоту»:
Перестрадав, стал дух его прекрасным.
Во всем земном — и тщетном и напрасном —
Нельзя считать напрасной лишь мечту.

Мечту и мысль. И я глубоко чту
Его за то, что мудрое со страстным
Он сочетал в себе, оставшись ясным,
И попытался оправдать тщету.

Я не из тех, кто пышными цветами,
Бродя меж полусгнившими крестами,
Бездушный разукрашивает труп.

И, вслушавшись в его живое слово,
Мне радостно почтить его живого,
«Фиалочкой» и — озареньем губ.

Кишинев. 18 февраля 1934 г.

ФЕЛИССА КРУУТ

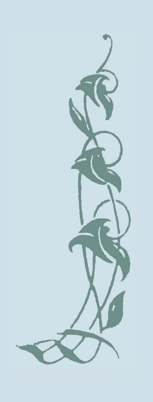
Ты — женщина из Гамсуна: как в ней,
В тебе все просто и замысловато.
Неуловляемого аромата
Твой полон день, прекраснейший из дней.

Отбрасываемых тобой теней
Касаюсь целомудренно и свято.
Надломленная бурей, ты не смята,
И что твоей глубинности синей?

Ты — синенький и миленький подснежник —
Растешь, где мох, где шишки и валежник,
Цветок, порой поющий соловьем.

И я, ловя форель коротким спуском,
Любуюсь образцовым точным русским
Твоим, иноплеменка, языком.

Кишинев, 7 мая 1934 г.

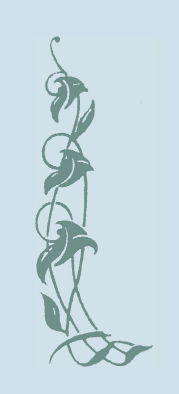
Судьба Европы — страшная судьба,
И суждена ей участь Атлантиды.
Ах, это вовсе не эфемериды,
И что — скептическая похвальба?

Мир не спасут ни книги, ни хлеба.
Все мантии истлеют, как хламиды.
Предрешено. Мертвящие флюиды
От мудрствующего исходят лба.

Философ прав, но как философ скучен.
И вот — я слышу серый скрип уключин
И вижу йодом пахнущий лиман,

Больным, быть может, нужный и полезный.
...А я любуюсь живописной бездной
И славлю обольстительный обман!

Кишинев, 9 марта 1934 г.

ЛЮБОВЬ СТОЛИЦА

Воистину — «Я красками бушую!»
Могла бы о себе она сказать.
Я в пеструю смотрю ее тетрадь
И удаль вижу русскую, большую...

Выискивая сторону смешную,
Старались перлов в ней не замечать
И наложили пошлости печать
На раковину хрупкую ушную...

И обожгли печатью звонкий слух,
А ведь она легка, как яблонь пух,
И красочностью ярче, чем Малявин!

О, если б бережнее отнестись,—
В какую вольный дух вознесся б высь,
И как разгульный стих ее был славен!

Кишинев. 1 марта 1934 г.

ШУЛЬГИН

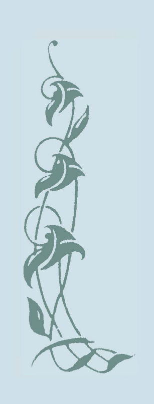
В нем нечто фантастическое: в нем
Художник, патриот, герой и лирик,
Царизму гимн и воле панегирик,
И, осторожный, шутит он с огнем...

Он у руля — спокойно мы уснем.
Он на весах России та из гирек,
В которой благородство. В книгах вырек
Непререкаемое новым днем.

Его призванье — трудная охота.
От Дон Жуана и от Дон Кихота
В нем что-то есть. Неправедно гоним

Он соотечественниками теми,
Кто, не сумевши разобраться в теме,
Зрит ненависть к народностям иным.

Кишинев. 18 февраля 1934 г.

ХОДАСЕВИЧ

В счастливом домике, мещански мил,
Он резал из лирического ситца
Костюмчики, которые носиться
Могли сезон: дешевый ситец гнил.

За рубежом, однако, возомнил,
И некая в нем появилась прытца:
Венеру выстирать готов в корытце,
Став вожаком критических громил.

Он, видите ли, чистоту наводит
И гоголем — расчванившийся — ходит,
А то, Державиным себя держа,

Откапывает мумии и лику
Их курит фимиам, живущим в пику,
Затем, что зависть жжет его, как ржа.

Кишинев. 9 марта 1934 г.

САВВА ЧУКАЛОВ

Избрал он русский для стихов язык,
Он, сердце чье звенело мандолиной.
Он в Петербурге грезил роз долиной,
Которою прославлен Казанлык.

Он постепенно к северу привык,
Родившийся в тени горы орлиной.
Впоследствии, свершая путь свой длинный,
Не раз душою горестно поник:

О финской целомудренной поляне
Он вспоминал, о северной Светлане,—
О девушке, его согревший май,—

Не все ль равно — о русской иль болгарке?
Дни юности всегда для сердца ярки,
А в дни любви роднее чуждый край.

Тойла. 5 сентября 1934 г.

НИКИФОРОВ-ВОЛГИН

Ему мила мерцающая даль
Эпохи Пушкина и дней Лескова...
Он чувствует Шмелева мастерского,
И сроден духу родниковый Даль.

Деревни ль созерцает, города ль,
В нем нет невыносимо городского:
Он всюду сын природы. В нем морского
Мороза хруст, что хрупок, как миндаль.

В весенний сад, что от дождя заплакан,
Выходит прогуляться старый дьякон
И вместе с ним о горестном всплакнуть,

Такой понятный автору и близкий,
Чтоб, возвратясь домой, слегка чуть-чуть,
Взять водочки и закусить редиской.

Таллинн. 4 марта 1936 г.

ГАНС ЭВЕРС

Его гарем был кладбище, чей зев
Всех поглощал, отдавших небу душу.
В ночь часто под дичующую грушу
С лопатою прокрадывался Стеф.

Он вынимал покойницу, раздев,
Шепча: «Прости, я твой покой нарушу...»
И на плечи взвалив мечту,— как тушу,—
В каморку нес. И было все — как блеф...

И не одна из юных миловидных,
Еще в напевах тлея панихидных,
Ему не отказала в связи с ним,

Почти обрадованно разделяя ложе.
И смерть была тогда на жизнь похожа:
Невинность, грех — все шло путем одним.

Таллинн. 29 февраля 1936 г.

НИКОЛАЙ ОРЛОВ

Казалось, он молился своему
Мучительно покорному роялю,
К нему припав с восторженной печалью,
В наструненную вслушиваясь тьму.

И понял зал мгновенно, почему
Владеет он недостижимой далью:
Он — Лоэнгрин, стремящийся к Граалю,
Он — чувство, неподвластное уму.

Изысканная судорога кисти
Его руки,— и был ли золотистей
Звук соткан человеческой рукой,

Когда из нот вдруг возникает слово,
Проговоренное р у к о й Орлова
С очаровательностью такой?

Таллинн. 3 октября 1936 г.

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁВ

«Любовь живет любовью, а не тем,
Что называется благодеяньем».
О, пусть любовь окончится страданьем:
Так быть должно, тут слова нет: «зачем».

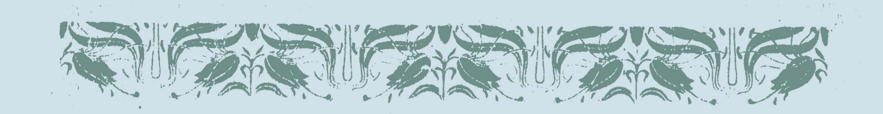
Пусть сердце будет радостно: не всем
Дано любить и жить хоть миг мечтаньем.
Ты дал любовь — душа полна звучаньем.
Ты отнял дар — дух благодарно нем.

Себя любить заставить — невозможно.
В любви все осторожно, все тревожно.
И изумительно — ее сберечь.

Противодействия она не терпит...
Любовь та, как луна: и на ущербе
Есть прелесть в ней. Дай ей свободно течь.

Таллинн. 15 января 1938 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВИНА НА ВСЕХ

Нам в подлую эпоху жить дано:
В культурную эпоху изверенья.
Какие могут быть стихотворенья,
Когда кровь льется всюду, как вино!
Протухшая мечта людей гнойна,
Наследие веков корыстью смято.
Все, что живет и дышит, виновато.
Культуры нет, раз может быть война!

Нарва-Иесу
11 января 1940

КОГДА Ж?

«Смысл жизни — в смерти»,— говорит война,
Преступника героем называя.
«Ты лжешь!» — я возмущенно отвечаю,
И звонко рукоплещет мне весна.
Но что ж не рукоплещет мой народ,
Бараньим стадом на войну влекомый?
Когда ж мой голос, каждому знакомый,
До разуменья каждого дойдет?

29 января 1940

ВИНОВНЫ ВСЕ

В войне нет правого: виновны все в войне
И нации, и классы поголовно.
Нет оправданья ни одной стране:
Кто взялся за оружье — все виновны.
К завоеванию призывы не должны
Поддерживаться мыслящей страною.
А для взбесившихся правителей страны
Есть наказанье площадное.

28 января 1940

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Ты влилась в мою жизнь, точно струйка Токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты какая:
Вся такая, как надо!» В уста ль
Поцелую тебя иль в глаза поцелую,
Точно воздухом южным дышу.
И затем, что тебя повстречал я такую,
Как ты есть, я стихов не пишу.
Пишут лишь ожидая, страдая, мечтая,
Ошибаясь, моля и грозя.
Но писать после слов, вроде: «Вот ты какая:
Вся такая, как надо!» — нельзя.

Нарва-Йыесуу
18 апреля 1940

ЕСТЬ ЧУВСТВА

Алексису Ранниту

Есть чувства столь интимные, что их
Боишься их и в строках стихотворных:
Так, дать ростков не смея, зрелый стих
Гниет в набухших до отказа зернах...

Есть чувства столь тончайшие и столь
Проникновенно сложные, что если
Их в песнь вложить, он не способен боль,
Сколь смерть вливают в слушателя песни...

И вот — в душе очерченным стихам
Без письменных остаться начертаний.
И эта кара,— кара по грехам,—
Одно из самых жутких наказаний.

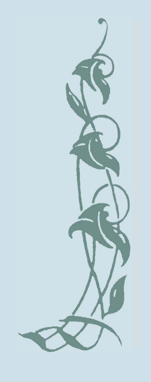
Таллинн
17 ноября 1937 *

В ТУМАННЫЙ ДЕНЬ

Дождь летит, студеный и ливучий,
Скрыв в туман глубокую Россонь.
Слышен лязг невидимых уключин
Сквозь промозглую над нею сонь.

Стала жизнь совсем на смерть похожа:
Все тщета, все тусклость, все обман.
Я спускаюсь к лодке, зябко ежась,
Чтобы кануть вместе с ней в туман.

И плывя извивами речными,—
Затуманенными, наугад,—
Вспоминать, так и не вспомнив, имя,
Светом чьим когда-то был объят.

* При сборнике А. Раннита «Via dolorosa»

Был зажжен, восторгом осиянный,
И обманным образом сожжен,
Чтоб теперь, вот в этот день туманный
В лодке плыть, посмертный видя сон...

26 октября 1938

ПУШКИН — МНЕ

— Сто лет, как умер я, но, право, не жалею,
Что пребываю век в загробной мгле,
Что не живу с Наташею своею
        На помешавшейся Земле!
Но и тогда-то, в дни моей эпохи,
        Не так уж сладко было нам
        Переносить вражду и срам
                И получать за песни крохи.
Ведь та же чернь, которая сейчас
        Так чтит «национального поэта»,
                Его сживала всячески со света,
                Пока он вынужденно не угас...
Но что за этот век произошло —
Настолько горестно и тяжело,
Настолько безнадежно и убого,
Что всей душой благодарю я Бога,
Убравшего меня в мой час с Земли,
Где столько мерзостного запустенья,
Что — оживи мы, трупы, на мгновенье —
Мы и его прожить бы не могли!..
Дивиться надо: как же ты живешь?
Перед твоим терпеньем преклоняться
И царственного уважать паяца,
Свет правды льющего в сплошную ложь.
Не унывай! Терпи! Уделом это
Спокон веков недюжинных людей.
Вернись домой: не дело для поэта
Годами быть без родины своей!

Тойла
7 февраля 1937

К ДАЛМАЦИИ

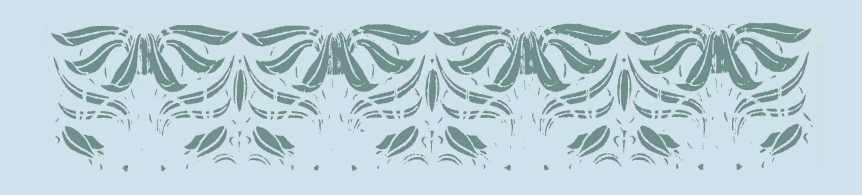
Мы прежде зим не замечали,
На юге зимы проводя,
Меняя вьюжные вуали
На звоны южного дождя.

Мороз не леденил дыханья,
На Бога воздух был похож
И жизнь — на первое свиданье,
Когда без пенья весь поешь.

Душа лучилась, улыбалась,
Уплывом в даль упоена,
И жизнь бессмертною казалась
От Далматинского вина!

Таллинн
23 ноября 1939

КОММЕНТАРИИ

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

Отд. изд.: Белград, 1931. На обороте титула — авторская помета: «Эти стихи, за исключением особо отмеченных, написаны в Эстонии, в Тойла. Estonie, Toila — эти два слова являются полным и неизменным с 1918 г. адресом автора этой книги».

Рукопись книги была передана в белградское издательство «Русская библиотека» в 1930 г., во время поездки автора в Югославию (См.: Северянин И. Письма к Августе Барановой. Stockholm, 1988. С. 66). Это издательство считалось очень престижным в эмиграции: оно выпустило в свет сочинения И. А. Бунина, Д. С. Мережковского, А. И. Куприна, И. С. Шмелева, А. М. Ремизова, К. Д. Бальмонта и др. В соответствии с этим Северянин отобрал для сборника лучшие свои стихи 1920-х годов — «стихи эстонского этапа моего всемирного пути» (так он охарактеризовал их в дарственной надписи на сборнике, подаренном сыну Вакху, датированной 8 сентября 1931 г.). Посвящение сборника королеве Югославии Марии связано с тем, что она частично финансировала издание.

Название сборника ориентировано на изменившуюся творческую позицию Северянина, оказавшегося в эмиграции,— на его устремление к «классической» простоте (см. предисловие к поэме «Колокола собора чувств»). Это же уст-

ремление декларировано и в одноименном «ключевом» стихотворении, открывающем сборник: эпиграф из стихотворения И. П. Мятлева «Розы» отсылает к знаменитому «стихотворению в прозе» И. С. Тургенева, в котором звучат сходные мотивы. 161 текст сборника сгруппирован в шесть поименованных разделов-циклов: «Чаемый праздник» (21 стих.). «Бессмертным» (4 стих.), «Девятое октября» (памятная дата встречи поэта с будущей женой, Фелисой Круут — 22 стих.), «На колокола» (цикл посвящен посещению поэтом Пюхтицкого женского монастыря — 6 стих.), «У моря и озер» (41 стих.), «Там, у вас на Земле» (65 стих.). Логика шестичастной композиции посвящена обычному для Северянина принципу антитезы, в которой последовательно развертывается цепь противопоставлений: сегодня — завтра, смерть — бессмертие, ми́молетное — вечное, цивилизация — природа и т. п. В этом смысле сборник оказывается очень цельным и направленным на раскрытие глобальных и вечных понятий: родина, творчество, любовь, природа, вера, культура.

ЛИТАВРЫ СОЛНЦА

Сборник не был опубликован. Печ. по рукописи автора: РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, ед. хр. 1. Рукопись представляет собой переплетенную тетрадь, подготовленную к печати, вероятно, в 1934 г. (конечная дата, указанная на обложке). Впоследствии, однако, Северянин возвращался к этой рукописи, вписывал некоторые новые тексты (в частности, переводы из А. Мицкевича и С. Нерис, выполненные в 1940—1941 гг.), правил прежние.

На связь этого сборника с предыдущим указывает не только датировка стихов, но и авторская помета на обороте титула: «Работа периода книги „Классические розы“. Выполнена большей частью в Эстонии (Тойла). Адрес автора: Severjanin. Estonie. Toila». Как показывает подзаголовок, сборник объединил тексты, не вошедшие в состав «классического» цикла. В соответствии с этим, разделение на «циклы» («Балтика», «Город», «На зов природы» и т. п.— всего 12 разделов при 124 текстах) оказывается достаточно случайным и поверхностным.

В подзаголовке титульного листа сборник «Литавры солнца» обозначен как «том 8». Это обозначение (предназначавшееся для хронологически более раннего сборника, вероятно, не состоявшегося) не соответствует ни хронологии, ни составу текстов.

МЕДАЛЬОНЫ

Отд. изд.: Белград, 1934. На обороте титула — авторская помета: «Работа, за исключениями, особо отмеченными, выполнена в 1925—27 гг. в Эстонии, Тойла». «Сонеты и вариации» сгруппированы в сборнике в алфавитном порядке, названы по именам персонажей; каждый имеет, к тому же, порядковый номер. Здесь Северянин включил характеристики тех литераторов и музыкантов, которые повлияли на его становление и развитие как художника. Он представляет друзей, соратников, предшественников, а также недругов, противников, оппонентов,— прежде всего для того, чтобы подробнее и глубже разъяснить собственное творчество. Способ «представления» персонажа каждого из сонетов — это либо указание на его произведения, на героев, либо воспоминание о собственных ощущениях, либо активный спор с литературным противником.

АДРИАТИКА

Отд. изд.: Нарва, 1932. Сборник составлен из произведений, навеянных пребыванием Северянина вместе с Ф. Круут в Югославии с октября 1930 по март 1931 гг. В письме в Стокгольм к А. Д. Барановой от 5 июля 1932 г. Северянин сообщал: «В настоящее время мы с Фелисой Мих<айловной> сделались издателями: печатаем в Нарве на свой счет новую книгу стихов „Адриатика". Нас побудило на этот шаг два обстоятельства: невероятная дешевизна типографского труда и необходимость (неизбежность, увы!) скорого заработка: сбережения наши от последней поездки кончаются, иссякают,— надо хоть на дорогу до Югославии заработать. Но это удастся только в случае распродажи половины издания. Всего же мы печатаем 500 экз. Продавать будем не очень дорого: 8 франц. франков за экземпляр. И только в таком случае удастся что-нибудь заработать» (Северянин И. Письма к Августе Барановой. С. 76). Поэт решил не отдавать книгу в магазины и сам занялся ее распространением (Там же. С. 78, 80, 84, 93), но ни особенного успеха в этом, ни особенных заработков не добился. Несмотря на неудачу, Северянин относился к этому сборнику с большой любовью: «Эта маленькая серенькая книжечка, доставившая нам столько розовых радостей...» (Там же. С. 84).

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Сборник не был издан. Печ. по рукописи: И. Северянин. Очаровательные разочарования. Лирика 1930—40 гг. Издание автора. Кн. 25. Румыния. Бухарест. 1940 (РГАЛИ, ф. 1152. оп. 1. ед. хр. 3). Сборник составлялся И. Северяниным в 1940 г.; до этого многие стихотворения были напечатаны в газетах, преимущественно прибалтийских, о чем есть указания в рукописи: называется только газета, без точных выходных данных. Разночтения между газетными публикациями и рукописью незначительны. При публикации сборника «Очаровательные разочарования» нами были сделаны следующие композиционные изменения: 1. В цикле «Цикламены» между 15 и 16 стихотворениями в рукописи, нарушая нумерацию, вписаны еще три: «Вина на всех», «Когда ж?», «Виновны все», датированные январем 1940 г. Видимо, они были написаны во время переписывания сборника. 2. В цикле «Медальоны», в рукописи он называется: Приложение. Десять сонетов-характеристик, являющихся дополнением к книге «Медальоны», изданной в 1934 году в Белграде. И впоследствии еще пять (на самом деле — четыре), перед первым сонетом «Алданов» переписано стихотворение «Последняя любовь» (18.IV.1940). 3. Наконец, уже после оглавления сборника «Очаровательные разочарования» в рукописи вписаны еще четыре текста: «Есть чувства» (17.XI.1937), «В туманный день» (26.X.1938), «Пушкин — мне» (4.II.1937), «К Далмации» (23.XI.1939). Все эти стихотворения нами печатаются в разделе: Приложение. Поскольку многие стихи «Очаровательных разочарований» связаны с гастролями поэта в Болгарии, Румынии, Югославии (большинство стихотворений этого цикла вошло в его книгу «Адриатика»), в конце рукописи Северянин подсчитал (не точно) количество своих за все годы выступлений с поэзоконцертами. Приводим эту небезынтересную запись:

ВЫСТУПЛЕНИЯ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА

Россия (1910—1918)

Петербург (55), Москва (26), Харьков (10), Тифлис (4), Одесса (4), Ростов-на-Дону (2), Екатеринодар (2), Курск (2), Тверь (2), Полтава (2), Саратов (2), Екатеринослав (2), Елисаветград (2), Кутаис (2), Баку (2), Симферополь (2), Севастополь (1), Керчь (1), Киев (1), Вильно (1), Псков (1), Казань (1), Орел (1), Армавир (1), Новороссийск (1), Таганрог (1), Ярославль (1), Минск (1), Лигово (1), Царское Село (1).

Эстония (1919—1935)

Ревель (7), Нарва (7), Юрьев (6), Гугенбург (6), Тойла (4), Везенберг (2), Печоры (2), Йеве (1), Валк (1), Кивийоли (1), Вёлькулун (1).

Латвия (1921—1929)

Рига (19), Двинск (2), Либава (1)

Литва (1921)

Ковно (2), Шавису (1).

Польша (1924—1933)

Варшава (9), Вильно (2), Ровно (1), Лодзь (1), Луцк (1), Белосток (1), Брест-на-Буге (1), Пинск (1).

Данциг (1924)

Цоппот (2)

Финляндия (1923)

Гельсингфорс (3)

Германия (1922, 1925)

Берлин (4)

Чехословакия (1925)

Прага (1)

Югославия (1930—1931, 1933)

Белград (12), Дубровник (2), Сараево (5), Любляна (2), Белая Церковь (2), Гораджа (2), Марибор (1), Птуй (1), Замок Храстовац (1), Новый Бечей (1), Великая Кикида (1), Суботица (1)

Болгария (1931, 1933)

София (6), Плевна (2), Пловдив (2), Старая Загора (1), Казанлык (1), Сливен (1), Тырново (1)

Румыния

Бухарест (3), Кишинев (5), Аккерман (1)

Всего: 301 раз.

19 июня 1939»

Содержание

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

ЛИТАВРЫ СОЛНЦА

МЕДАЛЬОНЫ

АДРИАТИКА

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

Северянин Игорь

С28 Сочинения. В 5-ти т. Т. 4/Состав., вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова.— СПб.: Издательство „Logos", 1995.— 592 с.: ил.

ISBN 5-87288-084-7 (т. 4)

ISBN 5-87288-080-4

Игорь Северянин — псевдоним Игоря Васильевича Лотарёва (1887—1941), одного из кумиров читающей публики 1910-х годов. В настоящем собрании сочинений впервые его творчество представляется в возможно полном виде, во всем обилии жанров, к которым обращался «король поэтов»: сборники «поэз» и поздние книги лирики, поэмы и автобиографическая проза, теоретический трактат и избранные письма. Разные по художественным достоинствам, эти произведения, собранные воедино в соответствии с последней авторской волей, позволяют вполне представить и его «двусмысленную славу», и его «недвусмысленный талант».

С $\frac{4702010102}{Г73(03)-95}$ Подписное **ББК 84.Р1**

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

СОЧИНЕНИЯ

Том 4

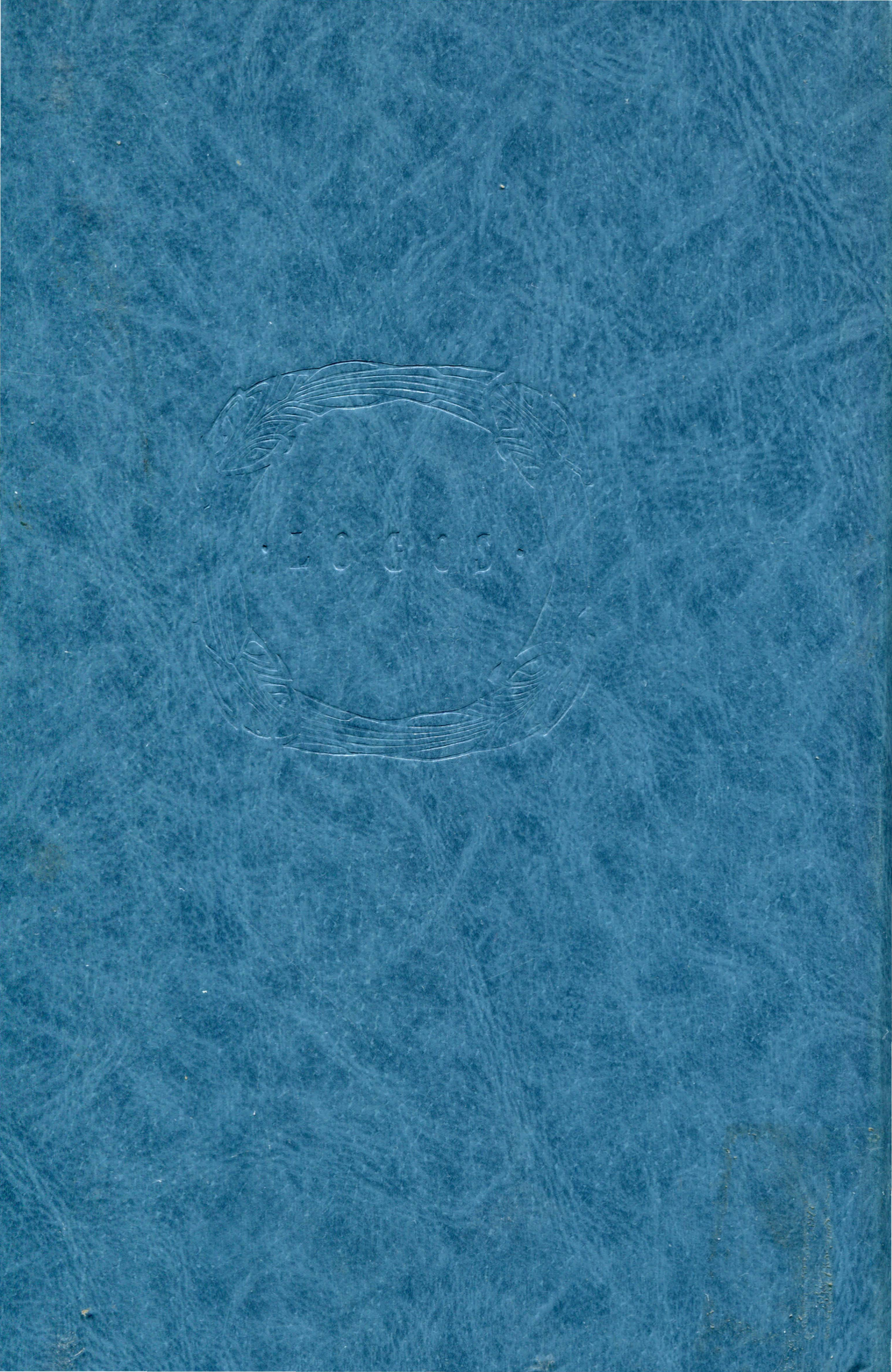
Художник *В. Е. Корнилов*
Технический редактор *И. В. Буздалева*
Корректор *О. С Денисенко*

ЛР № 030078 от 20.08.91.

Сдано в набор 01.11.94. Подписано в печать 08.04.96. Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 3000 экз. Заказ 341.

Издательство „Logos“ 190000, Санкт-Петербург, пер. Пирогова, 18

Отпечатано в Ордена Трудового Красного Знамени ГП «Техническая книга»
Комитета Российской Федерации по печати. 198052,
г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

LOGOS